

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВАСИЛИЕМЪ ЖУКОВСКИМЪ.

ЧАСТЬ XLIV.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ,

1809.

Съ одобренія Цензурнаго Комитета,
учрежденнаго для Округа
Императорскаго Московскаго
Университета.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАРТЪ, 1809.

№ 5.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

*Объ источникахъ для Русской
Исторіи.*

(Продолженіе.)

Русской народъ, въ одиннадцатомъ вѣкѣ вознесшійся на высокую степень образованности, и почти всѣхъ современниковъ своихъ, обитателей сѣверной и южной Европы, оставившій за собою, по несчастію опять погрузился въ невѣжество. Духъ неповиновенія Верховной власти возобладалъ Князьями. Они почти непрерывно ссорились между собою, и жестоко опустошали общее свое отечество. Бѣдствія умножились подъ владычествомъ Монголовъ. Трудно понять, какимъ образомъ въ столь плачевныя времена были еще люди, которые переписывали старыя

лѣтописи и сочиняли новыя! Тогда уже прекратились сношенія съ Греціею, которая сама одичала; а съ прочими землями Европы Русскіе, или какъ тогда называшь ихъ начали, Москвитяне, равнымъ образомъ не имѣли частыхъ сообщеній.

Около 16го вѣка произошло странное превращеніе порядка въ Русскихъ лѣтописяхъ. Богемцы, Поляки, Пруссы уже съ вѣкошераго времени старались надъ своею отечественною Исторіею; примѣшивъ недоспахокъ въ описаніи происшествій, въ отдаленныя времена случившихся, они старались дополнять ее собственными выдумками, кои распространяясь по сѣверу дошли и до Москвы, но какимъ образомъ — еще не изслѣдовано. Кипріявъ (*) и Макарій (**), Московскіе Митрополишы, многія выдумки чужестранныхъ Историковъ приняли въ свои *Степенныя книги*. Появился третій разрядъ лѣтописей: *огромныя собранія всякой всячины*. Такова лѣтопись Никонова, напечатанная въ 8 томахъ. Въ ней помѣщены *четыре* первые лѣтописца, но съ пропусками, прибавленіями изъ *Степенныхъ книгъ* и вставками изъ

(*) Умершій въ 1406мъ году.

(**) Умершій въ 1564мъ году.

Византійскихъ писателей, вовсе непринадлежащими къ Русской Исторіи попомъ слѣдующъ извлеченія изъ частныхъ лѣтописей, расположенныя безъ разборчивости.

Никонова лѣтопись продолжается до 1630 года. Г. А. Шлецеръ (*) думалъ, что симъ годомъ оканчивается Русское лѣтописаніе, не причисляя къ нему Повседневныхъ записокъ дворцовыхъ отъ 1632 го до 1655 го года. Однакожь намъ извѣстно, что историческія рукописи продолжаемы были до временъ Царя Алексія Михайловича и далѣе. Нынѣшній Исторіографъ Россійскій имѣетъ у себя одну лѣтопись, доведенную до начала Польской войны при Алексѣе Михайловичѣ (**). Какія сокровища спаяны въ сихъ сошняхъ, а можетъ быть тысячахъ лѣтописей, болѣе 500 лѣтъ непрерывно продолжаемыхъ!

Преподобный Несторъ есть первый, единственныи и древнѣйшій писатель, сообщающій достоверныя извѣстія о сѣверныхъ земляхъ и народахъ. Безъ него

(*) Сей почтенный иностранецъ, болѣе сорока лѣтъ упражняющійся въ древностяхъ Россіи и вообще Сѣвера, учеными трудами своими оказалъ незабвенное одолженіе любителямъ нашей отечественной Исторіи.

(**) См. соч. г-на Карамзина Ч. 8. стр. 230.

Европа имѣла бы самыя шемныя понятія о дальнемъ Сѣверѣ.

Еще со временъ Римлянъ привыкли раздѣлять Европу на южную и сѣверную; Рейнъ и Дунай почищаются предѣлами между обѣими частями, изъ коихъ послѣдняя гораздо болѣе первой. Для сей причины и еще для того, что сѣя часть становилась извѣсною не вдругъ, но въ разныя времена, Г. Шлецеръ (*) справедливо раздѣляетъ ее на *ближній Сѣверъ* и на *дальній*. Къ первому принадлежатъ: Германія, Паннонія и Данія; послѣдняя заключаетъ въ себѣ земли по сю сторону нижней Ельбы, къ сѣверу и востоку лежащія, то есть, Ютландскій полуостровъ, Данію, Норвегію, Исландію, Швецію, Лапландію, Финландію, Еспландію, Лифландію, Курландію, Пруссію, Липву, Польшу и Россію.

Теперь слѣдуютъ вопросы: когда сдѣлались извѣстными въ свѣтѣ, то есть, когда *открыты* земли дальняго Сѣвера, и въ какомъ сосояніи были онѣ въ то время, и позже при Неспорѣ? Чтобы отвѣчать на сѣи вопросы, надобно знать, ка-

---

(*) Котораго Probe Russisch. annalen, а особливо извѣсняемый имъ *Несторъ*, служатъ для насъ нипью Аріадниной.

нїе писашели сообщаютъ намъ первыя извѣстія о *дальнемъ Сѣверѣ*? кшо именно сїи писашели, когда они жили, и можно ли вѣрять ихъ извѣстіямъ?

Упомянувъ объ *открытіи* дальняго Сѣвера, надлежитъ дать опчетъ, почему упошреблено сїе слово, кошорое на первой елучай, можетъ быть, покажется спраннымъ. Было время, когда ученые Европейцы совсѣмъ ничего не вѣдали ни объ южной Африкѣ, ни о Кишаѣ, ни объ Америкѣ, ни о Сибири, ни объ южной Индіи, ни объ югозападныхъ берегахъ Америки; наконецъ сїи земли *открыты* Европейцами, равно какъ Бришаннїя и Германїя нѣкогда открыты Римлячами. И шакъ опнюдь несспранно, если кто либо предложитъ вопросъ: съ кошорого времени начали *открывать* спраны дальняго Сѣвера, или, что все одно и шже, какъ давно спраны дальняго Сѣвера сдѣлались извѣстными? На сїе опвѣчать можно такимъ образомъ: Еще около Рождества Христова Римляне начали было *открывать* оныя спраны; но какъ первыя покушенїя попомъ совершенно оспавлены, то истинное начало открытїя должно опносить къ началу девятаго вѣка, то, есть ко времени Карла Великаго; ибо до Ейнгарда, бывшаго секретаря,

ремъ при еемъ Государѣ, не имѣли досто-
 вѣрныхъ свѣденій о Балтійскомъ морѣ. Вся
 страна сѣверная почивалась невѣдомою
 землею (*terra incognita*). Долго пруди-
 лись ученые мужи надъ историческими
 изслѣдованіями; собирали извѣстія изъ
 Гомера, истиннаго или мнимаго Орфея,
 Моисея, Иродота, Спрабона, Помпонія
 Мелы, Плинія и другихъ пасашелей даже
 до Торнанда и послѣ него жившихъ Гео-
 графовъ; щцашельно выписывали все, что
 ни находили въ старинныхъ сочиненіяхъ
 о Сѣверѣ: время и пруды ученыхъ не на-
 прасно пошеряны; покрайней мѣрѣ ще-
 перь ничто уже не спанетъ искашь того,
 чего найши не возможно. Удивительна ли,
 что древніе ничего не знали о странахъ сѣ-
 верныхъ? Живучи въ своемъ опечесствѣ,
 они писали по слуху; они жили въ такое
 время, когда между южною часптію Евро-
 ны и дикимъ Сѣверомъ не было сообщеній
 продолжительнаго и непрерывнаго, не было
 шакихъ, какъ нынѣ, способовъ получить
 достовѣрные извѣстія о вновь открыва-
 емыхъ земляхъ и народахъ. Къ тому жь
 имена Скиеи и Сарматіи сдѣлали въ Гео-
 графії великое замѣшательство. Сими
 именами сначала назывались, точно какъ
 Индія и земля Кельшовъ, необширный, съ
 одной только стороны извѣстный обла-
 еши и народы; пошомъ уже подъ оными

разумѣли весь Сѣверъ, не думая, что путь находящаяся страны неизмѣримыя. Древнимъ казалось, что между берегами нынѣшней Саксоніи и Океаномъ Индійскимъ пространство не весьма великое; отъ него смѣшивали они Донъ съ Ельбою. До временъ Карла Великаго никто не воображалъ себѣ, чтобы море Балтійское было великимъ заливомъ. Адамъ Бременскій, современникъ Неспоровъ, даетъ ему странное названіе *Скиѣскихъ болотъ*, *Scythicae paludes*. До Неспора никто не упомянулъ о народахъ *Веси*, *Перми*, *Ями*, *Ливахъ* и проч.; кромѣ Неспора никто не сообщилъ извѣстій о земляхъ, по лѣвую сторону Вислы находящихся; до него никто не упомянулъ о *Деснѣ* и *Двинѣ*; онъ первой открылъ свѣту нашъ отдаленный Сѣверъ. Извѣстія его крапки, но справедливы и точны; между тѣмъ какъ другіе писатели выдумки свои, догадки и погрѣшности выдавали за истину. Съ тѣхъ поръ какъ Европа обратила вниманіе свое на Исторію нашего отечества, ученые иностранцы съ благоговѣніемъ произносятъ имя Преподобнаго Неспора. Они изумились, сравнивъ Русское богатство Исторіи съ бѣдностью прочихъ странъ нашего Сѣвера, въ ранній Неспора со временемъ опоздавшихъ Скандинавовъ, прочихъ Славянъ и Венгровъ, продолжительный поря-

дошъ и связь въ нашихъ лѣтописяхъ съ опривками и промежутками въ прочихъ, истину и важность нашихъ съ выдумками и нелѣпостями первыхъ Скандинавскихъ, Славянскихъ и Венгерскихъ хроникъ и всѣхъ послѣдовавшихъ имъ продолженій даже до шестнадцатаго вѣка!

Неспоръ, единый лѣтописатель справедливый, занимаетъ первое мѣсто между всѣми своими товарищами. Современникъ его Адамъ Бременскій писалъ только о Даніи и странахъ ей сопредѣльныхъ, не простираясь далѣе своего времени. Во Франконскихъ лѣтописяхъ повѣствуется только о берегахъ Балтійскаго моря до Одера, о Даніи, потомъ о Польшѣ. Исландцы Сæмуудъ (*) и Аре (**), Неспоровы современники же, можетъ быть писали умнѣе своихъ послѣдователей; но, къ сожалѣнію, труды ихъ утрачены. Датчанинъ Саксонъ Грамматикъ жилъ спустя 100 лѣтъ послѣ Неспора; но еще не доказано, древнѣ ли его самого хоть одна изъ шѣхъ нелѣпыхъ сказокъ Исландскихъ, кои для него были главными источниками. Многія племена Славянскія задолго прежде Руссовъ приняли крещеніе, и слѣдствен-

---

(*) Между 1056 и 1133 годами. (**) Между 1068 и 1148 г.

но искусство письма; однакожь у нихъ ниже думалъ кто-либо сочинять лѣтописи. У Поляковъ наконецъ явились дѣлители Маршынъ (*) и Кадлубекъ (**); но повѣствованія ихъ противны здравому смыслу. Въ 13мъ вѣкѣ и 14мъ нелѣпыя басни возрастали и умножались. Полученные монахи дополняли позднюю Историю своего опечеснва выписками изъ древнихъ Греческихъ и Римскихъ сочинителей, и вносили въ нее сказанія, вовсе къ ней непринужденныя. Вошъ въ какомъ состояніи была Словесность историческая нашего Свѣта отъ 800 го года до 1500 го. Въ печеніи сего великаго періода Несторъ, одинъ Несторъ былъ постоянно правдивый, любящій простоту и порядокъ лѣтописателя; къ нему ближе всѣхъ Лашышъ Гейрихъ (***) , хотя предметъ его не столь обширенъ. Далѣе всѣхъ отъ него Исландецъ Снорро Сшурлезонъ (****), полученный пустомѣля, несносный своимъ болшаньемъ.

Обратимся къ Россіи. Безъ Нестора и безъ шрудолюбивыхъ его послѣдователей что знали бы мы о первыхъ пяти столѣтіяхъ отъ начала Россіи? Еще въ

(*) Между 1109 и 1138 г. (**) Ум. 1223 г.
 (***) Около 1226 г. (****) Ум. 1240 г.

девятомъ вѣкѣ могущество ея сдѣлалось извѣстнымъ въ странахъ чуждыхъ. Юное государство войною и покореніемъ земель привело въ шрепещъ сосѣдовъ и даже самыхъ Императоровъ Византійскихъ; Княжны Кіевскія съ державными своими супругами сидѣли на престолахъ королевскихъ не только въ Польшѣ, Венгріи, Швеціи, но даже во Франціи опдаленной. Не взирая на то, Россія была неизвѣстна въ своихъ предѣлахъ. Византійцы упоминаютъ о тѣхъ только происшествіяхъ Россійскихъ, которыя принадлежатъ къ ихъ опечесшвенной Исторіи. Только Императоръ Константинъ Багрянородный (*) описываетъ Русскую землю, обычаи народа и въкоторыя происшествія. Лейпцигъ, Епископъ Кремонскій, бывшій два раза посломъ въ Константинополь (**), случайно повѣстуетъ о неудачномъ походѣ Игоря на Грековъ, какъ самъ отъ другихъ слышалъ. Трейеръ собралъ (***) разныя мѣста изъ древнихъ лѣтописей Нѣмецкихъ, въ которыхъ упоминается о посольствѣ отъ Великой Княгини Ольги къ Императору Оттону I, опправлено-

---

(*) Между 905 и 959 г.

(**) Умеръ послѣ 963 г.

(***) Въ *Disp. de perpetua amicitia Germanicum inter et Russicum imperium*. Helmstadt, 1733. стр. 11 и 13.

му для испрошенія наславника вѣры Хри-
стианской. Дипмаръ, Епископъ Мерсе-
бургскій (*), упоминаетъ о Владимірѣ Ве-
ликомъ, своемъ современникѣ. Нѣмецкимъ
Историкамъ извѣстно было даже бѣгство
Великаго Князя Изяслава и сношенія его
съ Папою Римскимъ. Адамъ и Ламбертъ,
можахъ Ашшафенбургскій (**), вмѣшива-
ютъ въ свои повѣствованія нѣкоторыя до
Россіи относящіяся случаи, но только въ
ошривкахъ и по мимоходомъ. Никто изъ
чужестранцовъ не помышлялъ о продолжи-
тельной Русской Исторіи: написалъ ее Пе-
черскій монахъ въ одиннадцатомъ и две-
надцатомъ вѣкѣ! Поляки рано съ нею по-
знакомились; Нѣмцы о Русскихъ лѣтопи-
сахъ узнали не прежде шестнадцатаго
сполннѣя посредствомъ Герберштейна,
бывшаго посломъ при дворѣ Московскомъ.

Теперь, сравнивши Русскихъ лѣтопи-
сателей съ прочими Славянскими, Скан-
динавскими, Лапышскими, Нѣмецкими,
и удостовѣрившись, какое преимущество
для Россіи, для Сѣвера, для цѣлой Евро-
пы имѣютъ первые предъ послѣдними,
присупимъ къ рѣшенію вопроса: въ ка-
комъ состояніи находился дальній Сѣверъ,
прежде нежели онъ сдѣлался извѣстнымъ?

(*) Жившій между 976 и 1018 г.

(**) Около 1077 г.

Первой опшвѣшъ коропшкой, ни малѣйшему сомнѣнїю неподверженный: *о томъ никто не знаетъ, и никто знать не можетъ.* Обишашели Сѣвера жили безъ сообщенїя съ извѣстными въ то время народами Европы. Не возможно имъ было сохранить для попомощва своихъ достопамятныхъ дѣянїй и происшествїй, ежели оныя и случались; ибо прежде введенїя Христїянской вѣры, прежде десяпаго вѣка обишашели нашего Сѣвера не умѣя писать, не могли сочинять Исторїи. Руническія буквы употребляемы были въ Скандинавіи только на могильныхъ камняхъ; ими никакія неписаны книги; по крайней мѣрѣ пакїя книги не дошли до насъ, никто не ссылался на нихъ, и нѣшъ ни малѣйшей причины думать, чшобы оныя когда-либо существовали. Сѣверные писашели, жившїе во время Несшорова и послѣ него, повѣшвуютъ о происшествїяхъ вѣковъ опдаленныхъ. Подобнымъ образомъ Иродотъ, бывшїй у безграмотныхъ Скивовъ, слышалъ, чшо рассказывали они о происшествїяхъ, за 1000 лѣшъ до нашествїя Дарїя случившихся, и записалъ слова ихъ въ дорожнїя свои шешради; а наши ученые въ пошъ лица шрудяшся и сочиняютъ на нихъ примѣчанїя! Ашласовъ и другїе, опкрывшїе Камчатку, вѣрно слышали отъ жителей нѣкопория нелѣ-

пья преданія о временахъ спаробышнихъ: не уже ли надлежало бы слова ихъ внести въ Испорію и по нимъ опыскивать слѣды произшествій глубокой древности? Можно ли повѣришь человѣку, копорой рассказываетъ мнѣ о приключеніяхъ, за нѣсколько сотъ лѣтъ бывшихъ, и дошедшихъ до него только по успешному преданію? Кто поручишь, что такія преданія изъ рода въ родъ въ неизмѣняемой цѣлости сохраняются? Кто не знаетъ, что всякой народъ имѣетъ свои басни, предшествовающія времени, отъ котораго начинаешь подлинная Испорія? Исландскіе сказочники написали о Короляхъ Финландскихъ, Пермскихъ и Полоцкихъ, о Монархахъ Холмгардскихъ и Оспрогардскихъ, съ копорыми будто бы Дашскіе и Шведскіе государи вели кровопролитныя войны, заключали дружественные и родственные договоры еще до Рождества Христова, и потомъ въ ближайшія къ сей эпохѣ столѣтія. И наши Испорики не постыдились выписывать сіи нелѣпыя выдумки, о копорыхъ только началъ рассказывать Саксонъ Грамматику, жившій сошною лѣтъ позже Нестора! Еще позже вымышлены собственно такъ называемыя Исландскія сказки или преданія, съ копорыми однакожь недолжно смѣшивать подлинныхъ лѣтописей. Снорро Спурлезонъ и ему по-

добытые уроженцы изъ такой земли, гдѣ передъ симъ за 1000 лѣтъ никто не умѣлъ грамотѣ, выдающъ себя знающими о происшествіяхъ, копорыя будшо бы случились до нихъ за 500, за 800, даже за 1000 лѣтъ, и при томъ въ ихъ опечесшва; между шѣмъ какъ Неспоръ, природный Русской, прежде ихъ жившій, ничего не знаетъ о сихъ происшествіяхъ!

Вошъ и впорой опѣвшъ, основанный на вѣроятнѣйшихъ догадкахъ здраваго смысла, и на самыхъ даже испорическихъ доказательсшвахъ: нашъ дальній Сѣверъ прежде девянаго вѣка едва ли въ такомъ былъ состояніи, въ какомъ найдены Мексика, Перу, Кишай; скорѣе надобно согласиться, что онъ уподоблялся Сибири, Калифорніи, Мадагаскару. Онъ былъ обитаемъ, но немногими людьми, ибо не было достаточныхъ средствъ къ пропишанію. Жилили, раздѣленные на малыя общества, имѣли у себя спарвѣйшинъ, копорыхъ сказочники называющъ Князьями и Королями. Неспоръ упоминая о Чуди, Мерѣ, Веси, Мордвѣ и проч., вычисляешъ народы, но не государства и не владѣтелей. Таковое повѣствованіе сообразно съ природою и съ истинною испорическою. Полудикіе люди въ первыя времена общешія не знающъ государшвенныхъ усша-

новленій. По свидѣтельствѣ Константина Багрянороднаго, въ его время Славянскія племена Князей надъ собою не имѣли, но Дупановъ или спарѣйшинъ. Малыя общества жили въ совершенной независимости, и не соединялись между собою безъ крайней, равно всѣмъ угрожающей опасности. Нѣтъ сомнѣнїя, что жители Сѣвера были способны къ воспрїятію гражданского порядка и просвѣщенїя; но сами себѣ они не могли дать ни того ни другаго; надобно, чтобы вѣншее побужденіе на нихъ подѣйствовало. Короче: въ странахъ дальняго Сѣвера жили люди, не имѣвшіе ни государственныхъ установленій, ни сообщенія съ другими народами, ни искусства письма, ни прочихъ художествъ, ниже вѣроисповѣданїя, а если и имѣли сіе послѣднее, то конечно самое нелѣпое.

Правдивый Несторъ изображаетъ общество свое до Рюрикова пришествїя какъ дикую пустыню, обитаемую племенами, копорыя онъ подробно изчисляетъ, даже иногда опредѣляя мѣсто ихъ жительства; по его сказанію, племена сіи жили обществами. Точно въ такомъ видѣ и честной Лашышъ Гейнрихъ изображаетъ Лифляндской берегъ и мѣста ему сопредѣльныя.

Первый шагъ къ просвѣщенію сдѣлали Новгородскіе Славяне и Чудь, когда прошивъ воли своей соединились подъ единовѣрственнымъ правленіемъ Рюрика. Второй шагъ — когда, также прошивъ воли, принуждены были принять Христіанскую вѣру. Такова судьба человѣческаго рода! его насильно весити надобно, какъ безсмысленнаго ребенка, къ обществу его счастію, къ той цѣли, для которой онъ предназначенъ!

Вотъ общая картина образованія обитателей нашего дальняго Севера. Въ послѣдней четверти 8го столѣтія голодъ и желаніе опустошить Франкъ выгнали Норманновъ въ Ютландію, потомъ на Северное море и къ странамъ южнымъ; примѣръ удачи и опять голодъ же захошилъ другихъ Норманновъ послѣдовавъ первымъ. Сіи путешествія были для нихъ шествіемъ крестовыхъ походовъ для прочихъ Европейцевъ; онѣ освѣтили умъ ихъ и познакомили со множествомъ вещей, дошолъ совершенно имъ неизвѣстныхъ. Въ девятомъ вѣкѣ появляющіяся шесть государствъ, одно послѣ другаго составившихся изъ многихъ небольшихъ племенъ въ Даніи, въ Норвегіи, въ Исландіи, въ Швеціи, въ Польшѣ и въ Россіи. Они насъ незаметно, когда и какъ образовались государства въ Норве-

гій, въ Исландіи и въ Россіи. Общественнаго начальнаго сосавленія Даніи, Швеціи и Польши или шемны, или баснословны. Такова - шо Испорія сихъ государствъ! Главное происшествіе, учрежденіе государства или забышо въ ней, или помрачено вымыслами. Около тысячнаго года начинается разсвѣшашъ въ сѣверной Европѣ. Хрисіянская вѣра здѣсь вводится, тамъ распространяется; жилища начинаютъ искусству письма; Хрисіянскіе государи заключаютъ между собою дружескія связи. Удивительно только, почему писатели, кромѣ Адама и Неспора, не принимались описывать происшествія *своего* отечества, но долгое время оспавляли трудъ сей *иноземцамъ*; а когда почувствовали надобность описывать дѣянія, покрытыя мракомъ сполбшій, тогда по неволѣ должны были признаваться, что оспаринѣ ничего не вѣдаютъ, или утверждались на молвѣ, копорую оспавалось принять за памятникъ, сохранившійся отъ разрушенія.

(Будеть продолженіе.)

II.

*О л ч а я н і е.**(Исторической отрывочъ.)*

Чукчи, населяющіе пространство земли всего Чукошскаго носа, даже до Пенжинскаго моря, ешь народъ многочисленной, занимающійся звѣриною и рыбною ловлею, подобно прочимъ полуденнымъ Сибирскимъ народамъ. Главное богатство его состоитъ въ разведеніи собакъ и оленей. Какъ у насъ сумма денегъ означаетъ степень богатства и почши уваженія, такъ между Чукчами число собакъ и оленей даетъ знать объ имуществѣ и правѣ на уваженіе общества. Первые замѣняютъ у нихъ нашихъ лошадей, и сверхъ того во множествѣ приносятся въ жертву; а послѣдніе, будучи употребляемы на переѣзды, какъ и собаки, еще составляютъ главную ихъ пищу. Чукчи хлѣбопашества не знаютъ. Оленье мясо замѣняютъ у нихъ и хлѣбъ и всякой другой харчъ. Впрочемъ народъ дѣятельной, здоровой, крѣпкаго сложенія, высокаго роста и воинственной. Стоитъ только взглянуть на вѣрное изображеніе Чукча, чтобы не усомниться въ послѣднемъ; даже одежда его, нѣсколько подобная древней Римской, кажется сдѣлана для войны, или по крайней мѣрѣ для скорыхъ оборотовъ шѣла.

Коряки во всемъ подобны Чукчамъ — видомъ, обычаями, родомъ жизни. Они граничають съ ними съ южной стороны и населяють западной берегъ Пеижинскаго моря.

Не извѣстно точно, съ чего и когда началась между обоими сими народами вражда; можетъ быть, что ведя оба кочующую жизнь, поссорились за землю; только то достоверно, что ненависть ихъ, будучи непримирима, такъ сказала, съ кровію передается отъ отца сыну, отъ поколѣнія поколѣнію, изъ рода въ родъ. Ни Чукчи, ни Коряки нынѣшніе не знаютъ ея причины, но другъ другу враги непримиримые. Спасься можетъ, тысящелѣтія уже пропекли съ шѣхъ поръ, какъ ихъ родоначальники поссорились между собою, и ссора сія, бывъ конечно въ началѣ мало-значущею, продолжается во всемъ свирѣпствѣ донынѣ, такъ что Коряки едва отъ оной совершенно не были истреблены своими непріятелями. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ малаго населенія сѣверной Сибири, а можетъ быть и сѣверной Америки въ древнемъ ея соспояніи; равно какъ и совершеннаго истребленія нѣкошорыхъ народовъ, кошорыхъ однѣ только имена теперь слышны въ изустныхъ преданіяхъ сихъ дикихъ.

Бывъ всюду гонимы непримиримыми своими врагами, Коряки рѣшились дѣль послѣднее опчаянное сраженіе, о которомъ еще и нынѣ рассказывающъ съ ужасомъ: но бѣшенная ихъ храбрость не могла преодолѣшь многолюдства непріятелей, и послужила покломъ къ тому, что они всѣ легли, подобно древнимъ Спартамцамъ, на мѣстѣ сраженія; едва нѣсколько десятковъ семей оспалось отъ сего, нѣкогда многолюднаго народа, который долго удерживалъ перевѣсъ у Чукчей, еще и теперь значительнаго сѣвернаго Сибирскаго народа.

Сіи малые оспацки удалились въ непроходимые дремучіе лѣса, успунивъ милую родину своимъ кровожаднымъ гонителямъ. Прошло много времени; наконецъ они размножились, и спали являшься тамъ и здѣсь съ своими спадками. Но Чукчи не забыли вражды своей, всюду ихъ шѣснили и всюду гонялись за ними, какъ за вѣрною добычею. Въ это время явились Рускіе близъ ихъ владѣній. Коряки съ радостію прибѣгли подъ защиту побѣдителей Сибири. Чукчи смирились предъ могущественными ихъ покровителями. Но ненависть и мщеніе кипѣли въ сердцахъ шѣхъ и другихъ. Чукчи, надѣясь на свои силы, а Коряки на силы своихъ защитниковъ, часто, гдѣ могли, нападали другъ на друга, ошгоняли оспада оленей, ошводили въ неволю женъ

и дѣшеі непріятельскихъ. Для усмиренія первыхъ заложена была крѣпость на рѣкѣ Анадырь, извѣстная подъ именемъ Анадырской; для защищенія послѣднихъ заложены другія, и между ними примѣчательнѣйшая Ижигинская въ вершинѣ Ижигинской губы, на берегу Пенжинскаго моря. Но въ послѣдствіи Анадырская крѣпость по повелѣнію Правительсва сожжена, потому что содержаніе гарнизона сопряжено было съ великими затрудненіями (ибо по одному шолько разу въ годъ приходилъ къ ней галіонъ съ припасами и повелѣніями), а желаемого успѣха ожидать ошъ ней было сомнительно, ибо Чукчи, бывъ дикимъ кочующимъ народомъ, во всякомъ случаѣ могли укрыться во глубину лѣсовъ непроходимыхъ.

Коряки, обороняемые Россіянами, были во владѣніяхъ своихъ покойнѣе. Часъ ошъ часу подходили они ближе къ Чукчамъ, и когда узнавали намѣреніе, что сіи хотяшъ учинить на нихъ нападеніе, то спѣшили къ стѣнамъ Ижигинской крѣпости. Гарнизону приказано было давать имъ помощь, какъ вѣрноподаннымъ. Часто, близъ оной происходили между ними сраженія, но всегда побѣда не замедляла являться на споронѣ Коряковъ.

Лѣтъ 30 тому назадъ, или нѣсколь-
ко болѣе, Чукчи, гоняся за Коряками со

всемъ оспервенѣнїемъ дикихъ и въ гораздо большемъ прошиву обыкновеннаго числа, подошли къ самой крѣпости, обнадѣясь весьма на свое многолюдство, и желая вѣрнымъ учинить поражение своихъ непрїятелей. Коряки, бывъ увѣрены въ помощи гарнизона, шель безсумнѣнно всегда ими извѣданной, въ виду почти оной оспановились и пригошвили дашь доброй ошпорѣ. Сраженїе началось о всемъ свирѣпствомъ неугасимаго мщенїя. Сперва мѣлкія стрѣлы, а потомъ палицы и копья, багрили снѣгомъ длинными ручьями крови. Но скоро примѣшна спала слабость Коряковъ; мужество уступало многолюдству, и побѣда клонилась на сторону Чукчей. Коммендантъ ошправиль посильно часть своей команды. Огнестрѣльное оружіе оспановило успѣхи нападающихъ; однако не могло оспановить ихъ ярости. Чукчи дрались съ изступленїемъ. Долго успѣхъ возобновленнаго сраженїя былъ неизвѣстенъ. Коммендантъ, желая ускоришь оное, дабы какъ можно меньше подвергнушь въ продолжительномъ бою опасности свою команду, выступилъ самъ съ ошпальной частью гарнизона и одною или двумя пушками. Чукчей сломили, разбили, разсѣяли. Коммендантъ преслѣдовалъ ихъ далеко; но неукротимые Коряки съ спремеїемъ погнались за убѣгающимъ непрїятелемъ. Ни приказанїя начальству-

ющаго, ни густоша лѣса, ни шемноша насупающей ночи, не могли удержатъ ихъ отъ убійства. Уже не слышно было на мѣстѣ битвы военнаго шума: пищина царшвовала повсюду; только иногда въ густошѣ лѣса шамъ и сямъ крики поражающихъ и пораженныхъ нарушали всеобщее спокойствіе, и перемежаемые сшоны умирающихъ на полѣ сраженія уныло окрестъ разносились. Упомленный гарнизонъ при блескѣ луны возвращался въ крѣпость. Вдругъ смѣшенные крики поражаютъ слухъ. Различаютъ жалобы, плачь, вопли опчаянія. Изумленные не знаютъ причины, спѣшатъ, и увидѣли. . . сердца всѣхъ облились кровію: на мѣсто сраженія собрались жены и дѣши убишыхъ Чукчей (*); каждая жена искала пѣла милаго своего друга; каждое дшя, ушопая въ снѣгу, старалось добраться до печальныхъ ошашковъ своего опца; и когда находили, по машъ надѣ онымъ собспвенными своими руками вонзала ножъ въ сердце своего младенца. — — —

„Кшо насъ будешъ кормишь? — Кшо
„васъ будешъ лелѣяшь и покоишь? —

(*) Поелику сіи народы не имѣютъ непремѣннаго своего мѣстопребыванія, шо и ка вѣину ходятъ со всемъ своимъ семействомъ, оставляя, во время сраженія, слабыхъ въ ближайшемъ лѣсу.

„Злые пощадятъ насъ въ неволю —
„изнурятъ работою и побоями —
„уморятъ голодомъ! — Гдѣ укроемся
„отъ морозовъ лютыхъ? — — — —

Такъ плакали бѣдныя вдовы, умерщвляя дѣшней надъ шрупами мужей своихъ.

Съ ужасомъ Коммендантъ извѣстился о семъ неслыханномъ убійствѣ. Немедленно приказалъ всѣхъ сихъ изступленныхъ захватить и привести въ крѣпость. Но средство было уже позднее: почти всѣ дѣши лежали бездыханныя между шрупами опцевъ своихъ.

Опвели имъ для общаго жишья старья казармы; но что же? Убившвенная рука еще не уснула; она искала новыхъ жертвѣ. Женщины, укрываемыя темною ночи, съ печальными пѣснями, въ дружескихъ объятіяхъ, поражали одна другую небольшими ножами, непримѣнно привязанными къ ихъ поясамъ въ числѣ украшеній, обыкновенныхъ симъ народамъ. Немногія изъ нихъ были насильно спасены солдатами. Но какая жизнь! Онѣ исходатайствовали себѣ позволеніе ходить во время утренней и вечерней зари на мѣсто сраженія; горько всегда плакали на ономъ, обращая въ ту сторону, откуда пришли, и куда укрылись осшашки

нобѣжденныхъ; знали ихъ къ себѣ, просили взявъ съ собою въ лѣса дремучіе, и жалкой голосъ ихъ далеко разносился въ тишинѣ ночной по снѣжнымъ пустынямъ.

Многія, не принимая пищи, измурили себя голодомъ и умерли безвременною смертію.

Я слышалъ сіе отъ Коммендантскаго сына, бывшаго очевидцомъ происшествія.

Вотъ одна изъ причинъ малаго размноженія сѣверныхъ народовъ въ Сибири.

Н. Мамышевъ.

III.

П И С Ь М О

Графа Петра Александровича Румянцева - Задунайскаго къ ЕКАТЕРИНѢ II (*).

Августѣйшая Монархиня!

Всемилоспивѣйшая Государыня!

Подъ бременемъ несносной старости, когда уже жизнь ближе къ концу, нежели

(*) Написанное въ отвѣтъ на призываніе Графа къ войску, по смерти Князя Пошемкина. Оно сообщено изъ Малороссіи почтеннымъ Петромъ Ивановичемъ Бороздною, который обѣщается доставить и другія драго-

нѣ началу, удостоился я приняшь драгоцѣнный мечъ, не по заслугамъ, но яко даръ Монархини, благодѣшельствующей во множествѣ. Сколь ни оживляюсь и ни чувствую цѣны благъ Монаршихъ, но, Всемилоспивѣйшая Государыня! совокупно смягчаюсь скорбію, что буря въ жизни и слабостъ въ душѣ привели въ несостояніе достойно обнажить сего сверкающаго оспрія во славу и хвалу Государыни, въ страхъ непріателя. Въ нѣдрахъ владычества Вашего, Всемилоспивѣйшая Государыня! есть люди опличія достойнѣйшіе во изобиліи; Ирои сіи, въ дѣйствіяхъ неушомимые, въ исполненіи помысленій совершенные, возрѣвъ гордымъ окомъ и несышимъ сердцемъ, и удивяшся, что и сидѣвшій въ Молдавской хижинѣ, подъ кровлю опѣ зноя и ненастья времени, безъ дара предвидѣнія и духа, сравненъ съ ними въ щедротахъ Монаршихъ. Но я бы, Всемилоспивѣйшая Государыня, осмѣлился сказать, что оныя опѣ единого Монаршаго возрѣнія достигнули въ храмъ великолѣпной Славы — мои же малыя дѣла недостойны оправдать сего шруднаго пуши, приближаясь съ шѣмъ временемъ, въ

цѣнныя рукописи сего великаго Полковода, для помѣщенія ихъ въ Вѣстникъ. Издатель почитаетъ обязанностію извѣявъ ему свою благодарность. Ж.

кошорое полезевъ гробъ паче другихъ украшеній. — Но да будущъ, Всемило-спивѣйшая Государыня! шоржеспвѣемые здѣсь лавры неувядаемы спокойспвѣемъ непрерывно; долгоша же дней Вашихъ да продолжисся на вѣки, и грядущія времена да свидѣшельспвуютъ великостъ дѣлъ Монаршихъ; а можешъ бышь и приведушъ нѣкогда на память, чшо одинъ изъ слабыхъ бранноносцевъ имѣлъ удачу бышь Государынѣ полезевъ в малѣ, награжденъ же по величѣй Ея милоспи.

IV.

С Т И Х И

на смерть Графа Шереметева.

Чшо слышу? И тебя рука Судьбы сразила,
 Защитникъ бѣдныхъ и сиротъ!
 О жребія уставъ! . . . Безмолвная могила
 Предѣлъ и злобы и щедротъ!
 Тебя ужъ нѣтъ для свѣша болѣ —
 И старца съ сѣдиной
 Послѣднее сражаетъ горе,
 Какого могъ онъ ждаты, согбенный надъ
 клюкой,
 Въ преклонны дни свои, едва ужъ не претекши!
 Увы! ужъ намъ тебя не зрѣшь въ семъ мі-
 рѣ! . . . Нѣтъ!

Ты живъ . . . ты живъ! Судьба, священный
дни пресѣвши,

Ужели о тебѣ въ насъ память пресѣчетъ?

Ты живъ, на вѣки живъ въ своихъ благо-
твореньяхъ!

Пречисте памятникъ такой

Тѣхъ урнъ, которыя, для смертныхъ уди-
вленья,

Воздвигнетъ пышность надъ тобой.

Все рушитъ алчный Кронъ — не сильны

Гранишы пригнупить ужасный серпъ его!

Но память добрыхъ дѣлъ обильна

Безсмернья ради швоего!

Воззрите! тамъ одинъ, съ постели мукъ
вставая,

Перерожденный, какъ весной

Цвѣшокъ, который, вновь душистый листъ
пуская,

Воскреснувшій, спѣшитъ украситъ лугъ собой,

Твою щедроту прославляешь.

Другой, лѣтами удрученъ,

Конца спокойна ожидаетъ,

Хранящую твоею любовію прирѣчь;

Предъ олтаремъ Творца вселенной

Изъ глубины души въ восторгѣ онъ гласитъ:

Да Богъ, въ обители небесъ благословенной

Тебя, ушраченный, блаженствомъ наградитъ!

Петръ Сумароковъ

V.

Новый Алфіонъ.

(Б а с н я)

Жилъ, былъ дуракъ . . (уже насмѣшники готовы
Сказать : въ Москвѣ онъ жилъ!

Не правда, Господа ! онъ Петербургскій
былъ !)

Хотя своимъ умкомъ не выше былъ коровы,
Но мой дуракъ въ свой вѣкъ не мало книгъ
читалъ.

Извѣстно : и глупцы изданія читаютъ ,
Одна лишь разница — они не понимаютъ !
Да рѣдкой кто изъ нихъ и самъ не сочинялъ !
Нещастіе съ дуракомъ — совсѣмъ ума лишился !
Слыхалъ онъ иногда , что древній Алфіонъ,
Иль правильнѣй , его волшебной лиры звонъ ,
Восторгъ вливалъ въ сердца. Звукъ тихій раз-
носился

По роцамъ и лѣсамъ ,
И очарованнымъ гармоніей древамъ
Давалъ и жизнь и душу нову ;
Пѣвецъ своей игрой смягчалъ свирѣпость
львову.

Видали , что подъ часъ, подъ музыку его
Плясали шигры въ шаклѣ ; медвѣди ; зайцы ;
волки ;

И горы каменны , какъ легкіе осколки ,
Бывало съ мѣсна своего

Безъ архитекторовъ и каменщиковъ — сами
Лезали на луга и клалися спѣнами !

Однажды мой дуракъ,
Сказать вамъ не могу, когда и гдѣ и какъ,
Пустился въ разсужденье,
И вотъ что выдумать изволилъ въ заключенье:
„Музыка и стихи небесѣ пріятный даръ!
Я ими съ пользою намѣренъ заниматься!“
И мигомъ, ощутивъ въ душѣ потребный жаръ,
Спѣшитъ нашъ Амфіонъ въ деревню снаря-
жаться:
Онъ думалъ пѣсню своей построить домъ,
И для удобства еще сарай при немъ!
Готовъ! — щасливый путь! — помчался!
Пріѣхалъ — и въ лѣсу открылъ великой пиръ,
Какъ говорятъ, на *цѣлый міръ*;
Взялъ душку — и дудитъ — дудитъ — Лишь
надорвался.

Отъ пѣня своего;
А изъ звѣрей кого смягчилъ? — Ни одного!
Лишь эхо дикой визгъ за рощей повторяло,
И въ отзывахъ глупцомъ Орфея называло!
„Что за диковинка? Понять не въ силахъ я!
Или деревья спали глухи,
Что ихъ не прогаеть гармонія моя?
Я думалъ, что ко мнѣ прильнушъ, какъ къ
меду мухи,
И волкъ и буйволъ и кабанъ!
Ошибся! Глупыя, меня не понимаютъ!“
Сказалъ, и дудочки опять кладетъ въ кар-
манъ,
Пошелъ и мыслишъ такъ: пусть смертные
узнаюшъ,

Что болѣе Природы нѣтъ!

Конечно Время цѣлый свѣтъ

Своимъ погибельнымъ полетомъ измѣнило!

Что прежде прыгало, того не шевелило,

Увы! ни на волосъ играніе мое! . . .

Ну гдѣжь, Гармонія, гдѣ дѣйствіе твое? . .

*

Такимижь, какъ и мой Орфей, слывутъ глуп-
цами

Всѣ тѣ, кто намъ хошутъ *казаться* му-
дрецами!

Освистанный поэтъ,

Который, осердясь на цѣлый Божій
свѣтъ,

Жужжитъ, что здравый вкусъ совсѣмъ пере-
мѣнился,

Найдешь себя въ моемъ портретѣ дурака!

Эльмина! коль Амуръ съ тобою раздружился,

Прочти сіи стихи, и вѣрь имъ хоть
слегка:

Тому, что холодны, увы! къ тебѣ мужчины,

Румяны сушь виной и спаросши морщины!

2. 200.

VI.

Изъ стихотворцу Крадову.

Когда начнутъ, мой другъ, твое стихо-
творенье

Враги крикивашь, по крикикамъ не вѣрь!

№ 5.

В

Скажи, являя имъ достойное презрѣнье,
Что Муза Крадова — есть *Мнемозинъ* (*)
дщерь!
2. 200.

VII.

Монологъ Франца Моора (**).

(Подражаніе Шиллеру)

Въ пріятный сонъ мои всѣ чувства погрузились,
И вѣжди легкою дремотою покрылись;
Вдругъ снится мнѣ, что я, зашедъ въ цвѣтущій садъ,
Обишель пишины и нѣги и прохлада,
Подъ липственную сѣнь алеи уклонился
И спалъ... внезапно сводъ лазурный возмутился,
И пламенный перунъ средь зыблемыхъ небесъ
Раздался надо мной... Мгловенно сонъ из-
чезъ.

Я зрю весь небосклонъ, пылающій огнями,
Зрю вихрей яростныхъ, срывающихъ крылами
И грады и лѣса! — Средь ужасовъ такихъ,
Когда волканы всѣ и сонмы волнъ морскихъ

(*) *Мнемозина* богиня памяти, мать Музы и Аполлона.

(**) Онъ видѣлъ во снѣ страшный Судъ. Читатели вспомнятъ это мѣсто въ Шиллеровой Трагедіи *Разбойники*. Францъ Мооръ, наскунивъ долговременную жизнь: пца своего, велѣлъ заключить его въ подземелье и умирить съ голоду.

Стремились на меня — Егова показался.
Въ одномъ шагу Его весь солнца путь вмѣ-
щался ;

Вѣсы Его суда , теряясь въ небесахъ ,
Легли на шепетныхъ преступниковъ главахъ ;
Чело перунами Его увѣнчивалось ,
И въ горней высотѣ эйра сокрывалось :
Онъ рекъ : о чада всѣхъ престѣвшихся
племень !

Надъ вами вѣчный судъ да будетъ со-
вершень !

Тогда предъ Судію всѣ грѣшныя предстали ;
И зубы ужасомъ смятенныхъ вскрежешали . . .
Иду и я . . . и вдругъ ; какъ въ нѣкоемъ бы снѣ ;
Зрю шарца . . . : онъ грядетъ въ ужасной
пищинѣ ,

Покрытый рубищемъ , опущанный цѣпями ;
Отъ глада утомленъ ; съ иссохшими ру-
ками ;

Угаснулъ жизни лучъ въ недвижимыхъ очахъ ;
Зіяла смерть во всѣхъ безвѣстнаго чертахъ :
Улыбку, ужасомъ, а взоръ, печалью полный,
Ко мнѣ лишь обратилъ — не знаю, какъ не-
вольный

Къ нему я едблалъ шагъ, и — вѣчный
Богъ ! — отца ,

Отца узналъ въ чертахъ ужаснаго лица !
Онъ ; шихо опредивъ, всѣхъ тѣней устра-
шенныхъ ,

Схватилъ клочокъ волосовъ , несчастьемъ по-
сребренныхъ ;

Изшоргнулъ изъ главы и въ чашу положилъ ;

Симъ легкимъ пухомъ онъ вѣсы переклонилъ,
И вдругъ Еговы гласъ, отъ неба возгремѣвшій,
Ударилъ мнѣ во слухъ : „злодѣй изъ всѣхъ
лютѣйшій !

„Погибни шокмо ты ! когда передъ швоимъ
„Неизглаголаннымъ дѣянiемъ однимъ
„Ничто злодѣйства всѣхъ , подъ солнцемъ
обитавшихъ !“

2. 200.

Ярославль.

VIII.

Письмо изъ Малороссiи (*).

(Къ Издателю.)

Прiяшнѣйшимъ долгомъ считаю уведомить васъ , милосшивый Государь , что ваше Изданiе читають и у насъ охотно. Знакъ добрый ! земляки мои радуются , что насшало наконецъ для Россiи цвѣтущее время усовершенствованiя языка опеченнаго ; они вѣряють , что симъ средствомъ испребитися вредный предразсудокъ , или лучше сказашь , пагубная мода

(*) Смощри приложенную къ сему Но картинку.

вездѣ и всегда, кспашаи и не кспашаи, говоришь по Французски — я съ ними совершенно согласенъ.

Находя иногда въ вашемъ Вѣспникѣ чершежи и рисунки, предспавляющіе виды городовъ или другіе предметы, я подумалъ, что сдѣлаю многимъ услугу, доставивъ вамъ рисунокъ памятника ПЕТРУ I, спрочющагося въ Полшавѣ, Губернскомъ нашемъ городѣ. Мнѣ показалось шакже, что вамъ и всѣмъ благородномыслящимъ Чипашелямъ вашего Вѣспника пріятно знать, въ какомъ соспоянїи шеперь край нашъ, по всѣмъ часшямъ, шавъ сказашъ, совершенно облагородспвсванный попеченїями Князя Алексѣя Борисовича Куракина, бывшаго у насъ Генералъ - Губернапоромъ. Полшава приняла другой видъ: въ ней возвышающся шеперь хорошія зданїя, сдѣланы булевары и опкрышы прекрасные сады для общенародныхъ увеселенїй. Всего разишельнѣе зрѣлище города съ подвѣзду опъ шакъ называемой Шведской могилы, гдѣ погребены шѣла Шведовъ и Россїянъ, убишыхъ въ сраженїи 1709 года Іюня 27 дня. Тушъ опкрываешся совершенно новой городъ, предспавляющій видъ полнаго круга, заключающаго въ себѣ величеспвенныя зданїя Присудспвенныхъ Мѣспѣ и дома Губернапорскїе — среди сего круга воз-

вышеается монументъ Великому ПЕТРУ. Гдѣ лучше можно было воздвигнуть оной, какъ не вблизи къ шѣмъ мѣстамъ, гдѣ шворится судъ и правда, и можешь быть на помѣ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда Побѣдишель Карла однимъ ударомъ рѣшилъ судьбу Россіи? — Люди, угнетенные рокомъ, или пришѣсняемые злобою, ища защиты законовъ въ мѣстахъ сихъ, приводящъ шущъ на мысль славную, достопамятнѣйшую для Россіи эпоху; въ пишинѣ души благословляющъ память Великаго Монарха, и шоржественно благодарящъ шого, ишо умѣлъ шакъ пріятно возбуждащъ въ нихъ воспоминаніе о произшествіи шоль важномъ. Въ другихъ городахъ, составляющихъ нашу Губернію, даже въ селахъ, ощушительна перемѣна. Сады — украшеніе и прелестъ проспой, свободной Малороссійской природы — окружающъ не дымные и нечистые шалаши, но опрятные и пріятные домики, обитаемые веселыми и довольными поселянами, шоторыхъ главныя добродѣтели опрятность и гостепрійство. Ещѣли бы еще можно было вдохнуть въ нихъ болѣе охоты къ шрудамъ, шо Малороссія могла бы назваться благополучнѣйшею въ свѣшѣ шраною.

Звѣнковъ.

Иванъ Гуржеевъ.

1809 года,

Января 15 дня.

НВ. Подножіе памятника сдѣлано изъ мрамора, ломаемаго на берегу Днѣпра, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города Кременчуга.

ІХ.

Р Ъ Ч Ъ ,

произнесенная Маршаломъ Роменскаго ловѣла Васи́лемъ Полеликою къ избраннымъ Судіямъ, при ввѣдѣ ихъ въ Присудственныя мѣста, 2 Февраля 1809 года.

Не вводя еще васъ въ мѣсна сіи, гдѣ возсядушъ съ вами судъ, милость и правда, я прежде отверзъ вамъ двери щемницы, и указалъ помящійся шамъ жершвы прешковеніи челоѳческихъ — вашихъ брашій въ оковахъ. Здѣсь же гласомъ челоѳчества просить васъ спану, да въ первыхъ засѣданіяхъ вашихъ облегчите учасъ ихъ, осудивъ виновныхъ и оправдавъ невинныхъ. Прилѣпляясь къ законамъ Опечесства вашего, сердце ваше будетъ имѣшь свои собшвенные законы; а совѣсть ваша дастъ вамъ сильнѣйшіе отъ всѣхъ земныхъ. Почто напоминашь вамъ, что люди былибъ чудовищами, пожирающими другъ друга, ешьлибъ Природа не дала имъ жалосни

въ подпору разуму? Почто говоришь вамъ, что жестокосердый человекъ всегда несчастенъ, не имѣя въ сердцѣ своемъ избытка чувствительности для спрдааній ближняго? Онъ иногда можетъ быть праводушнымъ и справедливымъ, но никогда не будетъ милосивымъ, благороднымъ, сострадашельнымъ. Я говорю, что онъ можетъ быть справедливымъ, ещѣли только когда-либо такимъ быть можетъ человекъ, не будучи милосердымъ. Я желалъ бы припомъ, съ женою Ариспида, чтобъ дѣла общія были вашими, и ваши общими. Я почишаю излишнимъ разсуждать съ вами о правилахъ честности и безприсрасптія. Во глубинѣ сердецъ нашихъ гнѣздишся всегда врожденное начало справедливости и добродѣтели. Миролюбіемъ своимъ вы заспавише птяжущихся жить спокойно. Закоствившимъ во враждебныхъ ссорахъ опкроете свяшую истину закона, и ею прекращите распри ихъ. Съ полною на защиту вашу надеждою, пускай только входитъ къ вамъ одинъ справедливый проситель — бѣдный, угнепаемый богатымъ — слабый, гонимый сильнымъ. Особужь каждого изъ невинныхъ собрасій своихъ почишайте всегда неприкосновенною. — Такъ совершайте, почтенные сограждане, печеніе свое по пуши правды; такъ,

оправдайше довѣренность васъ предвизбравшихъ. Къ поощреніюжъ себя къ неусыпнымъ шрудамъ не забывайше, чшо, за предѣлами шруднаго сего поприща, ожидающъ васъ благодарносшь и слава.

Х.

О лиллтературѣ Французской въ XVIII столѣтій.

Осьмой - надесять вѣкв , до самаго 1789го года, былъ не весьма обилень проишесшвіями; онъ прошекалъ спокойно, безъ всякихъ полишическихъ пошрясеній — во Франціи былъ онъ замѣненъ единшвенно произведеніями ума и жодомъ челошвческихъ мишній.

Но послѣдніе годы вѣка сего были ознаменованы проишесшвіями споль ужасными и доспопамяшными, чшо, можешъ бышь, во всей Ишпоріи челошвчества нѣшъ ни одной эпохи, досшойной съ нимъ сравнишься — эпохи, кошорая произвела бы перемѣну споль всеобщую въ судьбѣ народовъ — эпохи, въ кошорую всѣ мишнія о полишикѣ, морали и другихъ предметахъ, не менѣ важныхъ, измѣнились бы споль бышро и совершенно.

Многіе старались найти причину сего чрезвычайнаго переворота. Одни приписывали его разстройкѣ доходовъ государственныхъ ; другіе слабости Двора ; нѣкоторые безпокойству умовъ ; иные произведеніямъ Философовъ , которыми наиболѣе гордящіяся современники — но все вообще, болѣе или менѣе, ошибались въ своихъ заключеніяхъ.

Такой предметъ конечно достоинъ вниманія Историковъ , изыскивающихъ причины тѣхъ происшествій , которыя они описываютъ ; но онъ въ то же время представляешь трудности , могущія оспаивать перо Писателя , который дорожитъ спокойствіемъ собственнымъ и уважаетъ чужое.

Въ послѣднихъ мѣсяцахъ напечатана во Франціи книга , подъ заглавіемъ : *О диллемаурѣ Французской въ XVIII вѣкѣ* , писанная неизвѣстнымъ , весьма глубокомысленнымъ Авторомъ. Трудности , о которыхъ сказано выше , не испугали его. Исполненный предмета , о которомъ размышлялъ онъ долгое время , который разсматривалъ со всехъ сторонъ , осмѣлился онъ пламенникомъ крикики освѣтить мнѣнія , противорѣчащія одно другому , софизмы , взаимныя обвиненія , доказательства ,

основанныя на произшествіяхъ сомнительныхъ, заблужденія, предрасудки, и ска-
зашь рѣшишельно: Французская революція
сдѣлалась пошому, что *необходимо должна*
была сдѣлаться.

Онъ начинаешь книгу оправданіемъ
Писателей XVIII, кошорымъ безъ всякаго
основанія приписывали ужасное намѣреніе,
разрушишь всеобщій порядокъ, кошорые —
по словамъ ихъ прошивниковъ — сисстема-
тически разположили планъ ужасной дра-
мы ознаменовавшей послѣднее десятиль-
тіе. Писатели XVIII — говоришь онъ —
были *необходимыми причинами*, дѣй-
ствовавшими совокупно съ безчисленнымъ
множествомъ другихъ, споль же сильныхъ;
они были увлечены могуществомъ общоя-
шельствъ и шѣмъ движеніемъ, кошорое вне-
запно произошло въ поняціяхъ общихъ.

Мнѣнія — говоришь онъ — имѣющь
ходъ, зависящій отъ обстоятельство;
умъ человѣческой обращается въ кругъ
покоя и дѣятельности, просвѣщенія и не-
дѣжества, кошорыхъ и дѣйствія и успѣхи
не могушь бышь ни предвидимы, ни ош-
ращены прозорливостію Полишика.

„Литтературу XVIII вѣка не должно
поцищать ни заговоромъ цѣлаго общества

прошивъ олшаря и шрона, ни общимъ соглашеніемъ для блага человѣческаго рода : она не иное что , какъ *выраженіе общества* , по словамъ господина Бергасса. Въмѣсто того , чтобы управляясь и нравами и образомъ мыслей своихъ современниковъ, Писатели представили намъ одно ихъ произведеніе (resultat) ; будучи подвержены сами вліянію своего вѣка , они ускорили, а не произвели его.“

Авторъ, предложивъ сѣи правила, подтверждаемыя разсудкомъ и выраженные искуснымъ перомъ Писателя прѣяшнаго, обращается къ лишпературѣ XVI столѣтія, съ кошорою , для лучшаго извясненія своихъ мыслей , почишаетъ за нужное сравнить лишпературу XVIIIго.

„Въ то время (по есть въ XVI вѣкѣ), говоритъ онъ, лишпература и науки имѣли слабое вліяніе на бышіе и благо Имперіи ; люди ученые жили уединенно , посвятивъ себя спокойствію и бездѣйствію кабинета ; умъ ихъ обиталъ въ мысленномъ мѣрѣ , а работы не касались ни до чего, упошребительнаго въ обыкновенномъ кругу общежитія ; современныя произшествія были имъ чужды ; они сообщались съ публикою посредствомъ однихъ своихъ книгъ. И въ XVII вѣкѣ и въ царствованіи

нїе Людовика XIV Писатели продолжали вести уединенную жизнь; но въ это время пользовались уже болѣе ихъ перомъ, и произведенія ихъ ума сдѣлались важнѣе по своему оцущипельному влїянїю на общество.

„Изъ сихъ обспояпельствъ, соединенныхъ съ политическими обспояпельствами междуусобїи и неуспройствъ, копорыми ознаменовано малолѣтство Людовика XIV, произошла та смѣлость правилъ, та необузданность мнѣнїи, и та свобода въ сужденїи о вещахъ, копорыя замѣшны въ сочиненїяхъ Корнеля, Мезерая, Кардинала де Реца, Бальзака, Ламошпа ле Вайе. Самъ Паскаль подверженъ былъ влїянїю своего времени. Мольеръ, копорый жилъ въ обществѣ сихъ людей, занялъ отъ нихъ и нѣкопорую часть того мужества, копорымъ отличаетъ его великїи генїи, и глубокомыслїе, копорое находимъ въ его замѣчанїяхъ, и забавную шупливость своего слога. Въ первыхъ сочиненїяхъ Расина, имѣвшего связь съ послѣдними учениками этой школы, также замѣшны нѣкопорыя слѣды ихъ духа: Брипанникъ его, приняпый споль холодно и Дворомъ и публикою, измѣнившимися уже весьма много, есть доказательство того влїянїя, копорое имѣли на Поэта его учителя. Въ послѣдствїи онъ выбралъ другую дорогу;

но эша перембна не сдблала никакого вреда его генію, на все способному и чрезвычайно гибкому.

„Потребность спокойствія, благодарность къ тому, кошорый его даровалъ, блистательное и новое зрѣлище Двора, кошорый, обольстивъ націю, покоришь ее, обрашили умы на другую сторону. Всякой почиалъ за славу шрудиться для славы Монарха; все шпремилось ему угождать: но должно признашь, что всѣ сїи люди, украшавшіе царшвованіе Людовика XIV, Писатели, Полководцы, Министры, родились и образовались въ такое время, когда еще владычество его не укоренилось; и геній ихъ созрѣвалъ, такъ сказать, во времена свободы и мужества. Сіе поколѣніе людей необыкновенныхъ, изшощившись, не возобновлялось. Людовикъ XIV нашелъ ихъ соединившимися вокругъ его шрона; но онъ не могъ собственною силою произвести на мѣсто ихъ новыхъ, и блескъ его весьма помрачился въ то время, когда потерялъ онъ благородныхъ своихъ спутниковъ.

Сочинитель мимоходомъ обращаетъ вниманіе читателя на людей, оставшихся послѣ сего упадка; онъ смѣлыми чертами изображаетъ характеры Массильона, Беля, Кребийлона, Ж. Б. Руссо

и Канцлера Дагесо. Ж. Б. Руссо — говоришь онъ — исполненъ огня и пышнаго краснорѣчія въ своихъ одахъ. Не взирая однако на то, что люди, почишающіе себя приверженными къ религіи, наименовали его *великимъ*, мы должны признаться, что онъ удался своимъ характеромъ ошъ стро-гой нравственности Людовикова времени. Не говоря о многихъ, весьма свободныхъ правилахъ, копорыя попадающся намъ въ нѣкопорыхъ одахъ сего великаго Лирика, замѣшимъ, что религія Писателя, унижающаго себя непристойными эпиграммами въ то самое время, когда онъ играетъ на арфѣ Давыдовой, должна быть самая легкая и поверхностная. Такая противоположность въ одномъ и томъ же Писателѣ не служишь ли доказательствомъ, что современники его, пакже какъ и онъ самъ, переспали уважать мнѣніе людей спро-гихъ, прежде священное и даже страшное?”

Наконецъ Авторъ обращается къ XVIII му столѣтію.

„Верховная власть — говоришь онъ — потеряла уже свою важность и большую часть своей силы. Религія не была уже благодѣтельною уздою. Свобода сомнѣвалась почти уничтожила могущество увѣренія. Привычка разсуждать сдѣлалась общею. Каждый уважалъ собственное мнѣніе и

менѣе вѣрилъ общему. Но липпература не получила еще рѣшительнаго направленія, ибо еще не являлись тѣ люди, которые силою дарованій своихъ могли его назначить: и духъ и нравы націи были приведены въ состояніе нерѣшимости и приготовлены къ перевороту.

„Мало по малу въ судьбѣ Писателей произошла ошущительная перемѣна: число ихъ увеличилось; они сами сдѣлались важнѣе, независимѣе, замѣннѣе въ кругу общественномъ: натурально, что свойственная имъ гордость отъ того увеличилась и самыя ихъ мнѣнія сдѣлались свободнѣе. Препящивія, положенныя имъ, были слишкомъ слабы и мало дѣйствительны: онѣ только усилили расположеніе ихъ къ прошивоборствію. Подкрѣпляемые мнѣніемъ общества, ослѣпленные уваженіемъ, которое показывали имъ знашныя люди, Принцы и Государи, они соединились и нѣкошорымъ образомъ составили секшу, кошорой послѣдователи, не имѣя никакихъ *одинакихъ* правилъ, но будучи оживлены однимъ и тѣмъ же духомъ, безъ всякаго предположеннаго плана, стремились къ одинакой цѣли, стремились произвести одинакое дѣйствіе шаково происхожденіе *Энциклопедистовъ*.“

Въ этомъ мѣстѣ Авторъ изображаетъ характеры тѣхъ Писателей, кошорыми

прославлено царствованіе Лудовика XV. Онъ разсматриваетъ ихъ съ новою щечки зрѣнія, по еспь, въ отношеніи къ тому вліянію, которое имѣли они на нравы своего времени. Онъ судитъ ихъ съ неприспраспїемъ, строго вооружается прошиву ихъ необузданности, но всѣхъ ихъ оправдываетъ въ *главныхъ побужденіяхъ*. Въ первомъ ряду представляющагося глазамъ читателя Вольтеръ, Моншескье, Ж. Ж. Руссо, Бюффонъ.

„*Вольтеръ*“, говоритъ Авпоръ, человекъ пламеннаго Генія, увлекаемый сильными спраспїями, самъ подчиненъ былъ сначала симъ *новымъ мнѣніямъ*; потомъ началъ имъ льстить, опередилъ ихъ, и наконецъ сообщилъ имъ движеніе слишкомъ скорое. Онъ блисталъ на сценѣ Мельпомены, которую украсилъ произведеніями превосходными. Его поэзія опличается прїяпноспїю, оспроумїемъ и легкостїю; но дѣятельность его не могла довольствоваться *однимъ*, онъ желалъ обнимать *все*, требовалъ успѣховъ всякаго рода, и часто во многомъ имѣлъ успѣхъ совершенный. Всѣ его сочиненія имѣютъ одинакую цѣль: *всѣ до одного суть выраженіе современнаго ему образа мыслей*. Несправедливо приписывали ему пагубное намѣреніе низринуть и тронъ и олшарь: онъ хотѣлъ только нравиться своему вѣку, подчинить

его владычеству своего ума, мстить своимъ непріятелямъ, имѣшь сообщниковъ, которые могли бы его хвалишь и защищать. Вольперъ не пощадилъ морали, попому что онъ жилъ въ такое время. когда мораль была почти въ упадкѣ; не пощадилъ законовъ своего опечесства, попому что правленіе не было ни уважаемо, ни сильно. Онъ имѣлъ духъ независимый и слишкомъ склонный къ прошиворбчю — таковы источники его необузданныхъ мнѣній и наспоющія причины шѣхъ крайностей, въ которые вдавался онъ, къ несчастію своихъ современниковъ.

Монтескье, знаменипѣйшій изъ современниковъ Вольпера и равный ему въ числѣ необыкновенныхъ людей, прославившихъ царствованіе Людовика XV, оставилъ въ своихъ сочиненіяхъ признаки того времени, въ которое онъ жилъ. Враги такъ называемой *Философіи XVIII вѣка* должны, вмѣстѣ со многими, предавать проклятію и Авшора *Персидскія письма*, въ которыхъ замѣтна сія склонность къ парадоксамъ, сіе развращеніе мыслей, сіе рѣшипельное сужденіе о нравахъ, и сей опасный скептицизмъ, касательно къ религіи, доказывающія живость, пронцапельность и вмѣстѣ необузданность его духа. Въ славной своей кни-

гб, о *Духъ законовъ*, Монпескье всегда представляется покорнымъ разсудку, привязаннымъ къ истинѣ но въ то же время и безпрестанно увлекаемымъ силою воображенія, прелестію мыслей блестящихъ. Время и революція открыли въ сей книгѣ, достойной славы своей, такія заблужденія, копорыя необходимо должны были ускользнуть отъ самаго Авшора. Сколько правленій и констишущій, казавшихся образцовыми, шеперь пошеряли всю цѣну въ нашихъ глазахъ! сколько людей, прежде изумлявшихъ насъ и духомъ своимъ и славою, представляющя намъ шеперь лишенными всѣхъ своихъ добродѣтелей! Таково дѣйствіе обстоятельствъ и миръ. Монпескье, копорый писалъ во время спокойствія и порядка, почишаешъ успѣхъ необходимою наградою *добродѣтелей* и *чести*; Махїавель, свидѣтель жестокихъ сраженій Италіанской полишки, видешъ успѣхъ въ одномъ только *искусствѣ* и *силѣ* правителей.

Ж. Ж. Руссо, воспитанный въ нещастіи, въ уединеніи, всегда погруженный въ мысли и тайную унылость, сдѣлалъ живѣйшее впечатлѣніе на умы своихъ современниковъ; характеръ его отъ всѣхъ отличенъ. Философія нашла въ немъ сильнаго защитника, одареннаго чувствомъ и краснорѣчїемъ непобѣдимымъ. Но должно признашяся, что правила сего Философа и сами по себѣ весьма опасны и

могшѣ бышѣ наиболѣ повредили обществу. Руссо, неимѣвшій ни опечесства, ни семейства, спранникѣ, лишенный пристанища, имѣлѣ самолюбіе чрезмѣрно раздражительное, и пишалѣ въ сердцѣ своемѣ сокрытую ненависть ко всѣмѣ уснановленіямѣ гражданскимѣ. Во всю свою жизнь сражался онѣ съ обществомѣ, въ кошоромѣ и обспояшельства и характерѣ препяшествовали ему занимать пристойное мѣсто. Въ семѣ-шо печальномѣ разположеніи духа почерпнулѣ онѣ, такѣ сказать, свое дарованіе. Почишая всѣ должностки оковами, хотѣлѣ онѣ вести человекѣ къ добродѣтели спремленіемѣ свободы и спраски; хотѣлѣ, чшобы онѣ гордо и независимо лешлѣ еѣ спезями! Но такія спези опасны, и рѣдкой, избравѣ ихѣ, не заблуждался. Первый Руссо можетѣ служишѣ примѣромѣ заблужденія: прославляѣ добродѣтель съ жаромѣ и восхищеніемѣ чувствительнаго сердца, онѣ болѣе, нежели кто другой, ознаменовалѣ жизнь свою просупками.

Бюффонѣ болѣе всѣхѣ современниковѣ своихѣ приблизился къ характеру и таланту Писателей предшествовавшего вѣка, Писателей, кошорые умѣли такѣ смѣло пользоваться своимѣ языкомѣ, кошорые запечалилѣли его печатью души и мыслей своихѣ. Геній *Бюффона*

имѣя большое сходство съ гениемъ философовъ Греціи, одаренныхъ воображеніемъ живымъ и смѣлымъ. Онъ воссавалъ прошивъ шѣхъ, копорые почитали Исторію Нашуры простою *номенклатурою*, собраніемъ простыхъ описаній, соединенныхъ одно съ другимъ искусственной нишю. Пламенный умъ его дерзнулъ проникнуть въ тайны Природы, чшобы ихъ обнаружитъ и предсавитъ въ картинѣ привлекательной. Слогъ его живописенъ; краснорѣчіе величественно и убѣдительно.

Между Писателями, копорыхъ Авторъ поставилъ на вшорую степень, замѣшимъ Аббашовъ Мабли и Кондильяка, Гельвеція, Даламбера, Дидропа, Дюкло, Грессеша, Мармоншеля, Аббаша Реналья, Бомарше, Баршелеми, Лагарпа. Онъ судитъ о каждомъ изъ нихъ съ великимъ безприсрастїемъ; разсмашриваетъ ихъ мнѣнія; изображаетъ ихъ характеръ. Реналья осуждаетъ онъ съ наибольшою строгостію. Можешъ бытъ — говоритъ онъ — не найдемъ ни одного Писателя, копораго идеи были бы споль безразсудны, копорый писалъ бы шакимъ неправильнымъ слогомъ. Трудно предсавитъ, какъ можешъ человекъ дойти до шакого изсшупленія въ мысляхъ и до шакой надушости въ выраженіяхъ. Реналь, кажешся, находитъ удовольствіе въ мнѣняхъ, про-

шивныхъ порядку общесшвенному ; можно подумашь, что эпошъ Софисшъ своими восклицанїями шарался *выкликать* шъ пресшупленїя и злодвйства, которыхъ мы ужасаемся, чшшая исторїю революціи Французской. Не смощра на шо, Реналь, находясь среди неуспройслвв и возмуще- нїй революціонныхъ, былъ справедливъ ; неустрашимъ и крошомъ.

Писашель, заключенный въ своемъ ка- бинешъ, не зная ни людей, ни двлъ об- щесшвенныхъ, воспламеняется собствен- ными своими мыслями. Революціи, крово- пролишье, паденїе Имперїи, кажущся ему однимъ шолько великимъ зрвщемъ, од- нимъ украшенїемъ *триумфа* его мивнїй. Шо покидая перо, эпошъ человекъ становиц- ся единственно шбмъ, что онъ есть — другомъ шшщины, человекесшва, законовъ.

Авторъ заключаетъ книгу свою изо- браженїемъ беспорядковъ революціи. Онъ го- воритъ: XVIII го ввка никогда не будущъ смбщивать съ шбми эпохами, которыхъ про- шекли, не оставивъ никакого слвда въ памя- ши людей. Сшремленїе ума человеческаго и спепенъ, которой онъ достигнулъ, были шполь необыкновенны въ сїю эпоху, что никогда попомки не будущъ смощрвшь на нее безъ любопытсшва и удивленїя. Мы

желали бы, чтобъ эшоу начинающійся вѣкъ, эшоу вѣкъ, который видѣлъ наше рожденіе и увидитъ нашъ конецъ, принесъ бы и дѣшамъ и внукамъ нашимъ, не болѣе славы и блеску, но болѣе добродѣшелей и менѣе несчастій.

Изъ Journal de Paris.

XI.

С л ъ с ь.

Магомешъ, извѣстная Вольперова прагедія, перпишъ гоненіе ошъ издашеля Журнала Имперіи, г-на Жоффраа. Вотъ что обѣ ней написано въ одномъ изъ листковъ, недавно полученныхъ: „*Магомешъ*, блиспашельнѣйшее произведеніе пера Вольперова, представленный на Французскомъ театрѣ (Théâtre Français), приняшъ не съ шюю благосклонношю, на которюю имѣетъ онъ право по своей знаменитости. Проспраншво залы наполнялось необыкновеннымъ кашляньемъ, вмѣсто рукоплесканій. Нѣкоторые зришели, менѣе другихъ пріобыкшіе къ шягосшной скукѣ, прогоняли ее, чѣмъ могли: одни кричали *тише!* во время глубокаго молчанія; другіе повшоряли *не тѣснились! назадъ!* тогда какъ никто не шевелился; прешьи ошъ добраго сердца хохотали,

когда Сеидъ произносилъ стихи самые жаркіе, спрашныы, разипельные. Повѣрялѣ ли? даже человѣколюбивое зываніе къ богамъ,

Exterminez, grands dieux, de la terre où
nous sommes,
Quiconque avec plaisir répand le sang des
hommes (*).

даже сія благочеспивая молишва, копорая во времена бѣдспвіѣ нашихъ сопровождаема была громкими рукоплесканіями, и ошѣ копорой восхищались тогда самые жадные кровопійцы наши, нынѣ выслушана весьма хладнокровно! — Правда, что акшеры дѣйспвовали неудачно; однакожь и сама прагедія имѣла въ себѣ множешво недоспашковъ, копорыхъ никакое очарованіе шеперь уже незакрываетъ. Сила спрашпи доведена въ ней до излишешва; Магомешъ, копорого спихопворецъ жопѣлъ предспавишъ весьма умнымъ человѣкомъ, являешся чудовищемъ гнуснымъ и опврашишельнымъ, малодушнымъ и подлымъ въ своихъ поступкахъ, а особливо въ любви и мщеніи; Магомешъ сполько же холоденъ, сполько жестокъ. Въ сей прагедіи очень мало шого, что возбуж-

---

(*) Великіе боги! испребите на земли всякаго веселящася пролишiemъ крови человѣческой!

даешъ истинное участіе; за то уже весьма примѣшны фиглярскія уловки, для возбужденія ужаса употребляемыя спихопворцомъ. Ходъ трагедіи медленный, неоживленный разнообразіемъ; множество явленій слабыхъ, растянутыхъ. Вошъ что было причиною смертельной скуки, ошъ которой бѣдные зрители спрадали во все продолженіе трагедіи. Въ прочемъ нѣкоторыя мѣста хорошо выражены, на примѣрѣ въ разговорѣ между Зопиромъ и Омаромъ; разговоръ Магомеша съ Зопиромъ прекрасенъ. Ж. Ж. Руссо въ *письмѣ о зрѣлищахъ* смиренно винишся въ проступкѣ своемъ, что Омару, намѣспнику Пророка, даешъ преимущество передъ самымъ Магомешомъ. Какъ ни великъ сей грѣхъ Жанъ Жака, однакожь все еще извинишельнѣе шѣхъ, которые онъ объявляешъ въ своей Исповѣди. Руссо, писашель въ прочемъ краснорѣчивый, невеликой былъ знапковъ въ словесности. Спранно, что при всей гордости своей онъ непоспыдился пашъ на колѣни передъ Вольшеромъ, и польспишъ ему признаніемъ, будшо ничего неможешъ бышъ лучше разговора Магомеша съ Зопиромъ. Видно, что Руссо незналъ ни Корнеля ни Расина. “

Древніе спихошворцы Греческіе и Латинскіе по званію своему были особы *священнаго* сословія, жрецы Аполлона и дщерей Мнемозины; они почитали себя вдохновенными свыше даже и тогда, когда предавались мечшамъ несомѣспнымъ ни съ набожноспью ни съ цѣломудріемъ. Упѣхи, спрого запрещаемаы нынѣшними успановленіями и обычаями, были у нихъ дѣяніями благочеспія, или по крайней мѣрѣ принадлежали къ спихошворной вольноспи, всѣми вообще одобряемой. Одинъ изъ нескромнѣйшихъ спихошворцовъ говоришъ о себѣ и о шоварищахъ своихъ, шакихъ же забавникахъ: „Nos pia turba fumus; мы члены благочеспиваго брашшва.“ Воспѣвая любовь и красавицъ, они швердо надѣялись заслужишъ блаженспво, угошованное праведникамъ. Тибуллъ, нѣжный и спраспный Тибуллъ, говоришъ опкровенно:

At me, quod tenero fuerim dilectus Amori,
Ipsa Venus campos ducet in Elysios.

„Сама Венера введешъ меня въ поля Елисейскія, за шо чшо я любезенъ былъ Ерошу.“ Испинно пѣишическое благочеспіе!! Елисейскія поля почитались у древнихъ язычниковъ вмѣспилищемъ рая. Чшобы войши въ нихъ, надлежало шольно бышъ чуждымъ шѣхъ ужасныхъ злодѣяній, кошорыя прошивны нашурѣ челошческой. Еакъ, Миносъ и Радаманшъ,

сїи угрюмые судьи, не были врагами удовольствїей. Чело ихъ прояснялось, когда приходилъ къ нимъ стихопворецъ, богинѣ красоты служившїй. Неизвѣстно въ прочемъ, выпускали ли туда дурныхъ стихотворцевъ: чистая стихи свои праведникамъ, они скоро превращали бы райское общество въ шаршаръ.

*

Древнихъ жителей Испанїи раздѣляютъ на три класса; къ первому принадлежатъ Иберы, шамонїе уроженцы; ко второму народъ, пришедшїе изъ Галліи; къ третьему Финикїяне, Картагенцы и прочїя племена, переселившїяся изъ Африки и смѣшавшїяся съ жителями береговъ южныхъ. Цельты или Галлы, вторгнувшись въ землю Иберовъ, послѣ долговременной войны соединились съ природными жителями, и составили съ ними единый народъ Цельтиберскїй. О племенахъ, въ Испанїи обитавшихъ и подъ разными названїями извѣстныхъ, древнїе написали много весьма любопытнаго. Спросивъ къ независимости дѣлала чудеса между ними. Почти невѣроятнымъ кажется свидѣтельство Страбона о свойствахъ, нравахъ и обычаяхъ Кантабровъ. Онъ говоритъ: во время войны между Римлянами и симъ народомъ, были примѣры, что матери убивали собственныхъ дѣтей своихъ, только для того

чтобъ онѣ недоспались въ руки непріятельскія ; младенецъ, по приказанію отца, уснарялся съ обнаженнымъ мечемъ на родиспелей своихъ и брашневъ, оковами осягченыхъ ; женщина умертвила всѣхъ вмѣстѣ съ нею плѣнныхъ. — Цельпиберы непряпались подобно Иберамъ въ горахъ и лѣсахъ, но храбро и весьма искусно сражались на открытомъ полѣ, а друзьямъ оказывали гостепрїимство. Угощеніе въ своемъ домѣ многихъ чужестранцовъ вмѣняли себѣ въ почешное опличіе. — Турдешаны, жившіе въ окрестностяхъ Севиллы, по видимому были просвѣщеніе прочихъ Иберовъ, но менѣе храбры. Они умѣли писать и сохраняли память о старинныхъ дѣянїяхъ ; древность законовъ ихъ, копорые писаны были спихами, проспиралась, какъ они думали, до 6,000 лѣтъ. Полибїй съ удивленїемъ говоритъ о богатствѣ Турдешанїи и о пышности тамошнихъ владѣтелей.

*

Чиная въ одномъ журналѣ разсмотрѣніе новой, въ Парижѣ вышедшей изъ печати книги, подъ названїемъ : *Исторія Французской Словесности осмнадцатаго столѣтія*, нашелъ я множество прекрасныхъ и справедливыхъ мыслей. Сочинитель почно угадалъ, что ослабило Поэзію во Франціи — и вездѣ, можно при-

бавишь. „Поезїя, опщужденная опъ нынѣшнихъ обычаевъ и опъ дѣяній въ опещественной исторїи хранящихся, написанная древнимъ баснословіемъ, смѣшивающая вѣру въ истиннаго Бога съ вѣрою въ боговъ ложныхъ, потеряла характеръ свяности, лишилась того восшорга, того выпреннаго вдохновенїя, кошорыя были испочникомъ пѣснопѣній. Языкъ боговъ сдѣлался игрушкою опстраго ума, проснымъ, механическимъ спихосложенїемъ. — Исторїя испышала на себѣ подобное дѣйствїе. Чшобы хорошо написать исторїю, сочинитель долженъ мысленно жить съ опдаленными предками нынѣшнихъ поколѣній, долженъ быть весьма коротко знакомъ съ ними. Для сего шребующя не шолько чшенїе и изслѣдованїя, но долговременное, прилѣжное ученїе и непрерывное размышленїе. Удивляющя, что первые вѣки нашей исторїи покрышы мракомъ неизвѣстности. Но кому хощлось губить время въ скучныхъ изслѣдованїяхъ? Кому хощлось, какъ должно по совѣсти, сочинять исторїю, о кошорой никакъ не думалъ? Мы заняшы были не собою, но или древними народами, или нашими сосѣдями. До появленїя Англомановъ и Пруссомановъ, обычаи древнихъ Грековъ и Римлянъ были нашими образцами. Дипя произносило уже имена Епа-

миноидовъ и Капоновъ, ни разу не слыжавши ни о Дюгесклинѣ ни о Боярдѣ. Всѣ благоговѣнно удивлялись пѣишической войнѣ Троянской, и едва ли кто вѣдалъ о крещовыхъ походахъ. И такъ удивительно ли, что для историковъ нашихъ старинныя происшествія и обычаи опдаленныхъ нашихъ предковъ покрыты завѣсою! — Церковное краснорѣчье равнымъ образомъ потеряло свою силу и важность. Служитель алшаря, чуждающійся мѣра суешаго и ничтожнаго, живущій во свящилищѣ, единственно упражняющійся въ проповѣданіи слова Божія, конечно скорѣе другаго достигнетъ высоты истиннаго краснорѣчья. Правы измѣнились; благочестіе ослабло. Нынѣ слушаютъ поученія, но только изъ любопытства; нынѣ приходятъ слушать проповѣдника, но только для того чтобы узнать, искусно ли онъ побѣдитъ трудности, говоря о такихъ дѣлахъ, къ коимъ мало имѣютъ довѣрія. Сами проповѣдники менѣе занимаются строгими правилами вѣры, а болѣе думаютъ о томъ чтобы угодить слушателямъ, и чтобы не погрѣшить противъ вкуса и обыкновенія.

*

Роде, славный скрипачъ, недавно возвратившійся изъ Россіи, умеръ въ Парижѣ. Онъ успѣлъ дать одинъ концертъ на театрѣ Императрицы; но къ сожалѣнію

имѣлъ не многихъ слушателей, пошому чшо Парижскіе термометры въ тотъ день показывали почти равную степень холода съ нашими сѣверными. Деревья и медвѣди шекли во слѣдъ Орфею по ледянымъ горамъ Эракійскимъ: Парижане, которые, какъ извѣстно, не медвѣди и не деревья, лучше захошѣли просидѣть вечеръ передъ каминомъ, нежели занемочь ошъ просшуды. Для концерша г-на Бальйо, шакже недавно изъ Россіи возвращившагося, погода была благопріятнѣе.

Московскіе жштели имѣли удовольствіе слышать и Бальйо и Роде, слѣдственно и сравнивать ихъ могутъ — разумѣшся, истинные знашюки въ художествѣ. Грешри замѣчаетъ въ своихъ *Опытѣхъ*, чшо сѣверные жштели болѣе любяшъ музыку рѣзвую и шумную, нежели выражающую спрасш и нѣжныя чувшва. Основываясь на семъ замѣчаніи, Парижане заключаюшъ, чшо Русскимъ болѣе нравился Роде, нежели его соперникъ. У Бальйо много выразительности, но безъ чисшоты въ звукахъ; у Роде, много искусствва, но безъ жару. Изъ соединенныхъ дарованій, принадлежащихъ вмѣстѣ и шому и другому, могъ бы сосшавишся одинъ талантъ истинный, совершенный, какимъ обладалъ Вюшши, съ которымъ, по мнѣнію людей

выдающихъ себя за знашюковъ, никшо еще несравнился. Прибавимъ къ тому, что Бальйо, какъ увѣряющъ издатели Французскихъ журналовъ, возвратился въ Парижъ съ увеличившимся дарованіемъ, которое онъ усовершенствовалъ живучи въ странахъ сѣверныхъ. Концерты его, Русскія пѣсни, варіаціи восхищили сердца слушателей, и Бальйо теперь единодушно прославляется въ Парижѣ. — Въ Рижскомъ Зришелѣ недавно было написано, что ни Бальйо, ни Роде, ни Ламаръ недоспали жишелямъ Риги такого удовольствія, какимъ наслаждались они слушая игру г-на Ромберга, скрипача капелли Е. В. Короля Прусскаго, во время пробѣзда его черезъ упомянутый городъ. За такое предпочтеніе Французу Нѣмца пошумѣлъ Публицистъ на Зришеля, и сказалъ, что ежели Ромбергъ жишелямъ Риги понравился лучше нежели Французскіе виршуозы, то сіе не опнимаешъ достоинства у Французской музыки, а значить только, что она въ Ригѣ не въ модѣ. „Да — опвѣчаешъ Зришель — однакожь изъ того также нельзя вывести невыгоднаго заключенія о вкусѣ жишелей Рижскихъ. Испинно прекрасная музыка не есть ни Французская, ни Нѣмецкая, ни Италіянская, а просто музыка, и ш. д.“ —

ПОЛИТИКА.

ХИ.

Нѣчто о началѣ войска Янычарскаго.

Турецкой Султанъ Амурашъ починшалъ пѣхошу свою опличивѣшею часшю всего войска. Онъ учредилъ корпусъ Янычаръ, содѣлавшихся споль спрашными въ Константинополѣ предъ окончаніемъ испекшаго года, и одержавшими верхъ надъ Сейменсами. Великій Визирь Байракшаръ Паша не могъ пережить несчастія любимыхъ своихъ Сейменсовъ, возсмановленныхъ имъ и образованныхъ. Думали, что сей дѣяшельный и неушомимый намѣшникъ Султана уцѣлѣлъ во время ужаснаго смяшенія въ Константинополѣ; но теперь нишо уже не сомнѣвается, что онъ самъ зажегъ пороховой магазинъ, и взлѣшѣлъ на воздухъ.

Янычары сами себя называютъ защитниками престола правовѣрныхъ. Число ихъ простирается до 40,000 человекъ, раздѣленныхъ на оршы. Каждая орша имѣетъ своего особаго начальника, копорые всѣ находящяся подъ вѣдомствомъ и

управленіемъ янычарскаго Аги, знавшійшаго чиновника въ государствѣ.

Султанъ Амурашъ, желая сдѣлать Янычаръ храбрѣйшими людьми во всемъ войскѣ своемъ, вздумалъ ознаменовашь учрежденіе корпуса ихъ торжественнымъ обрядомъ. Для шого призванъ былъ въ Коншаншинополь одинъ суевѣрный дервишъ, почишаемый за святаго. Янычарамъ велѣно повергнувшись предъ нимъ на землю; опшельникъ, положивши рукавъ одежды своей на голову одного изъ воиновъ, воскликнулъ гласомъ пророческимъ: „называйтесь Янычарами! да будетъ лице ваше грознымъ, рука побѣдоносною, мечи оспрыми, копья разящими врага! храбрось да будетъ счастьемъ вашимъ!“

Съ шого времени воины сіи называются Янычарами, и носятъ шапки съ висящими мѣшками, похожими на рукавъ широкой одежды. Они присвоили себѣ право низвергать Султана съ вышины престола, и поручашь верховную власть другому.

Янычаръ лучше можно уподобить Преторіанской спражѣ древняго Рима, нежели спрѣльцамъ Московскимъ.

XIII.

Статья изъ Лондона (*).

Испанскія произшествія начинающъ намъ казаться очень невыгодными. Повушеніе Джона Мура обойши Французское войско шеперь неодобрятся даже и шѣми людьми, которые прежде почитали его самымъ блистательнымъ подвигомъ. Упрекающъ сего полководца, для чего онъ избѣгалъ сраженія. Не лучше ли было драшья соединенными силами, нежели безчестно погибашъ, раздѣлившись на малыя части? Испанцы видя шеперь наше опшупленіе, пошеряли свою бодрость, а насъ почитаютъ измѣнниками. Боюсь, чшобы Испанія не озлилась на насъ болѣе нежели другія Державы, копорымъ мы *помогали*. Чѣмъ окончился наше опшупленіе? Увѣрены ли мы, чшо Испанцы дадутъ намъ дорогу въ Ферроль, единое мѣсто, гдѣ мо-

---

(*). Помѣщенная во Французскихъ Вѣдомостяхъ. Кому извѣстно проворство издателей публичныхъ листковъ, въ Парижѣ печатаемыхъ; шовъ не станешъ спрашивать, какимъ образомъ они достаютъ письма изъ Лондона въ такое время, когда между Англією и между шведскою землею, а особливо Французскими берегами, нѣтъ никакого общенія. Журналисты знаютъ наизусть риторикку; а изображеніе составляетъ главную часть сей полезной науки. К.

земь, хопя съ великимъ прудомъ, сбсшь на суда наши? Проспитъ ли имъ побѣдитель спакоей поспупокъ? Нѣтъ; наше войско, по видимому, идешь къ Корунѣ. Хорошо! но какъ же мы будемъ въ одно время и защищашься и гошовишься къ переправѣ? Да и удасться ли намъ дойти до приспани? Французы не опередяшь ли нашихъ упомленныхъ солдатъ, какъ они опередили Прусаковъ? Какой спыдъ, когда армїя Сира Джона Мура возврашишься въ опечесиво безъ пушекъ, безъ припасовъ, безъ знаменъ, а можешъ бышь еще и безъ двухъ часшей воиновъ! Какая горесшь для семействъ! какой ударъ для народа, лишеннаго всѣхъ способовъ вознаградишь сїю пошерю!

Внушрениїя несчаспїя, копорыя намъ угрожають, еще въ большее приводяшь насъ смущенїе. По опкрышїи парламеншскихъ засѣданїй конечно будешъ учреждено регенспшо. А слѣдствїя отъ шого? Извѣсно, что полишическїя мнѣнїя Принца Валлисскаго несогласны со мнѣнїями Королевы. Каждая изъ сихъ высокихъ особъ имѣешъ на своей споронѣ многихъ сообщниковъ. Слухи носяшься о намѣренїи примѣришь сїи двѣ спороны. Положимъ что примирителами будешъ Герцогъ Поршландъ, Архїепископъ Каншорберскїй, Лордъ

Мойра, Лордъ Гренвиль : но каждой изъ нихъ имѣешь свои собсвенныя причины къ несогласію ; слѣдовашельно все будетъ слабо въ Совѣтѣ, ибо мнѣніе каждаго будетъ оспориваемо. О еслибъ сіи люди прилѣжно занялись изобрѣшеніемъ способовъ испребишь въ насъ пагубную склонность къ продолженію вѣчной войны, копорая угрожаешь нашему цвѣщущему оспрову конечнымъ разореніемъ и опчужденіемъ ошъ всѣхъ народовъ! И пакъ для чего намъ всшупашься за Испанцовъ, копорымъ пособишь мы не въ сосшояніи? По нынѣшнимъ расположеніямъ ихъ къ намъ судишь можемъ о будущихъ, когда непрерывными неудачами въ войнѣ доведены будутъ до опчаянїя. Теперь ешь еще время подумашь о мирѣ, и шѣмъ обезпечишь нашу шорговлю, наше могущество и нашу славу.

Все ли еще будемъ вѣришь явнымъ обольщеніямъ Министровъ нашихъ, копорые должны дашь опчешъ Парламенту и народу въ слѣдствїяхъ распоряженїй, зашѣянныхъ безъ праводушія, а исполняемыхъ вопреки правиламъ благоразумїя? Посшарались вниманїе наше опшвести ошъ сѣвера и направишь его на Испанїю; шеперь, когда надежда изчезла, опашь указываюшь намъ на сѣверъ! Какая ушѣшительная перспектива! Намъ нужды ишѣ

что несчастный Дворъ Шведскій каждой день новыми упрашами плашишь пеню за упорную свою къ намъ преданность. Финляндія, изъ которой Шведы выгнаны, Финляндія усбьянная шрупами рашниковъ Державы намъ союзной, веселое ли представляетъ зрѣлище для нашихъ Министровъ? Пойдемъ далѣе; пойдѣмъ, куда вѣдѣшь насъ надежда; неоспанавливаясь ни въ Пешербургъ, ни въ Берлинъ, посмотримъ, что дѣлается въ Австрїи. Поспашраемся удостовѣривъ себя, что можешь и чего хочешь сія Держава.

Невброяшно, чтобы она, безъ особенной силы свѣрхвещественной, вдругъ спрашною сдѣлалась для шѣхъ самыхъ Французовъ, которые передъ симъ за пригода имѣли въ своей власпи большую часть ея провинцій, и коихъ могущество сѣшого времени значно увеличилось. Австрїя шеперь неимѣетъ и тѣхъ средствъ для продолженія войны, какія имѣла Испанія передъ симъ за два мѣсяца. Обогащится ли она вспомогательными нашими деньгами? Мы не заплашили еще и шого, что обѣщали дашь ей въ корошкую, но пагубную войну, кошорою она доведена до совершеннаго изнеможенія. И шавъ можемъ ли понадѣяться на ея земское войско и на поголовное вооруженіе, послѣ шого

что случилось въ Испаніи? А она съ своей стороны понадѣбшя ли на войска наши и пособія? Прошло время, когда посулы наши имѣли свою цѣну.

Министерской стороны журналисты признаются, что Императоръ Австрійскій опеческимъ управленіемъ своимъ спарается возстановить порядокъ, военными бѣдствіями разрушенный, и что онъ весьма склоненъ къ миру; слѣдственно какого успѣха ожидаешь отъ наущеній и козней? Положимъ, что удастся ввести въ обманъ нѣкошорыхъ молодыхъ людей, подобно тому какъ въ Берлинѣ за нѣсколько дней до начатія бѣдственной войны для Пруссіи; положимъ, что и примѣръ Лудовика — Фердинанда Прускаго неупрашитъ Австрійскихъ Принцовъ; но 150,000 Французовъ находящихся въ Германіи, болѣе 130,000 расположенныхъ въ Италіи и 100,000 воиновъ Рейнскаго Союза конечно въ состояніи будутъ оспорить ихъ разсужденія. Австрія поступитъ благоразумно; въ помѣе недолжно сомнѣваться. Не время ли и нашему Министерству приняться за благоразуміе, или оставишь службу?

XIV.

*Біографическое извѣстіе о бывшемъ
Прусскомъ Министрѣ Шпейнѣ.*

Во всѣхъ публичныхъ листкахъ помѣщенъ указъ, Императоромъ Наполеономъ въ Мадридѣ подписанный, слѣдующаго содержанія :

„Нѣкто (*) Шпейнъ, желающій произвести безпокойства въ Германіи, объявляющагося врагомъ Франціи и Рейнскаго Союза. Имѣніе, принадлежащее упомянутому Шпейну, во Франціи ли оно находится или въ государствахъ Рейнскаго Союза, должно быть описано. Сказанный Шпейнъ будетъ схваченъ во всякомъ мѣстѣ, гдѣ расположены войска наши или нашихъ союзниковъ.“

Въ Гамбургскомъ Политическомъ Журналѣ помѣщено о господинѣ Шпейнѣ слѣдующее :

(*) Le nommé Stein. Слово *nommé* употребленное въ приказномъ слогѣ ввело въ заблужденіе многихъ Нѣмецкихъ переводчиковъ. Случай сей напоминаеть объ одномъ Журналистѣ, коимъ заставилъ Маршала Нея *скакать на лошади по Дунаю*. Такъ онъ пенялъ *etait à cheval sur le Danube*, то есть корпусъ Неевъ расположенъ былъ на обоихъ берегахъ Дуная (въ странѣ при Ульмѣ).

К. Г. Ф. Баронъ Фонъ Шшейнъ родился въ Октябрѣ 1757 года въ Нассау на рѣкѣ Ланѣ; имѣетъ доказательство на тысячелѣпную древность своего рода; въ молодыхъ лѣтахъ занимался юридическими науками; во время Баварской войны за наслѣдство вступилъ въ Прусскую службу Каммергеромъ и Горнымъ Совѣтникомъ. Въ 1784 году господинъ Фонъ Шшейнъ былъ посломъ въ Ашафенбургъ; послѣ того управлялъ въ званіи Каммеръ-Директора Вестфальско - Прусскими провинціями; на послѣдокъ получилъ достоинство перваго Министра.

Въ разныхъ Нѣмецкихъ вѣдомостяхъ недавно было писано, что онъ съ величайшею поспѣшностію отправился въ Австрійскія владѣнія, гдѣ вѣроятно и теперь находишься.

XV.

Извѣстія и замѣчанія.

Благодареніе Богу! пищина въ Германіи еще ненарушена. Между пѣмъ господа журналисты уже открыли кампанію, и ревностно подвизающся на равномъ своемъ полѣ. Спашься можешь, что вой-

на перьями начатая перьями жь и окончися, и дѣло неодоиде шь ни до шпыковѣ ни до пушекѣ. Императорѣ Наполеонѣ скоро по прибышїи своемѣ въ Парижѣ допустилъ къ себѣ дипломатической корпусѣ, и весьма благосклонно при семѣ случаѣ обошелся съ Австрїйскимѣ посломѣ Графомѣ Мешперникомѣ. Въ семь дней совершилъ онѣ свое путешествованїе изъ Валладолида, и 23го числа Января ночью прибыхалъ во дворецѣ Тюльерїйской.

Въ 29мѣ бюллетенѣ, писанномѣ въ Валладолидѣ 16го Января, содержится подробное извѣстїе о пораженїи еще одного Испанскаго корпуса, которой пробирался къ Мадридѣ черезъ Куенсу. Двѣ дивизїи обошли его, прешья сдѣлала нападенїе. Испанцы принуждены были положить оружіе. Генералѣ Венегасѣ, начальствовавшїй надъ ними, убитѣ. Число ихѣ проспиралось до 12 тысячѣ человекѣ.

Въ 30мѣ бюллетенѣ, писанномѣ въ томѣ же городѣ 21 Января, содержится извѣстїе о пораженїи Англичанѣ при Коруннѣ. Надъ Французскимѣ войскомѣ начальствовавалъ Герцогѣ Далматскїй (Сультѣ). Непрїятель совершенно разбилъ и прогналъ; пользуясь темною ночью, онѣ успѣлъ убраться на корабли свои, поше-

ржавши великое число рашниковъ. На полѣ сраженія сочшено болѣе 800 шруповъ, между копорыми нашли шѣло Гамильсона и другихъ генераловъ. Двадцать офицеровъ и 300 рядовыхъ взято въ плонъ Французами.

„Такимъ-шо образомъ — написано далѣе въ бюллетенѣ — окончились подвиги Англичанъ въ Испаніи. Они, начавши войну въ сей несчастной землѣ, скоро прекрашили ее. У нихъ было 38,000 человекъ войска и 6000 лошадей. Мы взяли въ плѣнъ 6500 человекъ, не считая больныхъ; очень мало военныхъ припасовъ унесли они на корабли съ собою; лошадей шакже очень мало увели обратню; уронъ ихъ въ однихъ шолько убитыхъ людяхъ и брошенныхъ проспирался до 5000. Ни одинъ Англичанинъ не спасся бы въ другую пору года. Удобность разрушашъ мосты, быспрое шеченіе горныхъ рѣчекъ, въ которыхъ зимою вода прибываетъ, короткіе дни и долгія ночи — все сіе очень много благопріятшспвовало опспупающему войску. — Можно ушвердительно сказашъ, что отъ 38000 человекъ Англичанъ, вышедшихъ на берега Испаніи, уцѣлѣло не болѣе 24,000.“

„Войско Генерала Романы, которое въ концѣ Декабря сосшояло изъ 16000

человѣкъ, уменьшилось до 5000; теперь бродитъ оно между Виго и Сантѣаго, будучи преслѣдуемо Французами. Королевство Леонское, провинція Замора и вся Галлиція завоеваны.“

Въ дополненіе къ сему бюллетеню пишушъ изъ Валладолида, что во время упомянушаго сраженія, бывшаго въ 16 день Января, пушечное ядро налѣзло на плечо главноначальствующаго надъ Англійскимъ войскомъ Генерала Мура; черезъ два часа попомъ онъ умеръ; тогда же рука Генерала Берда разможжена въ двухъ мѣстахъ, и ввечеру отрубана. Думающъ, что шло Генерала Гопа, а не Гамильтона, какъ сказано выше въ бюллетенѣ, найдено на полѣ сраженія, и что надъ оставшимися Англичанами принялъ главное начальство Генералъ Бофоршъ.

Король Иосифъ, находящійся въ увеселишельномъ замкѣ Пардо, въ двухъ миляхъ отъ Мадриша, принималъ городскихъ депуташовъ, просившихъ Его Величество приѣхать въ столицу. Король весьма благосклонно отвѣтствовалъ имъ, что незамедлитъ прибыть въ Мадришъ. „Сіе извѣстіе — такъ пишутъ изъ Мадриша — чрезвычайно обрадовало жителей; ибо всякъ видитъ, что Испанія счастія

своего ожиданія должна только отъ справедливѣйшаго и доброжелательнѣйшаго Монарха. Удаленіе Англичанъ необходимо приведетъ въ крайнее уныніе мясешниковъ, оспающихъся при своемъ упорствѣ и проч.

*

Извѣстіе о кровопролитныхъ сраженіяхъ между Австрійскими и Турецкими Кроапами, кажется, неимѣетъ никакого отношенія къ политическимъ производствѣямъ, зависящимъ отъ министерскихъ распоряженій. Какъ бы то ни было, а обѣ стороны дрались жестоко. Съ Австрійской стороны два полка были въ дѣлѣ. Съ пограничныхъ крѣпостей производилась пальба, и побило много народу. Бибашошъ, что на рѣкѣ Униѣ, былъ мѣстомъ главнаго позорища.

24 Февраля. К.

Н. В. На 210й страницѣ 3й книжки Вѣспника Европы 1809 года мѣспо, гдѣ упоминаешся обѣ изданіяхъ Русской Правды, пребуешъ поправки. Сіи законы съ примѣчаніями напечатаны въ Москвѣ 1799 года. Въ предисловіи къ нимъ объявлено о прежнихъ изданіяхъ. К.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАРТЪ, 1809.

№ 6.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

Г.

*Бади, или ошкровенность и благо-
разуміе.*

Въ Индіи жилъ одинъ молодой человекъ, по имени Бади. Форшуна щедро надѣлила его своими дарами, а Природа самыми лучшими свойствами — чувствительнымъ сердцемъ, доброю, ошкровенною душою. Есшлы подъ именемъ добродѣтели разумѣше вы какое-нибудь чрезвычайное усиленіе, то Бади не былъ добродѣтеленъ; ибо въ самыхъ благородныхъ и великодушныхъ поступкахъ своихъ онъ слѣдовалъ одному побужденію сердца. Бади никого не осуждалъ, смотрѣлъ на людей съ лучшей стороны; былъ крошкѣ въ обхожденіи, благороденъ въ мысляхъ; былъ вѣрный другъ, собесѣдникъ остроумный, короче сказашь, любезный и лучший юноша.

№ 6.

Б

Съ сими прекрасными качествами соединялъ онъ богатство и лице весьма пріятное, на которомъ сіяли добродушіе и кротость. Браминны, восплававшіе его въ уединеніи, научили его восточнои мудрости. Онъ былъ гошовъ уже начашъ поприще гражданскои жизни и вступилъ въ общество человекѡвъ; но прежде хохлѡлъ на свободѣ размыслилъ о выборѣ для себя состоянїя, и системѣ поступковѡвъ, наиболѣе сообразной съ разумомѡвъ и согласной съ его характеромѡвъ.

Я самъ чувствую, думалъ онъ, что въ душѣ моеи нѣтъ злобы; не буду краснѣть, естли узнаютъ всѣ тайныя желанїя моего сердца; люблю дѣлать добро; не способенъ ни къ какому предательству — для чего же скрывать мнѣ то, что у меня въ мысляхъ? Пусть прищворщветъ тощъ, кому прищворство нужно; а я не имѣю причины быть скрыпнымъ. Люди злы, говорятъ иные — можетъ быть! но это безъ сомнѣнїя случается съ ними только тогда, когда имъ *нужно* быть такими — одинъ только голодъ принуждаетъ льва нападать на человекѡва; но будучи сытъ, онъ шихъ и незлобенъ. Я никому не желаю дѣлать зла. Какая чужая польза можетъ быть мнѣ вредною? Что же мѣщаетъ мнѣ быть совершенно опкровеннымъ? Эпа

добродѣтель пріобрѣтешь мнѣ благосклонность людей — и буду пользоваться ихъ довѣренностью, и еслили буду обходишься съ ними, какъ съ друзьями, то и они въ свою очередь будутъ поступать со мною, какъ съ другомъ. Увѣренъ, что тѣ, которые воображаютъ одно печальное и которые наказали мнѣ столько худого о человѣческомъ родѣ, или испытали много непріятностей въ жизни, или не умѣютъ быть ни добрыми, ни чистосердечными. Самыя змѣи не дѣлаютъ никакого зла, еслили ихъ не пронешь: кто же осмѣлился сказать, чтобы человѣкъ, это разумное твореніе, которое умѣло построить города, изобрѣсти языкъ и письмо, составить для себя правила нравственности — чтобы человѣкъ, говорю, былъ злѣе змѣи? Очень ясно, что эта недоувѣрчивость къ людямъ есть призракъ разсвоенной или мрачной фантазіи. Я собственнымъ примѣромъ докажу тѣмъ людямъ, которые такъ думаютъ, что самое вѣрное средство пріобрѣсти любовь себѣ подобныхъ, есть — быть правдивымъ и добрымъ.

Такъ думалъ молодой Бади. Онъ ѣдетъ въ столицу, твердо рѣшившись всегда слѣдовать чувствамъ добраго своего сердца, и особенно никогда не измѣнять ис-

шинѣ. Едва явился онѣ въ городѣ, какѣ многіе родспвенники и друзья пришли по-сѣпшипъ его — Бади не видался сѣ ними нѣ-сколькѣ лѣтѣ, живучи въ уединеніи Бра-миновѣ. Онѣ былѣ со всѣми учпивѣ и ла-сковѣ. Одиѣ двѣюродный брашѣ его, очень безобразный сѣ виду, сказалѣ ему: радуюсь, Бади, чпѣ вы имѣете прекрас-ную наружностѣ: она безѣ сомнѣнія доспа-вишѣ вамѣ благосклонностѣ всеобщую. — Правда, отѣвѣчалѣ Бади, я хорошѣ; но эшѣго мало, чпѣобѣ бышѣ любезнымѣ для тѣхѣ, сѣ копорыми надѣбно провеспи цѣ-лую жизнь свою. Услышавѣ шакѣ отѣвѣшѣ, родспвенники и друзья захохопали, — скоро всему городу спало изѣвѣсно, чпѣ молодой Бади самѣ называетѣ себя кра-савцемѣ; всѣ начали надѣ нимѣ смѣяться. Бади, услышавѣ обѣ эшѣмѣ, чрезвы-чайно удивилѣся. Зеркало — разсуждалѣ онѣ самѣ сѣ собою — говоритѣ мнѣ, чпѣ я имѣю наружностѣ красивую; всякѣй эшѣ видитѣ — дѣло не скрыпное. Для чего же мнѣ одному должно былѣ слѣ-пымѣ? А еспѣли я вижу, чпѣ вижу — по для чего не говоритѣ мнѣ: *вижу?* Еспѣ-либѣ я былѣ горбатѣ, по сказалѣ бы: *я горбатѣ*; я хорошѣ, и говорю: *я хо-рошѣ*. Нѣшѣ, государи мои! вы не за-спавише меня перемѣнитѣ моей систѣмы.

На другой день молодой Бади долженъ былъ явиться къ Министру, любимцу Государя — явился и былъ принятъ съ особеннымъ благоволеніемъ, несказанно изумившимъ всѣхъ придворныхъ, свидѣтелей эшаго пріема. Министръ пожелалъ молодому человѣку *добраго дня* — и послѣ такого почтеннаго опличія всѣ начали желать *добраго дня* господину Бади, всякой хотѣлъ пожать ему руку, всякой находилъ его любезнымъ, всякой спарался снискасть его дружбу — и Бади радовался, что не ошибся, назвавши людей существами невинными и добрыми. Надлежало сдѣлать визитъ женѣ Министра. Эша знашная Дама приняла поклонъ его съ милоспивою улыбкою, и позволила ему сѣсть подлѣ себя вмѣстѣ съ другими. Вдругъ вбѣгаетъ любимая ея собачка — всѣ находившіеся въ комнахъ ласкали ее наперерывъ, съ великою нѣжностію. Берисса (такъ называлась жена Министра) любила ее чрезвычайно, и называла ее своимъ *другомъ*, своею *Лили*. Какъ вы думаете, Бади, о моей *Лили*? спросила Берисса. *Лили* была въ самомъ дѣлѣ прекрасная собачка; но Бади опвѣчалъ опкровенно: *Милоспивая Государыня*, она не изъ лучшихъ. Всѣ присущспвовавшіе ополбенѣли опв удивленія; Госпожа Берисса опворопилась — нѣсколько минушъ ужасная

нишина царшвовала въ комнашѣ. Наконецъ въкшпорые собравшись съ духомъ, осмѣлились завести разговоръ о другихъ предметахъ.

Бади опшкланялся. Въ городѣ начали говорить о его неучшivosti, описывали его самымъ глупымъ и самымъ невоспитаннымъ молодымъ человекомъ, какого едва ли кто видалъ отъ сошворенія мѣра. Одинъ добрый родственникъ хотѣлъ осштеречь неоспорожнаго Бади; но Бади самъ уже примѣшилъ изъ той холодности, съ какою обходились съ нимъ въ иныхъ домахъ, и изъ въкоторыхъ насмѣшекъ на счетъ его ошкровенности, что мнѣнѣ публики было не въ его пользу; но это не зашвало его перемѣнить системы. Нѣтъ, сказалъ онъ своему родственнику, я хочу непремѣнно, чтобы люди любили меня за прямоту и ошкровенность.

Ему случилось прѣхать въ домъ одной Госпожи, знашной породой и чрезвычайно богашой. Она имѣла болѣе сорока лѣтъ отъ роду, но еще не забыла о прежнихъ, давно увядшихъ своихъ прелестяхъ. Подлѣ нее спояла шесшнадцати лѣшняя дочь, милая и прелестная. Одинъ учшивой придворной, который въ одно время съ Бади прѣхалъ въ этошъ домъ, сказалъ хозяйкѣ: не могу увѣрить себя, мило-

спивая Государыня, чшобы прекрасная Даура (имя дочери) была подлинно дочь ваша; мнѣ кажешся, что она вамъ сеспра, и надобно прибавишь, двойнишная сеспра. — Какъ вы думаете, Бади, спросила машь, напрасно ли придворныхъ называющъ льспецами? — Совсѣмъ не напрасно, опвѣчалъ Бади: морщины ваши не позволятъ никому подумашъ, чшобы прекрасная Даура была вамъ сеспра! — Дамá перемѣнилась въ лицѣ, замолчала и не могла сказать ни одного слова до тѣхъ поръ, пока Бади не ушелъ изъ комнашы. Новой шумъ въ городѣ — наконецъ рѣшипельно заключили, что Бади глупецъ, невѣжа, неловкой мальчикъ, кошораго не должно пускать ни въ какое порядочное общеспво.

Дни черезъ два приходишь къ Бади одинъ извѣстный стихотворецъ. Бади приказалъ подать ему кофе. Поэтъ выпилъ чашку и началъ съ прищворною учпиво-спію говоришь молодому Бади, что онъ уважаетъ паланшы его, и удивляется зрѣлому, неиспорченному, основашельному его разсудку . . . „О! что касается до моей опкровенности, воскликнулъ Бади, шо въ ней прошу не сомнѣвашся! Зрѣлость и основашельность разсудка — другое дѣло, за нее никакъ не могу ручашся! И я писалъ кое-какіе спихи, не думаю однако, чшобъ

могъ бытъ хорошимъ судьей.“ . . . Превосходнымъ судьей будете, господинъ Бади! воскликнулъ стихопворецъ: я спольно увѣренъ въ эшомъ, что шеперь же прочшу вамъ спишки на одного моего знакомца — эшо маленькая, невинная насмѣшка. Слушайте и скажите мнѣ прямо свое мнѣнїе. Онъ началъ чипашь — что же? нелѣпую саширу, наполненную гнусными ругашелисшвами. Добрые полчаса бѣдный Бади принужденъ былъ слушашь его и удерживашься отъ зѣвошы. Кончивъ свое чшенїе, поэтъ спросилъ: что скажете, господинъ Бади, каковы кажутся вамъ мои спишки? Вы общались бытъ искреннимъ, сдержите же свое слово. — Сдержу! отшвѣчалъ Бади: спишки негодные, бессмысленные, нелѣпые; честной человекъ долженъ спыдись бытъ шакимъ стихопворцемъ, и всякой стихопворецъ долженъ краснѣть, когда онъ грязью саширы мараетъ прїяпный языкъ Поэзїи! — Стихопворецъ взбѣсилъ, побѣжалъ изъ горницы, хлопнулъ дверь, и дорогою началъ сочиняшь — саширу на своего Аристарха.

Еще двѣ или три подобныя встрѣчи случились съ молодымъ Бади въ короткое время. Наконецъ одинъ сосѣдъ по землямъ завелъ съ нимъ несправедливую тяжбу, и въ то же самое время очисшилось

мѣсто, на которое Бади могъ имѣть неоспоримое право, какъ по знашности произхожденія, такъ и по достоинствамъ личнымъ. Но вошъ несчастіе! Сороколѣшняя госпожа была сестра первому Президенту Сѣвѣа юстиціи; спихотворецъ былъ коротко знакомъ со многими Совѣтниками — и Бади проигралъ шажбу. Жена Королевскаго любимца, вспомнивши о своей собачкѣ, описала Бади самыми черными красками своему мужу — и мѣсто ошдано другому. Въ это же время умеръ одинъ его дядя: предубѣжденный всеобщимъ неуваженіемъ, какое въ обществѣ показывали къ его племяннику, лишилъ онъ его богатаго наслѣдства. Бади началъ искашь невѣсшы — всѣ дѣвицы, копорыя могли бы за него выдши, ошказали ему на опрѣзѣ.

Бади возвратился въ свое уединеніе. Боже мой! думалъ онъ, я воображалъ, что для меня довольно — бышь испинно добрымъ и прямодушнымъ въ обхожденіи съ людьми, что буду ими любимъ, ешлы буду почишашъ священными и чешъ ихъ и свободу и собшвенность — какая ошибка! Я не подумалъ, что всего опаснѣе оскорбляшь ихъ суешность! Къ чему опкровенность, безъ пользы унижающая самолюбіе? Теперь почишаю ее жестокосшю; расудокъ мой обьяснился: всякая добро-

дѣшель должна непременно соединена бышь съ пользою! Къ чему же послужила мнѣ чрезмѣрная моя опировенность? Ограничу ее. Любя испинну, никогда не позволю себѣ говорить прошивное моимъ мыслямъ; но въ то же время буду поминь, что искренность, не приносящая никакой пользы, и вредная намъ самимъ, не ешь добродѣшель.

Въ такомъ расположеніи возвратился Бади въ городъ — исправленный опытно-стїю, онъ сдѣлался для всѣхъ любезенъ. Возобновилъ пѣзбу свою — и выигралъ; открылось новое мѣсто — онъ получилъ его; искалъ невѣсты — и нашелъ. Дни его прошекли въ спокойствїи и довольствѣ. На ворошахъ дома своего велѣлъ онъ вырѣзашъ слѣдующую надпись:

Фаналикъ можеть быль иногда великимъ; одинъ благоразумный живеть щастливо.

Съ Итал. И. Гржвъ.

II.

Стихи для Альбомовъ.

I.

Ликасъ швердитъ, что сонъ
И щастье, и ушѣхи,

И радости, и смѣхи!

Положимъ такъ, но онъ

Забывъ примолвишь:

(Чтобъ мысль свою дополнишь)

Съ *любовю* кто живешь,

Тотъ счастье себѣ и *нальву* найдетъ.

2.

Вселяясь въ душу къ намъ, любовь

Въ минушу воспламеняетъ кровь!

Во всѣхъ чертахъ себя она изображаетъ;

То восхищаешься насъ, то плакать заставляешь;

Она безъ языка, но ясно говоритъ,

Въ очахъ, огнемъ ея наполненныхъ, горитъ

И мысль, и чувство, и желанье,

И счастья восторгъ, и тайное спрдаанье...

Темира! ежли мнѣ любовь изображаетъ,

То надобно еѣ тебя портретъ ея снимаешь!

3.

Въ Альбомѣ можно все писать

И лести за правду выдавать;

Но я льстить дара не имѣю,

А истинну писать и *пань* и *сянь* умѣю.

Лишь въ руки взялъ Альбомъ,

Лишь размахнулъ перомъ,

И истинна ко мнѣ явилась

Въ такомъ же образѣ, какой имѣешь ты,

Безъ блеска опъ румянъ, безъ ложной красоны;

Взглянулъ я на нее — и пошчасъ мысль ро-

дилась,

Прочти ее : „Тебѣ назначено судьбой
„Блнспаать душой „

„И гдѣ бы ни была — хопя бѣ за краемъ свѣта,
„Ты другомъ можешь быть любимаго пред-
мета!“

4.

На что, мой другъ, тебѣ скучать двумя ли-
спами ,

И по описывать , что *общее* межъ нами ?

Въ одномъ стихѣ тебя хочу изобразить :

Ты рождена плѣнать, а я — въ оковахъ быть.

Б.

III.

Эпитафія самому себѣ.

Когда для міра я на вѣки охладѣю ;

Когда сокроеся въ сырой землѣ мой прахъ ;

Пусть надпись вырѣжущъ на камнѣ въ стихъ

словахъ :

„Прелестная , и здѣсь къ тебѣ я спрастью

плѣю!“

Б.

IV.

Т о л к о в а н і е

(на слова молодой дѣвицы, которая говорила, что у нее въ сердцѣ морозъ.)

Сказашъ ли чудо вамъ, красавицы драгія?

Я слышалъ, есть изъ васъ такія,

Которыя швердяшъ, что въ сердцѣ ихъ морозъ!

Ужь вѣришь ли пому? Я самъ не надивлюся,

(А это испишна, божуся!)

Какъ эшотъ мрачный богъ, губишель нѣж-
ныхъ розъ,

Сквозь грудь прелестную до сердца могъ до-
браться!

Не вздумалъ ли и онъ, какъ древній Зевсъ,
влюбляться?...

Не можешъ бышь! — „Такъ чтожь? Не лъзя
ли отгадать?“ —

А вотъ что, милыя, извольте знать:

Онъ съ холодными сердцама вмѣстѣ жили,

Свои спудили да спудили,

И вовсе заслудили.

Б.

Э л и г р а м м а .

Одна красавица мнѣ вздумала признаться ,
Что хочешь въ монастырь. — „За чѣмъ ?
спросилъ. — *Спасался !* —
„Неправда ! быть живой , а мертвой при-
творяшся !“

Б.

VI.

Ворона и кувшинъ.

Б а с н я .

Ворона лѣшнею порою ,
Томяся жаждою , нашла кувшинъ съ водою .
Находка добрая ! — но вопль бѣда :
Далеко отъ краевъ въ кувшинѣ томъ вода .
Какъ бы напиться мнѣ ! Воронушка сказала ;
И шакъ , и сякъ , воды она достать пыталась :
И носъ въ кувшинчикъ запускала ,
И пробовала повалишь ,
И думала разбишь — . . .
Напрасно ! Какъ же быть ?
А надобно воды испить .
„Постой ! дай камушковъ въ кувшинъ я на-
брошаю —

Я чаю

Вода отъ нихъ подымешся на верхъ“ —
И вымыселъ имѣлъ желаемый успѣхъ;
Вода розно съ краями поднялася,
Ворона напилася,
И говоритъ:
Теперь узнала я, что нужда умѣ родитъ.

П. Кобяковъ.

VII.

Къ Лаурѣ.

(Въ день ея рожденія.)

Вчера, въ тѣни древесъ, какъ тихой свѣтъ
луны
Долины серебрилъ пріятными лучами,
Дремалъ спокойно я: вокругъ меня шолпами
Носились благошворны сны.
Вдругъ въ шихомъ вѣяньи душистаго зефира
Слетѣлъ Киприды сынъ съ лазурнаго эфира,
И Лиру стройную съ улыбкой мнѣ вручивъ,
Сказалъ: о юноша! познай, сколь ты счастливъ!
Тебѣ назначилъ я Лауры пѣшь рожденье,
Лауры, коей даръ сердцами управлять;
Ахъ! какъ другимъ дышашь, такъ ей легко
пѣннать!

Всѣхъ прелестей она соединенье!
„Такъ мнѣ ли пѣшь ее? сказалъ Эрошу я;
Пріятны для весны лишь пѣсни соловья.

Лауру прославлять Богъ долженъ пбснопбннѣ!“
Но ктожъ не слушать могъ Эротова велбннѣ?
Изъ рукъ Безсмершнаго я робко лиру взялъ,
И пбшь пихонько спалъ:
Лауры, Боги! дни продлите;
Во всемъ вы были щедры къ ней,
Ее и въ щастьи ушвердѣте,
Да мирно жизнь ведетъ безъ горькихъ, мрач-
ныхъ дней,
Какъ роза, другъ весны, подъ тайной роци сбннью,
Не зная буйныхъ непогодъ,
Отъ зноя скрываая, гостепрїимной пбннью,
Цвбшетъ въ спокойствїи на брегъ ясныхъ водъ.
Еще моей мольбѣ внемлите:
Скорбе къ намъ въ Москву Лауру возвратите!
. . . . В. . . .

VIII.

Моленье Лауры.

Какъ сладкой звукъ арфы въ безмолвной долинь,
Доходитъ моленье швое къ небесамъ!
Лаура, утбшься! вновь будетъ здорова
Подруга швоя.

О Боги! воззрите, Лаура въ печали
Стоишь на колбняхъ, на злчномъ холмѣ!
Ночные Эфиры играя лобзаюшь
Злашые власы!

Слезю блестящій къ вамъ взоръ обращаетъ!
Какъ пѣнныя волны вздымаются грудь!
И Эхо въ дубравѣ, одѣянной мракомъ,
Гласъ вторитъ ея:

„О Боги! подругѣ здоровье отдайте!
„Ланипы померкли! нѣтъ блеска въ очахъ!
„Нѣтъ радости въ сердцѣ — болѣзнью убиша,
„Какъ зноемъ цвѣшокъ.

„Но если разстанься ей съ жизнію должно,
„Внемлите моленью: пусть съ нею умру!“ ...
Лаура, довольно! швой другъ воскресаетъ,
Какъ роза весной.

. . . . В. . . .

IX.

Эпиграмма.

Убогій рифмопачь, несчастный Доримонъ,
За славой болѣе не хочешь ужь гоняться:
Я голоденъ, сказалъ мнѣ онъ;
А дымомъ можно ли пишаться?

. . . . В. . . .

Объ источникахъ для Русской Исторіи.

(Продолженіе.)

Спаринныя рукописи, содержащія въ себѣ Исторію Россіи или съ самаго начала, или съ какой либо извѣстной эпохи, и продолжающуюся также до опредѣленнаго времени, называются у насъ *лътописями* (*). Тѣ изъ нихъ, въ которыхъ описывается состояніе древняго міра и начатіе государства Россійскаго, вообще извѣстны подъ названіемъ Неспоровой лѣтописи, хотя въ прочемъ разные списки много несходствуютъ между собою, будучи обезображены погрѣшностями, или сокращены, или расшнурованы, или дополнены прибавленіями. *Радзивиловская* начавшись отъ попопа продолжается до 1206 года; *Никоновская* оканчивается на 1630 году; *Архангелогородская* отъ 852 го до 1598 го; впрочемъ *Новгородская* (*) отъ 1017 го до 1352 го; *Древній Лѣтописецъ* отъ 1254 до 1424 го; *Царсквенной Лѣтописецъ* отъ 1114 го

(*) По переводу съ Греческаго слова: *ετηρογραφία*.

(**) Г. А. Шлецеръ имѣетъ двѣ Новгородскія лѣтописи, которыя называютъ *первою* и *второю*, для различія.

до 1472го; Царственная книга отъ 1534 до 1553го и проч.

Количество сихъ лѣтописей, которыя были сочиняемы и переписываемы съ начала 12го до конца 17го вѣка, и изъ числа коихъ немногія напечатаны, простирается до *нѣсколькихъ тысячъ*. Онѣ хранятся при Академіи наукъ, въ библіотекахъ Императорской въ С. Пешербургѣ, въ Патриаршей и въ Духовно-шипографской въ Москвѣ, въ преспольныхъ городахъ Архіерейскихъ, у частныхъ особъ и у вельможъ, имѣющихъ старинныя библіотеки, отъ предковъ имъ доставшіяся; иногда сіи драгоценныя рукописи попадаются въ руки мѣстныхъ торговцовъ и продаются на рынкѣ. Любители древностей не одинъ уже разъ имѣли случай доставать рукописи на площади за безцѣнокъ. Было при указа о томъ, чтобы собрать старинныя рукописи: 1й Петра Великаго въ 1722мъ году; 2й Енатирины II 1780го; 3й шой же Государыни въ 1791 году: намъ, частнымъ людямъ, неизвѣстно, какое по нимъ сдѣлано исполненіе.

Лѣтописи Русскія писаны или на *пергаментѣ*, или на *бумагѣ*, сдѣланной изъ хлопчатой бумаги, или на *при-*

пичной. Египетскій папиръ не былъ извѣстенъ ни въ Германіи, ни въ Англїи; вѣроятно, что и въ Россіи объ немъ не вѣдали. Едва ли была въ употребленіи у насъ и кора древесная. Хлопчапая бумага, въ одиннадцатомъ вѣкѣ привезенная Аравіянцами въ Испанію, по видимому сдѣлалась извѣстною въ Россіи прежде пряпичной, копорая и въ южной Европѣ показалаcь не ранѣе четырнадцатаго вѣка. У насъ и теперь называющаcя однимъ именемъ и та бумага на копорой пишемъ, и та копорую употребляемъ на подкладку подъ одѣяла и подъ плашье, только прибавляя къ послѣдней для отличія слово *хлопчапая*: доказательство, что бумага изъ льна позже стала извѣстною въ Россіи. Надобно думать, что и самое слово *бумага* перешло къ намъ вмѣстѣ съ вещію изъ сиранъ восточныхъ; *коллаонъ*, Французское названіе хлопчапой бумаги, взято съ Арабскаго языка. Въ церковныхъ книгахъ нашихъ вмѣсто *бумаги* встрѣчающаcя слова *дщица* и *хартія*. Послѣднее слово принято съ Греческаго, и древнія наши рукописи, не на пергаментѣ писанныя, до нынѣ именующаcя *харалтейными*. Лѣтописи Радзивилловская, Папирѣаршая, Воскресенская и Новгородская іа написаны на хорошей бумагѣ, полспой и гладкой. *Формаль* большей части лѣто-

писей въ листъ; Паптрїаршая въ большой листъ; прочія въ четвершку и въ осмью долю.

Письмо въ Русскихъ и прочихъ Славянскихъ лѣтописяхъ находимъ проякое: *уставное, полууставное и скорописное*. Первое гораздо явственнѣе и красивѣе прочихъ; оно есть самое то, какимъ теперь печатаются наши церковныя книги. Особенною чистотою, опрятностію и величиною буквъ отличаетъ отъ другихъ Паптрїаршая лѣтопись. Господинъ Шлецеръ находилъ чрезвычайное сходство между буквами сей лѣтописи и образчиками Греческаго письма девятого столѣтія, въ Моншфоконовой Палеографіи. — *Скорописное* письмо состоитъ изъ буквъ поставленныхъ связно одна съ другою и часто даже перепутанныхъ; нынѣшняя числая скоропись отличаетъ отъ старинной, кромѣ почерка, еще и тѣмъ, что буквы на верху не приписываются. *Полууставное* сложено изъ уставнаго письма и скорописнаго.

Лѣтописи написаны *буквами*, изъ которыхъ Св. Кириллъ (*), какъ до нынѣ вообще полагаютъ, въ девятомъ вѣкѣ составилъ для Моравцовъ Славянскую азбуку, принявъ за образецъ буквы Греческаго алфа-

---

(*) Умеръ 872.

виша и прибавивъ къ нимъ нѣсколько дру-
гихъ для выраженія Славянскихъ звуковъ.
И такъ Моравскіе Славяне прежде всѣхъ
своихъ однородцовъ получили небесный
даръ писанія. Но ежели спросишь, какія
были первыя Кирилловы буквы, когда и
какъ достались онѣ Русскому народу? На
сѣе никшо неможеть дашь отвѣта рѣши-
тельнаго, основаннаго на историческихъ
доводахъ. Правда что большая часть лѣпо-
писей написана точно такими буквами,
какими теперь печатающся наши цер-
ковныя книги; однакожь господинъ Шле-
церъ находить въ нѣкоторыхъ старин-
ныхъ спискахъ почеркъ весьма отлич-
ный отъ новѣйшихъ; Тапищевъ упоми-
наетъ объ одномъ раскольничьемъ спискѣ,
копорого онъ разобрать не могъ; еще до
сихъ поръ никшо не прочиталъ находя-
щейся на колоколѣ въ Савинѣ монасты-
рѣ надписи, съ копорою Миллеръ и Бак-
мейсперъ тщательна сняли образчики.
Можеть бытъ на стѣнахъ церквей древ-
нихъ есть надписи, копорыми никшо
теперь незанимаются, но кои послу-
жили бы къ объясненію исторіи письменъ
Славянскихъ. Дождемся ли наконецъ до
того, чтобы въ Россіи начали упраж-
няться въ Славянской Палеографіи, что-
бы по руководству Гашперера и Шене-
манна кто-нибудь собралъ Славянскія

буквы, расположилъ ихъ по хронологическому порядку, и показалъ намъ начертаніе буквъ каждаго вѣка въ сравнительныхъ таблицахъ! Нѣмцы, Французы, Англичане, Испалѣанцы давно уже соспавили такія таблицы: для чего у насъ никшо о нихъ позаботились? Наша словесность особенно имѣетъ счастье, что ошъ самаго почши начала своего можешъ выспавить памяшники письменъ въ безпрерывномъ порядкѣ даже до кынѣшняго времени. Въ предисловіи къ Острожской Библии, въ 1781 году напечатанной, сказано, что издашели, кромѣ полученной изъ Москвы отъ Царя Іоанна Василевича рукописи, копорую они называютъ переводомъ Библии при Владиміръ великомъ, имѣли передъ собою еще множество другихъ списковъ. На Славянскомъ языкѣ писанное Евангеліе, передъ копорымъ Французскіе Короли присягали въ Реймсѣ при вѣнчаніи и помазаніи, вѣроятно принадлежало ко временамъ опдаленнымъ; оно по несчастію испреблено бѣшенными мяшежниками въ концѣ испекшаго вѣка. У Князя Щербашова, какъ видно изъ предисловія къ его Россійской Исторіи, былъ *Сборникъ*, писанный въ 1046 году; покрайней мѣрѣ сей годъ на книжкѣ выспавленъ; въ прочемъ надпись не ешъ вѣрное доказательство, ибо переписчики иногда спа-

вѣшь безъ намѣренія все, что находятъ въ своемъ подлинникѣ. Въ библиотекѣ Московской Духовной типографіи хранится *Спихирарь*, писанный 1157 года. Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ - Пушкинъ имѣвшъ у себя монету Великаго Князя Ярослава I. Господинъ Шлецеръ, какъ изслѣдовашель древностей весьма оспорожный и несувѣрный, нервшилъ почипашъ ее за подлинную; однакожь знапоки ручающся, что она не подложная. Онъ усомнился также и въ надписи, вырѣзанной на мраморѣ съ именемъ Князя Глѣба 1001 года; она обстоятельно описана, и почной образчикъ ея приложенъ при книгѣ. Можеть бытъ Г. Шлецеръ шеперь уже перемѣнилъ мнѣніе свое о надписи, равно какъ и о пѣсни объ Игорѣ, къ которой онъ также неимѣлъ довѣрія. О библиотекѣ Россійской Княжны Анны Ярославовны, супруги Генриха I Короля Французскаго, о рукописяхъ Древлянскихъ, писанныхъ *Руническими* буквами и о другихъ, ошъ времяль будшо бы Ольги и Владиміра ошавшихся, любилшели опечеспвенныхъ древностей нешперпѣливо ожидающъ подробнаго описанія. Подлинны ли здѣсь вычислены памятники, или нѣкоторые изъ нихъ шольно почипашся шакими, ушвердишельно сказашь неможемъ; однакожь шо справедливо, что много ихъ находилшя въ

Россіи. Желательно, чтобы списки всѣхъ шаковыхъ рѣдкостей сдѣлались извѣстными ученымъ людямъ; сего неперпѣливо желаюшъ самоеино спранцы, прудящїеся надѣ извясненїемъ Россійскихъ древностей: тогда удобнѣе было бы открышь истину.

Нѣкопорыя рукописи, напримѣрѣ Пап-рїаршая и Воскресенская, опличающя особенною чистотою, и показывающъ, сколь великое уваженїе Русскїе имѣли къ опечеспвенной исторїи. Напрошивъ того другїя, какъ-то Софїйская, писанная около 1682 году, имѣющъ на себѣ всѣ признаки невѣжества и нерадѣнїя переписчиковъ. Однакожь и сїи вознаграждающъ прудѣ чистотеля нѣкопорыми мѣспами, по копорымъ судить можно, что книга худо переписана съ хорошаго подлинника.

Въ нѣкопорыхъ спискахъ видны щцашельныя спариннымъ почеркомъ поправки ошибокъ, иногда только до правописанїя относящихся. Излишнїя слова зачеркнушы красными чернилами, а опущенныя на краю приписаны.

Великое неудобство для неупражнявшихся въ разбираниї рукописей въ томъ

состоишь, что даже въ лучшихъ епископахъ слова не отдѣлены промежутками, и что напрошивъ того на многихъ мѣстахъ сѣи промежутки находясь въ срединѣ. Знаки препинанія или поставлены не въ надлежащемъ мѣстѣ, или совсѣмъ пропущены. Равнымъ образомъ и въ расположеніи не наблюдено порядка. Иногда новой годъ начинается съ новой строчки; не вездѣ поставлены начальныя буквы краснаго цвѣща; часно среди самаго повѣствованія включено краснымъ черниломъ написанное корешное содержаніе съ означеніемъ года, и часно оно находится не въ надлежащемъ мѣстѣ; иногда оно смѣшано съ самимъ текстомъ.

Всѣ рукописи безъ исключенія писаны со знаками сокращеній или съ пиплами, копорыя, какъ извѣстно, ставясь надъ спрочною вмѣсто одной или двухъ согласныхъ буквъ, или цѣлаго слога. Такіе знаки дѣлають запрудненіе въ собственныхъ именахъ, а особливо для иностранцевъ. Герберштейнъ написавши *Слославъ*, вмѣсто Свяшославъ, ввелъ въ заблужденіе иностранныхъ писателей, копорые долгое время шавъ именовали сего Великаго Князя.

Радзивилловской списокъ наполненъ разкрашенными рисунками, копорыми из-

ображены повѣспвуемые приключенія ; на каждой страницѣ помѣщено по одному рисунку , а на мѣкошорыхъ по два. Въ *Древнемъ лѣтописцѣ* , въ *Царственомъ лѣтописцѣ* и въ *Царственой кнѣгѣ* , копорыя изданы въ разныя времена Княземъ Щербатовымъ , Г. Шлецеръ насчиталъ 3300 рисунковъ. Всѣ они сдѣланы весьма неискусно. Художество живописное принесено изъ Визаншїи въ Россїю прежде нежели въ Италїю ; обстоятельство пому виною , что при Днѣпрѣ оно оспалось въ младенчествѣ , а при Тибрѣ возрасло , укрѣнилось и достигло до совершенства. Въ прочемъ сїи рисунки по древности своей и по исторической достоверности могутъ быть очень полезны , несмотря на худую ошдѣлку.

О древности списковъ часто происходили немаловажные споры. Знашныя люди , имѣющїе у себя сїи драгоценныя рѣдкости , иногда по произволу своему , и основываясь на однихъ только догадкахъ , назначаютъ имъ время съ лишкомъ ошдаленное ; небогатые и незнашныя любители опечесшвенныхъ древностей изъ уваженїя къ нимъ неосмѣливаясь проповрѣчитьъ , и шажимъ образомъ рукопись получаютъ старшинства лѣшъ спо , и болѣе. — Надобно сморѣшь : 1 е когда *сочинена* лѣпо-

пись, же когда *переписана*, или же когда изъ *многихъ* составлена.

Есть способы узнать ихъ древность. На нѣкошорыхъ лѣшописяхъ впереди, внизу или на концѣ означено бываетъ имя переписчика, годъ и мѣсто. Ко многимъ приложены имена всѣхъ Великихъ Князей, Митрополишовъ, Епископовъ, Новгородскихъ Посадниковъ и такъ далѣе; по нѣкошорымъ опгадашь можно вѣкъ, ежели не сочинишеля, по переписчика. Въ *Патріаршей* лѣшописи, напримѣръ, и въ *Воскресенской* Сигизмундъ Король Польскій названъ нынѣшнимъ; слѣдственно обѣ лѣшописи не старѣе 16го вѣка; спрашьяся можеть, что онѣ писаны еще позже, если предположишь, что переписчикъ наблюдалъ строгую точность, ни одного слова неперемѣняя прошивъ подлинника.

Всѣ лѣшописи наши писаны на древнемъ Славянскомъ *языкѣ*, или на томъ самомъ, на кошорой переведены церковныя книги, и на кошоромъ до нынѣшняго времени опправляешся богослуженіе во всѣхъ спранахъ обишаемыхъ племенами, упошребляющими нарѣчія Славянскаго языка и содержащими вѣру Греческаго исповѣданія. Опечештво наше весьма счастливо, что богослуженіе опправляешся вѣ немъ

на языкѣ поняшномѣ даже для поселянина, копорой, какимѣ бы нарѣчїемѣ ни говорилѣ, все можеть разумѣшь спаринный языкѣ Славянскїй.

Между Славянскими племенами, копорыхѣ насчиталѣ Конр. Геснерѣ шестьдесятѣ, упошребляеться множество разныхѣ нарѣчїй: Русское, Польское, Богемское, Крайнское, Кроашское, Боснїйское, Иллирїйское или Далмашское, Лузашское или Вендское и проч. Славянскоѣ языкѣ есть ошеть всѣхѣ сихѣ нарѣчїй, изѣ коихѣ каждое особливо болѣ имѣеть сходства сѣ нимѣ, нежели взаимно между собою. Французскоѣ, Италїанскоѣ и Испанскоѣ языки сѣ разными своими нарѣчїями произошли ошѣ Лапинскаго, шочно какѣ Шведскїй, Дашскїй, Голландскїй и прочїе вѣ продолженїе многихѣ сполѣшїй выросли изѣ Нѣмецкаго или Германскаго. Было время, когда упошреблялись шолько языки Лапинскїй и Германскїй, и когда они еше неимѣли споль многочисленнаго попомства. Слѣдственнo и о нашемѣ Славянскомѣ по же сказать можно, и упверждашь, чпо нѣкогда онѣ одинѣ былѣ вѣ упошребленїи. Но што докажеть, когда именно и какѣ онѣ раздѣлился на разные нарѣчїя? Когда изѣ древняго Славянскаго языка образовался нынѣшнїй Русскїй?

Есть слѣды, по которымъ видно, что Русскій и Польскій языки прежде имѣли болѣе сходства между собою, нежели нынѣ; въ Богеміи нашлись даже и старинныя книги, писанныя Славянскими буквами.

Не нужно доказывать, что древній Славянскій языкъ былъ въ общемъ употребленіи тамъ, гдѣ переведена Библия; но гдѣ именно сіе случилось? Св. Кириллъ перевелъ ее въ половинѣ девяятаго столѣтія для Моравовъ и Булгаровъ; и такъ въ Моравіи и въ Булгаріи былъ общенароднымъ языкъ древній Славянскій языкъ, на которомъ нынѣ читаемъ нашу Библию? Оставалось бы опровергать утвердительно, еслибы мы точно знали, что нынѣшняя Библия наша есть самая та, которая переведена Кирилломъ. Но, къ сожалѣнію, никому не извѣстно, какъ она намъ досталась. Въ предисловіи къ Острожской Библии весьма ясно сказано, что переводъ, полученный издаателями изъ Москвы, сдѣланъ при Владиміръ Великомъ, слѣдственно болѣе старѣе послѣ Кирилла. Если представимъ себѣ великое различіе между языкомъ книгъ церковныхъ, изъ которыхъ многія конечно переложены какъ въ Моравіи прежде нашего Владиміра, такъ и въ Россіи при Ярославѣ, и между нынѣш-

нимъ Русскимъ языкомъ; попомъ ежели предспавимъ себѣ сходство между всѣми вообще старинными книгами церковными, гдѣ бы оныя ни были переводимы; также и по чпо древнѣй Славянскѣй языкъ, на кошоромъ онѣ писаны, шеперь нигдѣ неупотребляешся для разговоровъ; наконецъ ежели сличимъ языкъ церковныхъ книгъ съ Русскою Правдою и съ *лѣсною о полку Игоревѣ*, написанною или въ Кіевѣ, или гдѣ-либо не въ дальнемъ разстоянїи отъ онаго; по найдемся принужденными заключить, чпо Славянскоѣ нынѣ книжной языкъ, подобно Еврейскому, Греческому и Латинскому, былъ общенароднымъ не въ Россїи, но въ Моравїи и Булгарїи.

Русскїе прежде всѣхъ новыхъ народовъ на цѣломъ земномъ шарѣ начали обрабатывать свой языкъ природный; изъ числа всѣхъ племенъ Славянскихъ одни полько они сочиняли лѣпописи на своемъ природномъ языкѣ. Англосаксы цѣлымъ сполнѣшемъ предупредили ихъ въ искусствѣ писанья на ошечеспвенномъ языкѣ; Исламдцы научились граманшъ съ ними въ одно время; Русскїе жъ не полько читали и писали, но очень рано начали обрабатывать языкъ свой по правиламъ. Выше уже упомянушо, чпо въ первой половинѣ одиннад-

цѣлаго сполнѣнїя правительствомъ учреждены въ Кіевѣ заведенїя для переводу книгъ съ Греческаго языка. Думашь надобно, что Грамматика была одною изъ главнѣйшихъ наукъ, которыя принесены изъ Испаніи въ Кіевъ вмѣстѣ съ Христіанскою вѣрою и съ азбукою. По Греческой Грамматикѣ обработанъ языкъ Славянскій; правописаніе, которое у другихъ Европейскихъ народовъ долго колебалось, издревле получило у насъ правила неизмѣнныя; съ удивительною точностію заимствованы даже ненужныя буквы, надспрочные знаки, ударенїя, дыханїя и другія зашѣйныя хитроссти, которыя не свойственны языку Славянскому. Но за то онъ прїобрѣлъ весьма много отъ своего образца; особенно Греческому языку обязанъ онъ частію своего богатства, своимъ великолѣпїемъ, гибкостию въ измѣненїяхъ словъ и значительностию сложныхъ именъ и глаголовъ.

Насильственное приискненїе отъ Папы виною тому, что ни одинъ изъ прочихъ Славянскихъ народовъ не имѣлъ своихъ лѣтописателей на природномъ языкѣ. Племена, которымъ судилъ рокъ получить крещенїе отъ Рима, должны были молиться Богу на языкѣ для нихъ невразумительномъ, но ещѣ на Латинскомъ и шакомъ

при помѣ, копорой въ ужасѣ привелъ бы
 Виргилія и Цицерона. Пагуба невозврат-
 ная для вѣры, для словесности, для об-
 щаго просвѣщенія! Народъ не прежде очи-
 щаетъ разумъ свой и вкусъ, какъ начав-
 ши писать на своемъ собственномъ языкѣ:
 испорція Италіи, Англіи, Франціи, Герма-
 нїи предспавляетъ и неоспоримыя доказа-
 тельства сей великой испины и очевид-
 ные тому примѣры. Русскіе, будучи въ
 связи съ Конспаншинопольскимъ Папрі-
 архомъ, никогда не были въ *последней*
 зависимости отъ внѣшней власти церко-
 вной, и молились Богу на своемъ языкѣ,
 на какомъ сами жовбли; а эшо пер-
 вой и необходимой шагъ къ обработанію
 языка общенароднаго, сего единственнаго
 способа распросранять вкусъ и знанія.
 Другая выгода Россіянъ состояла въ томъ,
 что они управлялись законами, также на
 природномъ языкѣ написанными, и что
 языкъ ихъ былъ господствующимъ въ оше-
 чествѣ; чего другія племена Славянскія
 давно уже лишились. Вошъ причины, по
 копорымъ нынѣшній языкъ Россійскій
 ближе къ своему коренному, нежели другіе
 изъ его братьевъ.

Разумѣя одно какое-либо нарѣчіе Сла-
 вянскаго языка, не шрудно выучишься
 древнему Славянскому, копорой однакожъ

при оцупипельномб различїи вб склоненїяхб и спряженїяхб своихб имбешб еще много словб пеперь неупошребительныхб. Лбшб за пяшьдесяшб не было способовб научишь сему языку, шолько вб книгахб сущесшвующему. Весь учебный кругб словесности соспоалб вб одной Славянской Грамматикб Мелешїа Смошрицкаго, кошорая нбсколькo разб была напечатана и пошомб вновь издана вб Москвб 1721 года. Первой изб Словарей изданб Пешромб Алексбевымб 1773 года, подб названїемб *Церковный*. Спусшя одиннадцать лбшб появился другой *Кралкой*, при кошоромб приложена и Грамматика Славянская. Наконецб сб 1782 года изданб Россїйскою Академїею большой вб шести томахб Словарь, вб кошоромб помбщено множесшво словб древнихб Славянскихб. Книга сїя, необходимая для каждаго грамопнаго человека, напечатана шолько одинб разб, и пеперь кб сожалбнїю достапшь ее очень шрудно.

При сличенїи Русскихб лбшописей опшрывается несходсшво вб словахб и вб самомб повбспшвованїи. До сихб порб еще не ошыскано подлинника ни Неспоровой рукописи, ни его послбдовапелей. Всб историческїе памяшники, сохранившїеся до нашего времени, сущь не иное чшо, какб шолько

списки. Невозможно требовашь учености отъ нашихъ переписчиковъ, жившихъ во мракѣ Монгольскаго порабощенія; и того уже довольно, что они имѣли охоту занимашься такою скучною работою, и что дорожили испоріею своего опечесшва. Кажется, переписываніе книгъ нѣкогда было ремесломъ въ Россіи. При нынѣшнемъ состояніи книгопечатанія нѣтъ надобности въ семъ ремеслѣ трудномъ и не надежномъ; но въ началѣ прошлаго столѣтія оно еще процвѣтало. Иностранецъ Коль съ удивленіемъ опзываеться о прилѣжаніи Русскихъ, которые въ его время переписывали книги какъ свои, такъ и съ другихъ языковъ переведенныя. „Я думаю, говоритъ онъ, Рускіе въ переписываніи книгъ прудолюбивѣе и ревностнѣе всѣхъ народовъ. Изъ нихъ весьма многіе сидятъ отъ утра до вечера надъ списываніемъ книгъ, и симъ только однимъ способомъ сыскиваютъ себѣ пропитаніе. Симъ людямъ даютъ переписывать не только неизданныя въ свѣтѣ книги, содержащія въ себѣ опечесшвенную испорію, но даже печашныя, которые по рѣдкости своей сдѣлались драгоцѣнными. Часто случалось мнѣ въ Пешербургскихъ лавкахъ находить рукописныя поученія Св. Іоанна Златоустаго, или Ефрема Сирина, или Библію.“

Такое прилѣжаніе сколько выгодно для чести народа, сколько вредно для самихъ лѣтописей. Неискусные переписчики поршили шекспѣ, пропускали реченія, цѣлыя спрочки, и даже спраницы; а всего хуже, что они дозволяли себѣ умничать и переправляли слова, кои хв значеніе казалось имъ спраннымъ. Въспо словъ спаринныхъ или взяныхъ св другаго языка они спавили свои собспвенныя. Гдѣ говорится въ лѣтописи о судѣ или рѣѣ огражденномъ сваями (*), шамъ переписчикъ посшавилъ *сосуды*; это и неудивительно, потому что и новѣйшіе писатели наши подѣ симъ словомъ по догадкѣ разумѣли *зундъ* или узкой проливъ, незная подлинно что оно значить. Несторъ написалъ *Азіатическія страны* или *Іонію*; переписчики изъ перваго слова сдѣлали *всѣчскія*, а изъ другаго *оную* и *олѣ нихъ*; гдѣ было *нѣцъи*, шамъ явилось *Нѣмцъ*, и такъ далѣе. Незнающіе переписчики спавили слова такъ, какъ сами привыкли выговаривать оныя, или какъ имъ казалось удобнѣе. О правописантіи и о наблюденіи одинакаго порядка совсѣмъ не заботились. Даже въ грамматикѣ ихъ оказывается несходство; Кіевскій жипель склоняешъ по своему, Новгородецъ иначе;

(*) Σαδη, fossa fudibus munita. *Du Cange.*

каждой писалъ примѣняясь къ выговору своего вѣка и спраны своей.

Кромѣ сихъ встрѣчающся еще другія важнѣйшія несходства въ лѣпописяхъ. Переписчики дозволили себѣ не только поправлять слоги Неспоровъ, но даже прибавлять къ его словамъ свои, и высказывали, что имъ казалось излишнимъ; они сокращали и прибавляли по своему произволу; любезную простоту повѣствованія зашмѣвали мнимымъ краснорѣчіемъ; сказанія о происшествіяхъ безобразили своими сужденіями. Первое шло лѣпше правдивымъ Неспоромъ описано сокращенно; ибо онъ хотѣлъ говорить только о томъ, что зналъ, и что принадлежало къ его испоріи. Переписчики сочли за нужное дополнить Неспора, и внесли въ лѣпопись его извлеченія изъ Византійскихъ испориковъ, попомъ нелѣпныя сказки, почерпнушыя изъ Польскихъ писателей. И такія изуродованныя лѣпописи переходили изъ рукъ въ руки подъ именемъ Неспора! Наконецъ вкрались даже умыщенные перемѣны. Монахи въ спискахъ своихъ заставляли Великихъ Князей уже не приказывать Митрополишамъ, но *молили* ихъ. Ташицевъ пишетъ, что гдѣ въ прочихъ лѣпописяхъ поставлено *посла Князь*, или *повелъ Князь Митрополишту*

или *Епископу*, шущъ въ Никоновскомъ спискѣ оказалось: и моли *Князь отца своего Митрополита* или Епископа. Тотъ же писатель замѣчаетъ, что еще прежде Никона переправлялъ такимъ образомъ *Маркѣй Митрополитъ Московскій*, дополняя *Степенную Кипріянову*.

Впрочемъ не однѣ Русскія лѣшописи пострадали отъ переписчиковъ; извѣстно ученымъ людямъ, сколь нелѣпныя вставки включены, на примѣръ, въ древнѣйшій *Латинскій переводъ Библии*, въ *Пандекты*, въ сочиненное *Донашомъ* описаніе жизни *Виргиліевой*, въ шворенія *Проспера Аквитанскаго*, въ *Шведскія легенды*, въ *Польскія* и *Нѣмецкія* лѣшописи. *Рейске*, въ предисловіи своемъ къ сочиненному *Императоромъ Констаншиномъ* описанію обрядовъ *Двора Византійскаго*, объясняетъ какимъ образомъ сіе происходило. Онъ приписываетъ порчу книгъ болѣе простотѣ и невѣжеству тогдашнихъ временъ, нежели умыслу переписчиковъ, которые неумѣли еще различать подлиннаго текста отъ прибавленій полковашелей. Имѣвшій у себя старинную книгу ставилъ по краямъ собственныя замѣчанія; по прошествіи нѣкотораго времени, переписчикъ все безъ разбору вносилъ въ шепрадь свою, ни мало не заботясь, пойметъ ли читатель. Такое

просподушіе было бы еще извинительно, если бы всѣ переписчики совѣстно поступали; но къ сожалѣнію, они переписавши книгу опѣ слова до слова, и прибавивши что-нибудь опѣ себя, выдавали ее подѣ своимѣ именемѣ или подѣ именемѣ другаго.

Вѣ шакомѣ - по видѣ дошла до насѣ и лѣпопись вообще Неспоровою называемая. Теперь спрашивается, не только у знашока ученой крипички, но у каждаго чипашеля уважающаго испорическую истину, и сѣ негодованіемѣ опшвергающаго нелѣпныя переписчиковѣ прибавленія, а особливо когда сѣи выдаюшся за подлинныя сказанія правдиваго лѣпописашеля, — спрашивается, какое мнѣніе должно имѣшѣ обо всемѣ шомѣ, что до нынѣ и Русскими и чужеспранными сочиншителями писано было о началѣ Россіи, и нужно ли крипически сравншѣ многія лѣпописи для опысканія подлиннаго Неспора, и для шого шшобѣ получишѣ наконецѣ досшовѣрное свѣдѣніе о происхожденіи Русскаго народа?

(*Будетъ продолженіе.*)

ХІ.

*Необыкновенной способъ ловить
лпщъ, улопреляемый Коряка-
ми и Ламулами (*).*

Когда наступитъ время линянья водныхъ пщъ, по многочисленнымъ спадамъ различныхъ родовъ ушкв, живущихъ по обширнымъ заливамъ Пенжинскаго и Охотскаго морей, немоги перелешать съ одного мѣста на другое для снисканія себѣ пищи, приплывающъ къ самымъ берегамъ. Коряки и Ламушы, населяющіе оныя, съ неперпнїемъ ждущъ сего времени. Оно у нихъ, подобно нашей жпщв, естъ время шрудовъ и вмѣстѣ забавъ. Когда наспанешъ морской приливъ, поднимающійся въ шѣхъ моряхъ на значную высоту, ушки, обманушыя различїемъ на великое пространство по низкимъ берегамъ моря, заплывающъ вмѣстѣ съ водою на оныя. Коряки бросающъ въ свои легкія лодки, окружающъ бухту многочисленною своею флосилїею, и подаваясь медленно впередъ, гонящъ предъ собою спада пщъ

(*) Коряки и Ламушы, населяющіе западные берега Пенжинскаго и Охотскаго морей, составляющъ совершенно одинъ народъ; и всякаго Коряка называютъ пушшныя жишели и Ламушомъ. Но я ихъ раздѣлилъ, слѣдуя Географїи.

ближе и ближе къ берегу. Наступаетъ опливъ; вода сбываетъ, бѣжитъ отъ берега. Обезоруженное ляннѣемъ пернатое, не могши лешать, и опасаясь оспашься на сушѣ, вмѣстѣ съ водою стараются уплыть въ море. Но длинный спрой лодокъ заграждаетъ путь къ побѣгу. Бѣдные пѣвники густыми спадками принуждены подплаывать къ онымъ. Тутъ Коряки бросаются изъ лодокъ на робкую свою добычу. Утки стараются спаспися отъ нихъ искуснымъ своимъ нырнѣемъ; но шѣмъ болѣе доставляютъ непріятелю удобноспей, ибо вода покрываетъ равнину не болѣе какъ на 8 или 10 верш.; ушка, надѣясь на глубину моря, нырнувъ упирается въ близкое дно, и попадаетъ въ руки проворнаго ловца. Тысячи ихъ пакимъ образомъ доставаются въ добычу. Худой ловецъ на свой пай въ одинъ разъ доставаетъ до 50 шшукъ.

„Но опливъ можеть унести и легкія лодки въ море?“

Пусть такъ; но сіи дикіе не бояща моря. Лодки ихъ такъ успроены, что довольно долго могутъ прошивпться и самой жестокой бурѣ. Онѣ весьма легки, ибо сдѣланы изъ кожи, весьма длинны, имѣютъ съ обоихъ концовъ оспрые носы; закрышы сверху плотно, и шолько въ

крышѣ прорѣзана одна дыра, въ которую садился пловецъ. Когда пускаешься онъ въ море (разумѣется только около береговъ), то обвязываешь себя сплошно вокругъ шѣла кожанымъ мѣшкомъ, котораго нижній конецъ укрѣпленъ вокругъ опверспія крыши; такимъ образомъ лешишь онъ по высокимъ морскимъ волнамъ, не спрашась, чтобы обрушившаяся на него вода зашпила лодку, или ее опрокинула; ибо въ первомъ случаѣ защищаешь его сплошная крыша и легкость лодки, а во второмъ совершенное и удивительное искусство сохраняешь равновѣсїе. Они не знаютъ нашей пословицы: „не вѣрь лошади, лодкѣ и . . . . кому бы еще? Извѣстно: жень!

Н. Мамышевъ.

XII.

Дружба Китайца.

(Анекдотъ) (*).

Китайцы, торгующіе на Кяхтѣ съ Россїянами, всегда любопытствуютъ знать о характерахъ Чиновниковъ, жи-

---

(*) Я слышалъ его — пишетъ къ Издашелю Господинъ К. — отъ одного почтеннаго чело-вѣка, въ Сибири живущаго, который увѣряетъ, что онъ точно не выдуманый.

вущихъ въ Иркутскѣ и имѣющихъ вліяніе или на дѣла шортовья, или на благоденствіе народное. Господинъ Н. Н. славился добрымъ сердцемъ и прямодушіемъ; онъ прѣѣхалъ въ Кяхту, и бывши на гостинномъ дворѣ, зашелъ въ лавку къ одному Китайцу, совсѣмъ ему незнакомому. Они разсуждали о коммерціи, о соспоянїи Государственномъ, о нравахъ народныхъ и законахъ. Кипаецъ попчивалъ Н. Н. чаемъ, говорилъ обо всемъ равнодушно, лаконически и даже сурово, а Н. Н. ласково и прїятно, и часто между разговоромъ называлъ Китайца милымъ своимъ другомъ. Кипаецъ быстро смотрѣлъ на Н. Н. и угрюмо повторялъ слова: *хорошо! хорошо! другъ! посмотришь!* Они прощаются, и Н. Н. проситъ Кипайца, чтобы онъ, когда будетъ въ Иркутскѣ, прѣѣхалъ въ домъ къ нему въ гости.

Прошло нѣсколько времени. Кипайцу случилась надобность быть въ Иркутскѣ. Онъ прѣѣзжаетъ и прямо въ домъ Господина Н. Н., съ большою свитюю, соспоявшею изъ десяти или двенадцати человекъ; распоряжаетъ всемъ, какъ настоящій хозяинъ. Н. Н. при небогатомъ своемъ соспоянїи угощалъ гостей своихъ, сколько было возможно. Въ печенїе семи дней Кипаецъ окончилъ дѣла свои, и будучи долженъ

ѣхашь изъ Иркутска въ Кяхту, приказалъ укладывать пожитки свои въ повозку, а самъ, прохаживаясь по комнатамъ, началъ разсматривать мебели и другія вещи, находившіяся въ домъ Н. Н. Увидишь хорошую картину, прикажешь положить ее къ себѣ въ повозку; увидишь ружье, прикажешь положить его къ себѣ въ повозку; словомъ скажешь, картины, ружья, писпелены, часы — все положено въ его повозку. Хозяинъ смотрѣлъ съ изумленіемъ на своего друга, и не желая обидѣть его, говорилъ: „я радъ, что тебѣ эта вещь понравилась — возьми ее.“ Хорошо! отвѣчалъ Кишаецъ, и — бралъ. „Теперь прощай, другъ!“ сказалъ онъ наконецъ и — уѣхалъ.

Н. Н. простился съ милымъ другомъ и — съ милыми вещами своими. Насмѣшники преслѣдовали Н. Н. всякими насмѣшками на счетъ гостей его; а онъ молчалъ.

Дѣла Н. Н. призывали его въ С. Пешербургъ. Онъ былъ не богатъ деньгами, нужными на сію поѣздку; просилъ нѣкопорокихъ знакомыхъ снабдить его нѣкопорокою суммою, но — „я радъ, да теперь нѣтъ у меня“ — вездѣ было ему отвѣтомъ. Онъ поѣхалъ въ Кяхту и прямо къ милому другу. Кишаецъ не оказываетъ ему ни ма-

лѣйшей ласки, отвѣчаетъ угрюмо и ко-рошко на всѣ его вопросы. Одолжи меня прѣмѣ тысячами рублей, сказалъ Н. Н. Кишайцу. Сей послѣдній разсердился и ушелъ изъ дому. Н. Н. видѣлъ у него много денегъ въ сундучкѣ, и не понималъ такой чудесной дружбы. Кишаецъ возвра-тился. Подай мнѣ ключъ отъ твоей шка-пулки, сказалъ ему Н. Н. Кишаецъ не говоря ни слова вынулъ изъ кармана ключъ и — опдалъ. Н. Н. опперъ шкапулку, опсчиталъ ассигнаціями пять тысячъ рублей, положилъ ихъ въ карманъ; опять заперъ шкапулку, посмотрѣлъ на Кишай-ца, сморѣвшаго на сцену сію съ преж-нимъ равнодушїемъ, опдалъ ему ключъ и поѣхалъ. „Прощай, другъ!“ — кричалъ въ слѣдъ ему Кишаецъ.

Владимиръ Кинишемцовъ.

Уральскъ.

ХІІІ.

Два слова отъ Издателя.

Издатель имѣлъ удовольствїе полу-чить изъ Петербурга стихи: *Надлись къ портрету моего друга П. С.* Онъ почи-таешъ за долгъ напечатать ихъ въ Вѣ-стникѣ, позволяя себѣ однако сдѣлать по-

опасный! Что еспли какому нибудь другому Авшору, или самому же Господину Исш . . . мину придешъ въ голову, *перелисавъ* Душеньку Богдановича, поставишь въ заглавіи, вмѣсто слова *Душенька*, другое, собшвеннаго рукодѣля, на примѣрѣ: *Душечка*, и выдашь эту поэму въ свѣтѣ подѣ своимъ именемъ . . . кто осмѣлился тогда заспоришь? И пишувъ оригинальнаго Авшора не долженъ ли уступить пишуву *любодоноснаго*, шакъ какъ иногда, къ несчастію людей, право *наслѣдника* короны уступашъ праву ея *пожилителя*? Дѣло ясное! Но горе нашимъ писателямъ — и прозаисмамъ и стихотворцамъ — которыхъ сочиненія уже напечатаны и извѣсны публикѣ. Можно сказать, что они еще ожидають своихъ сочинителей, или могушь имѣть множество *новыхъ*, которые, въ отношеніи къ *старымъ*, будувъ шже, что многіе изъ нынѣшнихъ Графовъ, Князей и Бароновъ въ отношеніи къ своимъ родоначальникамъ, съ шюю шолько разницею, что послѣдніе пользуются именемъ своихъ предковъ, не имѣя иногда ихъ добродѣтелей, а первые будувъ пользоваться *добродѣтелями* своихъ праотцевъ, не имѣя ихъ имени. Какъ бы шю ни было, но шеперь пускай кто хочувъ надѣшся на славу, а мы осмѣливаемся ушверждать, что слава — дымъ, и что

спремишься за нею ешь по же, что бѣ-
жашь въ мракѣ ночи за лешучимъ огнемъ,
кошорой заводитъ — въ болошо. И какъ
узнаешь будущее? Кто, на примѣръ, пору-
чишься, что нашему спарику *Ломоносову*
не назначено судьбою дойти до попомства
подъ именемъ какого-нибудь *Кубышкина*,
Мартышкина, или *Сусликова*?

Едва лишь что сказать удастся мнѣ щасп-
ливо,
Какъ древность заворчитъ съ досадой: что
за диво!

Я тоже до тебя сказала и давно!

„Смѣшна беззубая! вольно

Ей послѣ не прійти невѣждѣ!

Тогдабъ сказалъ я поже прежде!

Эта эпиграмма написана не даромъ!
Давно *молодые* стихопворцы обвиняють, и
едвали не справедливо, *старыхъ* въ помѣ,
что они родились ранѣ ихъ, и завладѣвши
лучшими помѣспьями на Парнассѣ, не
оставили имъ почти ни одного свободного
уголка, въ которомъ могли бы они помѣ-
спиться съ семействомъ собспвенныхъ
своихъ стиховъ: Балладъ, Шарадъ, Диссти-
ховъ, Акроспиховъ, Соннеповъ, Купле-
повъ и шакъ далѣ, опѣ надписи къ порп-
репу до самой огромной Эпической поэмы.
Иные не довольспвуются однѣми щещены-
ми жалобами; но ушѣшаютъ себя за поше-

рлнное право старшинства нѣкошорыми
искусными *похищеніями*. И вшо, повшо-
 ряю, можешъ предузнашь будущее? Оп-
 кройше Испорію! Произшесшвія полишиче-
 скаго мїра не даюшъ ли нѣкошораго поня-
 шія о томъ, что *можетъ* случишься въ
 мїрѣ спихошворномъ? Судьба великаго Рима
 вамъ извѣсна: онъ возрасшалъ, усили-
 вался, наконецъ овладѣлъ вселенною — для
 чего же? Не для шого ли, чтобы доспашься
 въ добычу варварамъ, кошорые нѣсколько
 вѣковъ шайлись во глубинѣ Германскихъ
 лѣсовъ, и вдругъ успремились на него,
 какъ волки на добычу свою, будучи сдви-
 нушы съ мѣста выгнанными другими вар-
 варами, Богъ знаетъ къмъ и за что, изъ
 степей Азіашскихъ. Кшо бы, на примѣрѣ,
 могъ подумашъ, что нападеніе орды Гун-
 новъ на орду Готшовъ и переходъ послѣд-
 нихъ черезъ Дунай причинишь погибель
 Западной Римской Имперіи? — Но оно
 шакъ! и слѣдствіемъ сего произшесшвія,
 весьма неважнаго съ перваго взгляда, бы-
 ло совершенное уничтоженіе Римской вла-
 сти на Западѣ, всеобщая перемѣна въ
 нравахъ, правленіи, въ самыхъ наимено-
 ваніяхъ земель и народовъ, горесшный
 упадокъ наукъ и художествъ. Перенеси-
 тесь же изъ полишического мїра въ мїръ
 спихошворный — почему не вообразишь
 вамъ, что гдѣ-нибудь, въ неизвѣстной

глуши Парнасса, скрываешься орда стихотворцевъ-Гуиновъ, гошовая при первомъ побудишельномъ движеніи успремнись на владѣнїя стихотворцевъ-Римлянъ, ихъ разоришь, присвоишь и, уничтоживъ прежнихъ владѣльцевъ, погрузишь самыя имена ихъ въ бездну забвенїя? Le present est gros de l'avenir, сказалъ, кажешься; Декартъ. Поэты и Прозаисты, будьте осторожны, Гошѣы уже за Дунаемъ!

Ж.

XIV.

Къ А. Н. В.

Въ день въ Ангела, 1 го Марта.

Не вишійство, не Поэзія
Разсыпають здѣсь цѣпны свои;
Но родство, прїязнь и дружество
Здѣсь приносятъ поздравленіе.
На Руси обычай изстари
Поздравлять друзей въ день Ангела,
И даришь имъ то, что Богъ послалъ,
При желанїѣ всего добраго.
Но съ чего же мнѣ начашъ теперъ?
И чего мнѣ пожелаешь тебѣ?
Пожелаешь ума ли разума?
Щедро Богъ имъ наградилъ тебя.
Пожелаешь ли бышь еще добрѣй?

Ты душой подобна Ангелу.
Пожелашь ли бытъ еще милѣй?
Ты и такъ мила, какъ Грація.
Пожелашь ли, милой щаспія?
Увращеніе семьи своей,
Ты любовью мужа щасплива,
Ты родными обожаема,
Ты споронними уважена;
Не мечпашельно, дѣйствительнo
Дружбой вѣрной наслаждаешься.
Право, другъ мой, не придумаю,
Что прибавишь мнѣ къ судьбѣ швоей? . . .
Пожелаю ли сокровицей?
Съ ними скука посѣпитъ тебя,
И заботы и завистишники.
Ахъ! сквозь солнца часто дождь идѣтъ,
И на злопо слѣзы капаютъ! —
Пожелаюль пышной знатности?
Знатность щаспія не приносишь намъ;
Благи въ мірѣ соразмѣрены;
И Вельможамъ и Царямъ самимъ
Плать лишь чувствъ дано Природою.
Для Царя и для тебя равно
Лугъ цвѣтами украшается;
Свищеть сладко соловей въ саду;
Солнце свѣтитъ одинаково.
Сердце блѣтсся сильнымъ препеномъ
Отъ болѣзни, отъ нещаспія,
Отъ измѣны сердцу милого,
Отъ пошери друга нѣжнаго,

Занываетъ и груститъ равно
Подъ порфирой и подъ рубищемъ.
Щаспливъ тотъ, кто удаляется
Отъ разбѣянья, отъ праздности.
Щаспливъ тотъ; кто скромно дни ведетъ;
Добродѣтелью украшенный;
Съ другомъ; съ книгой и Природою:
Ахъ! чего недоспаетъ ему?
Тѣло здоровое, цвѣтущее;
Разумъ знаніемъ наполненный;
Сердце чувствовать способное.
Пусть же, пусть въ тебѣ и вокругъ тебя
Всѣ, какъ есть теперь, оспанѣтся!
Люди щасптивы, нещасптивы
Отъ себя, мой другъ! единспѣнно:
Въ сердце носимъ мы судьбу свою;
Сердце рай преобращаетъ въ адъ,
Сердце адъ преобращаетъ въ рай:
Лишь желанія обуздывай;
Укрожай воображеніе;
Взоры чаще обращай назадъ:
Сколько есть людей бѣднѣ насъ;
Сколько есть людей нещаспнѣ
И душою и фортуною,
Милліоны — а не тысячи!
Такъ живи; мой другъ! по прежнему;
Нѣжной дружбой ушѣщай сердца;
Щаспьемъ чпш одну умѣренность;
И за горе и за радости
Приноси благодареніе

Богу милостей всещедрому :
Добродѣтели и разуму
Не возможно быть несчастными !

Воейковъ.

ХУ.

Извѣстіе о старой книгѣ, въ которой есть новое.

Щасливые опыты Вѣнскаго часовщика Дегена въ искусствѣ лепашь заславили Нѣмецкихъ ученыхъ обращенью особенное вниманіе на сей предметъ, и разсмотрѣвъ все то, что было написано о немъ въ наше и древнее время. Надобно думать, что никакая бездѣлица, имѣющая къ нему отношеніе, не будетъ упущена сими почтенными людьми изъ виду. Одинъ изъ нихъ, участникъ въ изданіи Журнала Morgenblatt, подписывающійся просто Frederic, сообщилъ читателямъ своимъ открытіе довольно любопытное: надѣмся, что оно будетъ пріятно и для нашихъ.

Онъ говоритъ о маленькой Лапидской книгѣ, напечатанной въ Тюбингенѣ въ 1627 году, подъ заглавіемъ: De arte volandi, cujus ore quivis homo, sine re-

riculo, facilius quàm ullum volucres, quocumque lubet semetipsum promovere potest (*). Сочинитель этой книги есть Ф. Г. Флайдерб, который именуешь себя Поэтомъ, Профессоромъ и Библиошкаремъ. Нѣмецкiй Журналистъ замѣчаетъ, и кажется справедливо, что заглавiе, данное имъ своему сочиненiю, можешь спояшь наравнѣ со всѣмъ тѣмъ, что послѣ ни выдумано блистательнаго и пышнаго господами писателями и книгопродавцами для пользы издаваемыхъ ими сочиненiй: въ самомъ дѣлѣ, обѣщанiе научишь насъ искусству, съ помощiю котораго могли бы мы, безъ всякой опасности, какъ ласточки, перелетать съ мѣста на мѣсто, должно было возбудишь любопытство, и принудитъ самаго неученаго бѣжать съ своими деньгами въ книжную лавку, чтобы купишь: *De arte volandi*. Но можешь бышь, спросите вы, обѣщанiе шуточное? Не скажу ни слова. Читайше!

Разсужденiе нашего автора предложено въ видѣ разговора. Дѣйствующiя лица: онъ самъ и два Доктора Философiи, Освальдъ и Улрикъ Прецигеръ. Начинаешь го-

---

(*) Объ искусствѣ летать, посредствомъ котораго всякой человекъ, безъ опасенiя, и гораздо удобнѣе птицы, куда ни захочетъ, можешь направитъ полетъ.

ворить Освальдъ, который превозноситъ до небесъ свое время, и утверждаетъ, что древность не произвела ничего достойнаго сравниться съ открытїями его вѣка. „Что значить — восклицаетъ онъ — ихъ цирки, бани и пирамиды и несгораемое масло въ сравненїи съ открытїемъ новаго свѣща, книгопечатанїя, пороха, компаса, кофе, сахару и манны? Мы все привели къ совершенству! Остается одно — выучиться летать по пшичьему. Уже нашли средство оставаться по цѣлому часу подъ водою; кто-то выдумалъ сапоги, надутые воздухомъ, въ которыхъ можно ходить по морю, какъ по суху, не опасаясь утонуть и попасть въ желудокъ какой нибудь морской собаки. Древнїе, подражая водянымъ пшичамъ, изобрѣли мореплаванїе — слава имъ! Но для чего бы не выдумать имъ и воздухоплаванїя, подражая пшичамъ воздушнымъ?“ — Докторъ, упомянувъ о колесницѣ Спелвинусовой, которая, съ помощїю парусовъ, плавала по земной поверхности такъ же свободно, какъ лодка по морю, и въ короткое время могла переносить нѣсколькихъ людей за пятьдесятъ миль и болѣе, проситъ Профессора Флаудера научить его искусству летать по пшичьему.

Но Докторъ Прецигеръ, не давши ему времени сказать что-нибудь въ отвѣтъ, вос-

жлищаетъ съ гнѣвомъ: Хорошему искусству желаете, ваша ученость, научитесь! Дать людямъ крылья — но куда принажете тогда отъ нихъ укрываться? Развѣ думаете, что между крылатыми людьми не будетъ хищныхъ ястребовъ, коршуновъ и сычей? Морскіе Корсары по же, что жадныя щуки и Мокои. Заведите плаваніе по воздуху, въ минушу родятся и Корсары воздушныя. Спрашно подумаетъ, какіе новыя безпорядки открылись бы тогда въ обществѣ, которое и безъ того ими переполнено: тогда-то было бы наспояцій желѣзный вѣкъ. Любовники не въ видѣ золотого Юпиперова дождя, а сами, своею особою сыпались бы въ обѣщанія своихъ любовницъ. Бѣда паспухамъ богатымъ и бѣднымъ — воздушныя волки убавляли бы ихъ спада не хуже лѣсныхъ! бѣда скупымъ! бѣда мужьямъ, особливо ревнивымъ! бѣда полишкѣ: что бы сдѣлалось со всѣми нашими полишическими клубами и шайными обществами, когда бы шпионы могли, какъ лепущія мыши, лешать ночью по кровлямъ, закрадываться въ трубы и проходить въ дома сквозь слуховыя окна? Тогда надлежало бы не только окружать, но *покрывать* стѣнами города и крѣпости. Прочтите въ запискахъ de faxo Grammaticus исторію одного Датскаго Короля, который, осадивъ другаго Короля,

пріѣхеля своего, въ его споллицѣ, не нашель другаго средсва взяшь городѣ, какѣ наловишь множесво пшицѣ, кошорыя имѣли свои гнѣзда въ домахѣ, и попомѣ пуспишь ихѣ на волю сѣ зажженнымѣ шпрушомѣ подѣ крыльями: городѣ вспыхнулѣ — всѣ бросились пуспишь пожарѣ; и Датскій Король не замѣшкался помочѣ полиціи... однимѣ словомѣ, желаю искренно, чшобѣ перваго, кшо выдумаетѣ искусство лешать, заперли въ башню какѣ смершоубійцу — вмѣсто благодарїя принесетѣ онѣ испианный вредѣ человѣческому роду! Таково мое мнѣнїе, господинѣ Профессорѣ. По щаспїю, ваше мечшашельное искусство еснѣ сущая невозможность. Прецигерѣ замолчалѣ.

Флайдерѣ началѣ говоришь въ свою очередь. Онѣ обратился къ Господину Прецигеру, укорялѣ его въ недовѣрчивоспи, основанной, по его мнѣнїю, на совершенномѣ невѣжествѣ, и спрашивалѣ: благоразумно ли судишь о вещахѣ по ихѣ злоупотребленїю? „Я могѣ бы доказашѣ пысячью примѣровѣ пользу того искусства, на кошорое нападаете вы сѣ шакимѣ жаромѣ — сказалѣ онѣ — но ограничу себя однимѣ. Вы говорили обѣ осаждающемѣ Датскомѣ Королѣ; а я скажу обѣ осажденныхѣ, для кошорыхѣ было бы великое щаспїе имѣшь хошя одного крылашаго гражданина, кошорый могѣ

бы, неподвергая себя опасности, досташься въ полонѣ непріятелю, дашь знашь союзникамъ о жалоспномъ положеніи ихъ города. Во время осады Лейдена, голуби, опправлявшіе должность курьеровъ, спасли и городъ и всю Голландію. И шеперь еще кости ихъ храняшся, какъ мощи, въ Лейденскомъ архивѣ. “

„И почему не возможно челоѳку лешать наподобіе лешучей мыши, кошорой, шакъ же какъ и ему, не далъ Богъ крыльевъ, или какъ цапль; у кошорой крылья не длиннѣ носа ея? Загляните въ Авла-Теллія; онъ скажетъ вамъ, что Архипасъ Тареншинскій сдѣлалъ деревяннаго голубя, кошорый наполненъ будучи воздухомъ, самъ лешалъ съ помощію изобрѣшеннаго художникомъ механизма. А Скалигеръ учитъ насъ, какъ дѣлать шакихъ деревянныхъ лешучихъ голубей. Но для чего говоритъ о машинахъ? Во многихъ достовѣрныхъ писателяхъ найдете извѣспія о людяхъ, кошорые лешали какъ пшпцы. Прочшите *compendium miraculorum*; въ эшой книгѣ, писанной на Каспильскомъ языкѣ Д. Альваромъ Гупьеромъ де Торресъ де Толеде, найдете извѣспіе о монахѣ Эльмеро, кошорый въ спароспи предсказалъ явленіе комешы, а въ молодоспи изобрѣлъ искуспво лешать. Подвязавъ себѣ подъ плечи два

крыла, подобно пріятелю нашему Дедалу, бросился онъ съ высокой башни и крѣпко ударился объ мостовую, переломивъ по щастію только объ ноги, конечно опъ того, что позабылъ вмѣстѣ съ крыльями привязать къ себѣ и хвостъ. Славный Медикъ Эрнестъ Бургграфъ пишетъ въ своей книгѣ *Raporia - physico - vulcania* объ одномъ шаромъ Ниренбергскомъ пономарѣ, который такъ же выдумалъ крылья, на которыхъ подымался, опускался и леталъ какъ птица. Но это однако не помѣшало ему однажды упасть и переломить объ ноги и одну руку. Подобная участь постигла одного Парижскаго Икара. Наконецъ, какой-то Венеціанецъ, о которомъ говоритъ Іоаннъ Спурмюсъ въ книгѣ своей *de Ratione linguae latinae resolvendaе*, спрыгнулъ съ колыбельни Святаго Марка, и невредимо опустился на землю.“

Флайдеръ, довольный своими примѣрами, заключилъ слѣдующими словами свою диссертацію: „Для меня не кажется невозможнымъ пріучить молодого мальчика къ птичьему полету, такъ какъ въ манежѣ пріучаютъ его къ верховой ѣздѣ и вольпшижированію. Сначала онъ будетъ летать не выше каплуна, потомъ заспоритъ и съ орломъ. И что можешь быть удивительно въ наше время, въ которое всѣ искус-

ства — кромѣ одной набожности — доведены до совершенства? Замѣтите, прибавляешь Нѣмецкій Журналистъ, что Флайдеръ писалъ въ 1627, и послѣ этого осмѣльшись утверждаешь, что люди перемѣнились.

Наконецъ Господинъ Профессоръ, принявши на себя важный видъ, рѣшается опкрыть свою шайну. Слушайте, говоритъ онъ своимъ слушателямъ (а съ ними и читателямъ): искусство лешать самое вѣрное, самое безопасное, есть — лешать умомъ. Можно — прибавимъ — залезъшь въ домъ сумасшедшихъ — но руки и ноги, вѣроятно, останутся цѣлы.

ПОЛИТИКА.

XVI.

Политическое сновидѣніе 1806 года.

Извѣстно, что война между Франціею и Пруссіею, начавшаяся въ Октябрѣ 1806 года, произвела въ умахъ чрезвычайное напряженіе. Она была послѣднимъ усиленіемъ Нѣмецкой крѣпости противъ увеличившагося могущества Франціи. Положимъ, что несходство въ силахъ не обѣщало Пруссіи рѣшишельной удачи; однакожь, судя по тому жару, съ какимъ Прусское войско выступало въ походъ противъ непріятеля — сколько бы впрочемъ ни порицали его послѣ несчастной битвы — судя по тогдашнему расположенію почти всѣхъ умовъ Нѣмецкихъ, можно ли было не питать въ сердцахъ сладкой надежды? И кто станеть досадовать на Нѣмецкаго папріюша, желающаго своему опечесству славы, счастья, могущества? Подобно другимъ, и я чрезвычайно занятъ былъ тогдашними крипическими обшояшельствами. Въ вечеру поздно прочиталъ я въ газетахъ извѣстіе, послѣ оказавшееся ложнымъ, о великой побѣдѣ, будто бы Прусаками одер-

жанной въ Тирингенскомъ лѣсу надъ Французами. Очень еспешвенно, что сіе проишествіе, кошорымъ душа моя была наполнена, всю ночь изъ головы моей не выходило. Я видѣлъ спранный сонъ, по удивительной игрѣ воображенія, можешъ бышь, достойный любопытства чипашелей и въ нынѣшнее время.

„Прусаци обошли и раздѣлили Французское войско; одну часшь его сѣбснили въ Тирингенскомъ лѣсу, а другую принудили бѣжашъ назадъ къ Майну. Въ то самое время Гессенской корпусъ заперъ дорогу ведущую къ Франкфуршу. Разбитое и разсѣянное войско Французское нашлось принужденнымъ ийти въ Швабію, и будучи съ лѣвой стороны угрожаемо Авспрійцами, незапно въ Тироль и Баварію вшоргшимися, сѣвшило достигнуть верхняго Рейна. Союзъ Рейнскій рушился; сильябйшіе изъ Членовъ его, Короли Баварскій и Виршембергскій, отправились во Францію съ малымъ числомъ людей, какое шолько могли собрашь въ короткое время. Между шѣмъ какъ Прусаци шли впередъ съ союзниками своими, повсюду расшростиилось движеніе въ народѣ, и Нѣмцы дѣйшвовали съ такою неушомимою ревностію, какой даже предполагашъ въ нихъ было бы не можно. Судьба Германіи въ сіе

время находилась во власти Короля Прусскаго ; ибо Австрія направила силу свою на Италію и Швейцарію. Онъ воли Фридриха Вильгельма зависло объявивъ себя Нѣмецкимъ Императоромъ , или раздѣлить всю Германію по поламъ съ Австрійскимъ домомъ. Но обзѣрѣвши проницательнымъ окомъ исторію прошедшихъ столѣтій и рѣшившись насавленіями прежнихъ временъ воспользоваться для блага будущихъ , онъ принялъ великое намѣреніе ушвердитъ прочный миръ въ Европѣ , и пожертвовавъ собственными годами бытъ благодѣшелемъ человѣческаго рода. Представивъ общему разсмотрѣнію полезной планъ свой , онъ безъ труда получилъ согласіе дворовъ Пешербургскаго и Вѣнскаго. Даже Сенъ-Джемской кабинетъ одобрилъ его , усмотрѣвши въ немъ выгоды для Англійскаго народа. Король Прусскій былъ увѣренъ , что удержавши за собою всю Германію , онъ возбудилъ бы чрезъ то неудовольствіе въ державахъ сосѣдственныхъ , и былъ бы неоднократно принужденъ войною сомнительною и долговременною оспаривать свои завоеванія. Онъ имѣлъ у себя въ свѣжей памяти важныя ошибки , сдѣланныя опцемъ его при раздѣлѣ Польши въ оба раза. Напротивъ того зналъ , что находясь подъ управленіемъ одного

верховнаго Начальника и при благоразумномъ учрежденіи государшвенномъ, Германія положеніемъ своимъ и внутренними силами охраняшь могла бы спокойствіе среди Европы, и будучи въ связи съ Австрією и Пруссією, не допустила бы ни Францію, ни Россію овладѣшь Европою. Разумѣется, что Германія, сдѣлавшись единымъ шѣломъ государшвеннымъ, не должна уже шепѣшь внутри себя чуждаго владычества. Австрія и Данія ошреклись отъ своихъ областей въ Нѣмецкой Имперіи. Пруссія, уступивши провинціи Франконскія, Нижне - Саксонскія и Веспфальскія, получаетъ въ замѣнь Шведскую Померанію, Спрелицкую область, часть Курсаксоніи и Ангальтскаго Княжества, Лузацію и часть западной Галлиціи. Ельба отъ Мекленбургской границы почти до самаго Дрездена отдѣляетъ Прусскую Монархію отъ Нѣмецкой Имперіи. Австрійскому дому за уступленную часть Галлиціи даюшь Далмашію, Тироль и верхнюю Италію до рѣки По. Наполеонъ, по многихъ кровопролитныхъ походахъ въ Германіи, Белгії, Италіи и на предѣлахъ Испанскихъ, удостовѣряется, въ чемъ состояшь истинныя выгоды непобѣдимой Имперіи его, и одобрилъ прежній планъ извѣснаго Карно,

остаешься спокойным владѣтелем Франціи въ предѣлахъ, назначенныхъ первою конспиріациею.“

„Лишь только Французскія войска вышбсны за Рейнъ, великодушный Король Прусскій для произведенія въ дѣйство мудраго плана своего немедленно сзываетъ въ Нирнбергъ изо всѣхъ большихъ и малыхъ городовъ Нѣмецкой Имперіи мужей знаменитѣйшихъ и прозорливыхъ; предлагаетъ имъ на разсмотрѣніе и одобреніе слѣдующую конспиріацию :

„Германія должна сославлять единую, нераздѣльную Имперію, и быть подъ правленіемъ смѣшанной формы. Законодательная власть предоставляется двумъ Камерамъ, то есть верхнему Парламенту и нижнему. Въ верхнемъ Парламентѣ засѣдаютъ оставшіеся въ Германіи послѣ Люневильскаго мира владѣтельные Князья, къ коимъ присоединяются еще Принцы, два Прусскіе, два Австрійскіе и два изъ дому Ганноверскаго. Доспоинство ихъ есть наследственное, нераздѣляемое отъ участка недвижимаго имѣнія, которое непременно доставалось должно первородному наследнику. Члены верхняго Парламента именуются Герцогами, а братья ихъ и дѣти Князьями. Число сихъ Перовъ пре-

спирается не свыше осмидесяти. По пресбченїи рода Верховный Глава Имперїи можетъ возвести на степень Пера кого пожелаешь, и дать ему учасковъ, принадлежавшїй пресбкшейся фамиліи. Члены нижняго Парламента избираются изъ среды народа, и отправляющъ должностъ сїю пять лѣтъ, по прошествїи коихъ они снова могутъ быть избраны. Вся Германїя раздѣлена на сто департаментовъ, почти равныхъ по числу жителей. Каждой департаментъ состоитъ изъ десяти уѣздовъ; въ каждомъ уѣздѣ изъ всѣхъ владѣльцовъ земли, спюющей болѣе 1000 талеровъ, большинствомъ голосовъ назначаются два избирашеля, кои на всю жизнь остаются въ семъ званїи. Уѣздные избирашели, также по большинству голосовъ, назначаютъ двухъ депушатовъ отъ департамента. Какъ избирашели, такъ и депушаты не должны состоять въ государственной службѣ. Всѣ двѣсти членовъ нижняго Парламента получаютъ равное жалованье.“

„Нѣмецкая Имперїя состоитъ подъ верховнымъ управленїемъ Императора, достоинство коего остается наследственнымъ въ фамиліи по праву первородства. Всѣ другїе Принцы Императорскаго Дома суть природные члены верхняго Парла-

менша; они именуются Герцогами, но не имѣють удѣловъ. При Императорѣ находящіяся одинъ Государственный Секретарь и шесть Министровъ, а именно: иностранныхъ дѣлъ, правосудія, благотворенія и народнаго просвѣщенія, денежныхъ въ государствѣ оборотовъ, торговли и промысловъ, и военной части. Одна половина Министровъ засѣдаетъ въ верхнемъ Парламентѣ, другая въ нижнемъ. Каждой имѣетъ право давать голосъ. Императоръ назначаетъ для верхняго и нижняго Парламентовъ по одному предсѣдателю. Онъ имѣетъ власть черезъ своихъ Министровъ предлагать законы обоимъ Парламентамъ для разсмотрѣнія и одобренія. Никакой законъ дѣйствительнымъ быть не можетъ, если о немъ два раза не было разсуждено въ парламентахъ, и если онъ не одобренъ большинствомъ голосовъ и не утверждёнъ Императоромъ. То же самое разумѣть должно объ опредѣленіяхъ, касающихся до денежныхъ въ государствѣ оборотовъ и о прочемъ. Ежегодно въ известное время оба Парламента держатъ свои засѣданія, которые однакожь открываются не иначе какъ по Императорскому приглашенію. Исполнительная власть предоспавлена Императору. Онъ опредѣляетъ всѣхъ государственныхъ чиновниковъ, и имѣетъ военную силу въ полномъ своемъ

распоряженіи. Число войска ограничивается двумя сшами шысячь человекъ ; увеличивъ его не дозволяешъ безъ согласія обоихъ Парламентовъ. Императоръ сношится съ чужеспранными державами, объявляешъ войну, заключаешъ договоры мирные, союзные и шорговые. Однакожь всѣ акшы, развѣ шолько съ извѣштемъ весьма немногихъ, предлагающъя Парламентамъ для свѣдѣнія. Всѣ государшвенныя волости принадлежатъ народу; въ прочемъ Императорская фамилія можешъ имѣть и свои собшвенныя. Для содержанія Двора опредѣлена сумма, кошорую члены Парламентавъ, смотря по обстоятельствамъ, власны и увеличивъ. Сумма сія несмѣшвается съ издержками по части внушренняго управленія.“

„Ленная система уничтожена; однакожь дворянское достоинство ошалося наследшвеннымъ. Дворянинъ по силѣ общаго мнѣнія имѣешъ преимущество передъ прочими гражданами. Императоръ возводитъ въ дворянское достоинство. Въ осмидесяти княжескихъ фамиліяхъ право первородшва ошносится шолько къ принадлежнoshi удѣловъ, съ кошорыми сопряжено право засѣдатель въ верхнемъ Парламентѣ. Сіи удѣлы не шолько не должны переходить въ чужія руки по какому - либо условію или сдѣлкѣ, но даже безъ согласія

Императора и обоихъ Парламентовъ они не подлежатъ никакимъ долговымъ обязательствамъ. — Нынѣшнїе владѣтельные Князья удерживаютъ родовое и личное свое имѣнїе, и прешью часъ государственныхъ волостей, должествующихъ принадлежать имъ по ихъ званїямъ. Напротивъ того они преряютъ свои государскїя права и свободу отъ податей, отъ коихъ уже неизбемлются и самыя волости, прежде бывшїя казенными. Разумѣется, что они не могутъ раздавать ни шишуловъ, ни достоинствъ. Члены верхняго Парламента, кромѣ выгодъ съ ихъ званїемъ сопряженныхъ, никакого другаго преимущества имѣть не будутъ; судить ихъ можетъ только самимъ Императоромъ назначенная коммиссія. “

„Всѣ долги прежнихъ государствъ Нѣмецкихъ принимаются на счетъ Имперїи. За долги Княжескаго дома ручается цѣлая фамилїя; за долгъ одного лица самъ должникъ и отвѣчаетъ. “

„Равенство предъ лицомъ закона, однородный порядокъ въ гражданскомъ и уголовномъ судопроизводствѣ, и свободная торговля суть главныя условїя новой конституціи. “

„Господствующей вѣры нѣтъ въ Нѣмецкой Имперїи. Три главныя христїян-

скія исповѣданія пользуются равными правами, и ни одно изъ нихъ не должно другому препятствовать въ осуществленіи (о служебныхъ обрядахъ). Только процессія и набожныя пукшешествія католиковъ запрещаются, какъ противныя благочинію. Никто изъ гражданъ, какого бы исповѣданія ни былъ, не лишается права на чины и достоинства. Для католиковъ и протестантовъ учреждаются учебныя заведенія, состоящія подъ главнымъ надзоромъ самого Императора. Церковь католическая въ Германіи опшсупаетъ отъ Папской власти, и ввѣряется началству десяти Епископовъ, подчиненныхъ Синоду, какъ главному судилищу по дѣламъ духовнымъ. Члены Синода суть государственные чиновники, назначаемые Императоромъ и получающіе жалованье. Въ случаѣ равенства голосовъ между членами Императоръ даетъ рѣшеніе. — Всѣ духовные ордены, монастыри и безбрачїе священства уничтожаются. Священники, по примѣру протестантской церкви, должны быть избираемы прихожанами и содержимы на общественномъ иждивеніи. Синодъ назначаетъ Епископовъ и представляетъ о нихъ Императору, который утверждаетъ ихъ въ семъ достоинствѣ. Только церковныя и училищныя дѣла подлежатъ вѣдѣнію Синода; всѣ же прочія по новымъ законамъ

должны быть разсмашириваемы въ гражданскихъ судилищахъ. — Императоръ содержитъ Христїанскую вѣру протестантскаго исповѣданїя.“

„Императорское достоинство сперва достается Саксонскому дому, и Курфирштъ Саксонскїй долженъ быть первымъ Императоромъ. Въ преемники ему назначенъ Герцогъ Веймарскїй. Послѣ того Императорское достоинство съ правомъ первородства оспается сперва въ линїи Веймарской, потомъ въ другихъ отрасляхъ Ернестинскаго дома и Албертинскаго, ежели сей послѣднїй приметъ исповѣданїе протестантское. Въ случаѣ пресѣченїя дома Саксонскаго Императорское достоинство переходитъ въ домъ Гессенскїй, потомъ въ Баденскїй, потомъ въ Голштейнъ - Оденбургскїй, потомъ въ Виршенбургскїй, потомъ въ Мекленбургскїй, потомъ въ Брауншвейгскїй, потомъ въ Нассаускїй.“

„Оба Парламенша при самомъ началѣ весьма прилѣжно займуться составленїемъ новаго уложенїя гражданского и уголовнаго для всей Германїи, распоряженїемъ разнообразныхъ и соразмѣрныхъ подашей и изобрѣженїемъ средствъ уплашишь долги государшвенные.“

„Въ предсѣдатели верхняго Парламента назначенъ прежній Курфиршескій Архи-Канцлеръ; мужъ отличнѣйшій по дарованіямъ своего разума; въ нижнемъ Парламентѣ предсѣдательство поручено знаменитому, патриоту, Министру Албини; здѣсь же присутствующіе прославившіеся ученостію и дарованіями Геше, Шпишлеръ, Гуфеландъ и проч. и проч.“

„Наступило время торжества; Государственные чины подписали конституцію, и въ самомъ мѣсцѣ собранія провозгласили ее при непрерывныхъ восклицаніяхъ. Положено швердое основаніе независимости народа почтеннаго и добраго, изъ 18ми милліоновъ чловѣкъ состоящаго. Новые законы повсюду приняты съ восторгомъ, и каждой честной Нѣмецъ стремился споспѣшествовать благу возрожденнаго своего отечества. Исключительныя преимущества, для однихъ слишкомъ выгодныя, для другихъ оскорбительныя, уже безпокоили согражданъ, невозбуждали въ нихъ ни зависти, ни негодованія. Талантамъ открыты путь чести, и облегчены способы содѣйствовать назиданію общаго блага. Всѣ частныя выгоды слились въ единомъ составѣ. Нѣмцы уже не поднимали оружія противъ Нѣмцовъ. Не было причины бояться, чтобы

иноспранной владѣтель несчастную Германію сдѣлалъ позорищемъ опустошительныхъ браней. Раздоры за вѣру превратились; католикѣ и протестантѣ безпрепятственно молились одному Богу, каждой по своему исповѣданію. Народная сила очевидно укрѣплялась подѣ защитною закономѣ; благотворное дѣйствіе свободы оживило всѣ ремесла и промыслы.“

„Объявлено о шоржеспвенномѣ шеспвѣи великодушнаго наслѣдника преспола вѣ сполічный Императорскій городѣ. Я замѣшался вѣ толпу радостнаго народа, и“ — — увы, проснулся!

(Изъ Архенг. Минервы.)

XVII.

Извѣстія и замѣчанія.

Сношенія между Турецкимѣ правительствомѣ и Англійскимѣ посланникомѣ окончились *заключеніемѣ мира*. Такки Ефенди и Сирѣ Робертѣ Адерѣ подписали договорѣ 5го числа Января вѣ Константинополѣ. Можно утвердительно сказать, что сей важной случай дастѣ новое направленіе дѣламѣ политическимѣ. Во всѣ приспани Опшоманскія уже открытѣ

входъ для Англійскихъ кораблей, которые незамедляя явились передъ знаменитыми торговыми городами въ Европѣ, Азіи и Африкѣ; ибо отъ Порты разсланы уже извѣстїя о заключенїи мира. Договорныя спашы до нынѣ еще необнародованы: каковы бы ни были онѣ, однакожь никакому сомнѣнїю неподвержено, что блистательная Порта симъ поступкомъ своимъ приобрѣшаетъ одного друга и многихъ непрїишелей. Въ Внѣ получено извѣстїе, будто бы Янычары принудили Порту подписать миръ съ Англїею.

Въ Константинополѣ все утихло; въ провинціяхъ продолжаются безпокойства. Измаилъ Бей, Паша Македонскій, явно вспустился за гонимыхъ Сейменсовъ, и собирается идти съ многолюднымъ войскомъ противъ Янычаръ, которые сильны только въ столицѣ; во многихъ областяхъ Сайменсы имѣютъ на своей сторонѣ перевѣсъ могущества.

Можетъ быть не для всякаго понятно, какимъ образомъ въ обширномъ и многолюдномъ городѣ, послѣ ужасной войны междоусобной, вдругъ мятежные умы успокоились. Надобно знать свойство Турецкаго народа: постоянство его твердо только въ невѣжествѣ, въ исповданїи не-

лѣпой вѣры и въ смѣшныхъ предразсудкахъ ея поселяемыхъ; обо всемъ прочемъ Турки легко забываютъ. Они не помнятъ ни обидъ, ни оскорбленій, и злоба не укореняется въ сердцахъ Ошпоманскихъ. По сей - по причинѣ въ Турецкой Имперіи видимъ такія произшествія, какихъ не бываетъ ни въ одномъ благоустроенномъ государствѣ. Отецъ удушенъ; брата удушена голова; и чтожь? сынъ и братъ черезъ нѣсколько дней возводящя на важныя государственныя спешени! Въ продолженіе шести дней народъ и Дворъ были перзаемы безпрерывнымъ, мучительнымъ страхомъ; улицы и площади покрыны трупамн; цѣлыя части города испорблены пламенемъ: ужасное время минуло, и вдругъ, безъ поспешенной перемѣны, насмаетъ глубокая тишина, какъ будто бы она ни чемъ небыла прервана. Только весьма немногіе знаютъ, что полиція въ ночное время неушомимо обыскиваетъ подозрѣваемыхъ начинщиковъ мятежа; ихъ берутъ подъ страху, и по изслѣдованіи предають публично казни, будто бы за грабительство и кражу при случаѣ бывшего пожара. Между шѣмъ печаль и уныніе господствуютъ въ сералѣ, и кажется предвѣщаютъ новую бурю. Ежели вспыхнетъ несчастіе, то мятежные янычары останутся въ недоумѣніи

насапельно выбора Султана ; ибо нынѣшній Султанъ Магмудъ естъ послѣдняя опрасль царственнаго поколѣнїя.

Уполномоченные Миниспры Поршы скоро должны прибыть въ Яссы , а не въ Бухарестъ , какъ прежде сказано было , для переговоровъ о мирѣ. Въ вѣдомостяхъ подѣ спашью изъ Вѣны написано , что Сенатъ Сербскїй также хотѣлъ отпра- вить своихъ уполномоченныхъ для догово- ру съ Поршою, что Порша не соглашается начинать съ ними сношенїй , и что Сер- бы , не смотря на то , все еще надѣю- ся , подѣ защитою Россїи , удержишь свою вольность.

*

Въ Монитерѣ помѣщено донесенїе Генера- ла Гопа (кошорой слѣдственнo живѣ оспал- ся) о битвѣ 16 Декабря подѣ Корунною ; оно показываешь , что Англичане равнымъ образомъ присвоивающъ себѣ честь побѣ- ды. „Общояшельства не дозволяющъ на- дѣяться — такъ написано въ донесенїи — чшобы побѣда , коею Провидѣнїе увѣнчало подвиги нашего войска , могла имѣшь воз- делѣнныя слѣдствїя для Великобританїи ; она помрачена смертїю одного изъ лучшихъ нашихъ полководцовъ ; она доспалась намъ послѣ продолжительнаго и многотруднаго дѣйствїя. Выгодное для непрїятеля мѣсто-

положеніе, нынѣшнее соспояніе войска его и превосходство въ числѣ людей лишающѣ насѣ надежды воспользовашься плодами нашего успѣха. Не смотря на шо, пріятно для васѣ, для войска, для цѣлаго опечества оставащься въ сладкой увѣренности, что и при сноль прошивныхѣ обшояшельствахѣ слава Англійскаго оружія незашмилась.“ Въ Монистерѣ однакомѣ прибавлены замѣчанія, которыми доказываешься, что Англійскіе министры обнарудовали подложное донесеніе, дабы шѣмѣ лучше прикрышѣ пагубныя сѣдствія худыхѣ своихѣ распоряженій. Какѣ бы шо ни было, а храбрые Альбіонцы раздумали защищашѣ своихѣ союзниковѣ; они опплыли во свояси, оставивѣ Испанію на произволѣ судьбины. Французы на другой же день вступили въ Корунну, откуда Маршалѣ Сульшѣ немедленно послалѣ въ Ферроль къ начальствующему Испанскому Генералу сѣ пребованіемѣ о сдачѣ. Спустя нѣсколькѣ дней Французы овладѣли и симѣ приморскимѣ городомѣ, очень важнымѣ по выгодному своему мѣстоположенію. Войско обезоружено, крестьяне распущены, упорнѣйшіе мяшежники взяшы подѣ спражу. Въ гавани найдено при военныхѣ корабля о 112 ши, два о 80 ши, одинѣ о 64 хѣ пушкахѣ, при фрегаташѣ и нѣсколькѣ судовѣ меньшихѣ, множество пушекѣ и военныхѣ

припасовъ. Видно Англичане шакъ поропились, что не успѣли увести съ собою Испанской эскадры. Говорятъ, что и въ Лиссабонѣ Англичане, которыхъ шамъ всего на все 4 или 5 тысячъ, собираются въ дорогу. Изъ внутренней Испаніи ничего важнаго неслышно. Сарагосса до нынѣ обороняется храбро; осаждающимъ войскомъ управляетъ Маршалъ Ней.

*

Доходятъ повторительныя извѣстія изъ разныхъ городовъ Нѣмецкихъ, удостоверяющія, будто между Австрією и Францією миръ ненарушился. Между шѣмъ замѣчаемыя движенія по видимому общаются совершенно противное. Французскій корпусъ Генерала Удино, находившійся въ Ганавъ, идетъ къ Аусбургу. Въ Королевствахъ Баварскомъ и Виртембергскомъ набираютъ рекрутъ. Одна часть Баварскихъ войскъ расположилась должна въ Тиролѣ, другая надъ Инномъ, прешья въ верхнемъ Фальцѣ. Въ Майнцѣ, въ Стразбургѣ и даже въ Миланѣ ожидаютъ прибытія Императора Наполеона. Вотъ письмо отъ Князя Прима-са къ Гроссъ-Герцогамъ Баденскому, Гессенскому, Вирцбургскому и къ Герцогу Нассау, изъ Франкфурта отъ 2 го Февраля текущаго года :

„Е. В. Императоръ Наполеонъ, высочайше почтивъ меня собственноручнымъ писаніемъ, препоручаетъ мнѣ объявить всѣмъ Государямъ Рейнскаго Союза о благопріятныхъ для онаго расположеніяхъ, коими Е. В.; какъ сильный Прошекторъ, одушевляется. Испанскія войска истреблены; Англичане оянь сбли на корабли, пошерявши половину войска, лошадей, багажа, военныхъ припасовъ и нѣкопорую часть наличныхъ денегъ. Споль счастливое окончаніе похода и сверхъ того движеніе Австрійи заставили Французскаго Императора возвратишься въ Парижъ. Рейнскій Союзъ еще никогда не имѣлъ причины безпокоишься отъ опасній. Высокій Прошекторъ имѣетъ способности къ охраненію предѣловъ онаго. Императорскій Австрійскій Дворъ върояшно обратишься къ системѣ, непрошивной общему спокойствію; однакожь при нынѣшнихъ обстоятельствахъ весьма нужно, и Е. В. желаетъ, чшобы всѣ Государя, къ Рейнскому Союзу принадлежащіе, выспали свои учаспки войскъ, и имѣли бы ихъ въ готовности къ походу“ и проч.

*

Въ нѣкопорыхъ вѣдомостяхъ, подвспашьею изъ Лондона, написано, что отъ Англійскаго Короля издано объявленіе о причинахъ, оспановившихъ миръ.

ные переговоры. Изъ онаго объявленія оп-
крывается, что Король, усмотрѣвъ не-
возможность переговоровъ, почиаетъ
нужнымъ немедленно сдѣлать извѣстнымъ
се дѣло; ибо мнѣніе о продолжающихся
сношеніяхъ послужило бы полько въ поль-
зу непріятеля. Въ союзникахъ Англїи
могла бы тогда родиться недовѣрчивость;
а для шѣхъ, копорые неприяли еще
твердаго намѣренія, ложное чаяніе мира
также было бы вредно. Когда Королю пред-
ложено было начать сношенія о мирѣ на
условіи *uti possidetis* (*), или на другомъ
какомъ-либо, совмѣстномъ съ честію и
правошою, Е. В. извѣилъ свою гоще-
вность къ началію переговоровъ. Но какъ
съ Испанією не было заключено никакого
пакта по формѣ, то Е. В. далъ знать,
что священнѣйшій долгъ обязываетъ его
неоставлять Испанскаго народа, копорого
правительство должно быть признаваемо
за сторону, имѣющую право на участіе
въ переговорахъ. Франція на шо не согла-
силась, называя Испанцовъ мипежниками.
Такимъ образомъ предложеніе о началіи
мирныхъ переговоровъ ошлось безъ дѣй-
ствія.

12 Марта. К.

(*) Т. е. чтобы договаривающимися сторо-
намъ ошазаться при нынѣшнемъ ихъ вла-
дѣніи.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

АПРѢЛЬ, 1809.

№ 7.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

О томъ, что насъ обманываетъ.

Оргонъ, кошораго ужасно пѣснили въ шеатрѣ, посматривалъ съ безпокойствомъ на людей окружавшихъ его; слѣдовалъ глазами за каждымъ ихъ движеніемъ, за каждымъ ихъ взоромъ; оборачивался во всѣ стороны; боялся, чшобы у него чего нибудь не украли... и въ шу самую минушу выпащили изъ кармана его шабакерку.

„Естьли бы вы, Господинъ Оргонъ — сказалъ ему одинъ знакомый — держали руку въ карманъ, то ваша шабакерка оспалась бы цѣла. Надобно смотрѣшь за самимъ собою, когда желаемъ, чшобы другіе насъ не уловили.“

Безпресшанно говорятъ людямъ: *бегитесь обманщиковъ*; а я напрошивъ

сказалъ бы имъ: берегитесь шѣхъ способъ, копорые вы сами даеши имъ для обмана. Воръ никогда не зайдетъ къ вамъ, ешьли вы заградите для него всѣ входы; запишите *и окна и двери*, и не заботьтесь о томъ, что онъ будетъ бродить около вашего дома. Корабль, крѣпко законопаченный, плаваешь по морю безъ всякой опасности; ешьли пройдетъ въ него вода — что будетъ тому причиною? Конечно не вода, государи мои, но опверстїя.

Обманушїй человекъ жалуется на обманщика и говоритъ: онъ меня обольшилъ! Но для чего же допускали вы къ себѣ обольщителя? Онъ обѣщалъ великія выгоды! Но кому? Не вамъ, а корысполюбію вашему. Для чего же позволяли вы корысполюбію своему слушать его плѣнительныя обѣщанїя? Оно по своимъ обманчивымъ языкомъ извясняло шѣ слова, копорыя, безъ помощи его, не имѣли бы для васъ никакого смысла; оно-по васъ увѣряло, что съ маленькимъ трудомъ и небольшими пожертвованїямъ прїобрѣтете вы чрезвычайно много! Подумайте сами: ешьли бы не пришло вамъ въ голову искашь прибытка; ешьли бы, имѣя досапокъ посредственнїй, но соразмѣрнїй съ вашими желанїями и даже прихотями, не вздумали вы искашь *богатства*: то безъ

вомявнїя слово *выгода* показалась бы вамъ непоняшнымъ; ибо оно предшавило бы разсудку вашему шакую вещь, кошорая не шольно для васъ неполезна, но даже соединена съ пожертвованїями и трудами. Но корысполюбїе, корысполюбїе! Оно — по всему причиною, — оно служило посредникомъ между вами и коварнымъ обольщителемъ; его старался онъ прекломишь на свою спорону! А вы? Чшо дѣлали въ шо время? Для чего позволили обманцику найши желаемое?

Но вошь чшо кажется мнѣ всего забавнѣе! Корысполюбїе довело васъ до глупосши: корысполюбїе и огорчается вашею неудачею и дѣлаешъ вамъ упреки. Всегда видимъ, чшо ша самая спрасшь, кошорая наиболѣе способшвовала насъ обманушь, наиболѣе воспнаешъ и прошивъ обмана; въ эшомъ случаѣ она подобна шѣмъ людямъ, кошорые помогающъ красшь и первыя кричатъ: *разбой!* чшобы избавишь себя отъ подозрѣнїя. Таково сердце челошвка: ешьли уловило его самолюбїе, шо самолюбїе же и оскорбляешся и ропщешъ. Вы наказываете слугу за шо, чшо онъ васъ разсердилъ — другими словами: вы наказываете его за шо, чшо вы сердиты. Но скажише, былъ ли бы онъ наказанъ, ешьли бы вы были шерпѣливѣе? Конечно нѣшъ,

„Одинъ подагрикъ — пишеть Моншанъ — опивчалъ лѣкарю, копорый пребо-
валъ, чшобы онъ не ѣлъ соленаго мяса, чшо
ему непременно надобно на кого-нибудь
жаловашься, и чшо онъ всегда чувспвуетъ
облегченіе, когда укоряетъ въ своей болѣз-
ни шо вешчину, шо солонину, шо языки
говяжьи.“

Спенаніе кажешся необходимымъ для
штѣхъ, копорые спраждуштъ: мы всѣ, сколько
насъ ни ештъ, любимъ жаловашься на дру-
гихъ. Ештли бы надлежало обвиняштъ од-
нихъ себя, шо мы принуждены бы были скры-
вашь досаду въ своемъ сердцѣ. Кшо поды-
маешъ руку, чшобы удариштъ — увѣряешъ
Моншанъ — шому досадно, ештли онъ про-
махнешся. И еще досаднѣе, прибавимъ,
ештли удариштъ самаго себя. Подагрикъ, о
копоромъ упомянуто выше, сказалъ бы охощ-
но: *я испортилъ себѣ желудокъ*; но му-
чась подагрою, онъ говорилъ: *это олтѣ
солонины*. Мы всѣ согласны обвиняштъ са-
михъ себя въ несчастіяхъ мѣлкихъ; напро-
шивъ въ *большихъ* желаемъ обвиняштъ кого
нибудь другаго. Но жалуясь на другихъ, не
даемъ ли мы чувспвовать, чшо глупость,
копорую они заспавили насъ сдѣлаштъ,
слишкомъ велика, и чшо намъ пошому
именно шяжело приняштъ ее на свой щепъ?
Человѣкъ, копорый досадуешъ на другаго,
подавшаго ему вредной совѣштъ, можешъ

сравнишь ся съ бѣднякомъ, который осердился бы на васъ за то, что вы подали ему деньги, которыя онъ принялъ. Васъ обольстили похвалами, слѣдовательно похвалы вамъ нравятся. Федра, исполнивъ совѣщъ Эноны, обременяешъ ее проклящяи:

Льстецы ! ужасный даръ разгнѣванныхъ
Небесъ !

Но кто же велитъ Царямъ принимать отъ Неба эшотъ ужасный даръ ? Осмѣливаюсь (хотя едва ли это будетъ прилично) напомнить вамъ о народной пословицѣ: *осла не заставишь пить, естли онъ самъ не захочеть*. Естли вы не имѣете жажды похвалъ, то можете ли бытъ упоены лестію ? Надобно, чтобы эша жажда была чрезмѣрная, и чтобы вы пили съ жадносцію, ибо вы не чувствуете на языкѣ непріятной горечи. Одна женщина говорила мнѣ, что всякое лестное слово открывало ей какую-нибудь непріятную истинну. „Всѣ восхищались высокимъ моимъ голосомъ; я заключила изъ того, что не могу пѣть пріятно — и перестала пѣть. Хвалили быспрошу и легкость мою въ шанцахъ; я увѣрилась, что не имѣю довольно благородства, и старалась исправить въ себѣ эшотъ недоспашокъ. Однажды спросили у меня: который мнѣ годъ ? Я отвѣчала: *двад-*

цать четыре. — Эшаго не можно вообразишь по вашему лицу! — Я пошчасъ поняла, что въ двадцать четыре года начинаешъ лицо показывать лѣша. Въ шридацать лѣшъ понравилась я нѣкошорымъ мужчинамъ: одинъ хошѣлъ угодишь мнѣ, ушверждая, что женщины въ лѣтахъ нравяшся ему болѣе молодыхъ; а другой, что красота послѣднее дѣло въ женщинѣ. Что же вышло? Я узнала въ одно время, что я и спара и не красавица. Но эши господа хошѣли мнѣ лѣшишь и нравишся.“

Вспомнише грубую лѣшъ спараго Кардинала д'Эпрея, въ присушствѣи кошораго Людовикъ XIV. жаловался, что у него выпали всѣ зубы. *Но у кого есть зубы, Ваше Величество?* сказалъ онъ, показывая шридацать два здоровыхъ зуба свои. Онъ признавалъ однако, что у Короля не было зубовъ. — Другой, прохаживаясь съ шѣмъ же Королемъ по саду въ Марли, сказалъ: *Ваше Величество! здѣшний дожжикъ не мочилъ.* Но онъ соглашался, что въ шу минушу шелъ дожжикъ. Лѣшпецъ никогда не спараешся опровергнушь истинны явной: эшаго было бы для него слишкомъ много; онъ ищешъ шолько согласовать съ нею часшное, собшвенно для него полезное мнѣиѣ; выгода его состоишъ не въ шомъ, чтобы увеличинъ поняшѣе, кошорое

вы имбеше о своемб достоинствѣ, но чшобы увбришь васб, чшо онб чувствувешб его живбе другихб; не вб помб, чшобы сѣкрышь отб васб недоспашки ваши, но чшобы уббдишь васб, чшо онб ихб не видить, или ими не оскорбляешся. Онб обманулб васб на счешб собсшвенныхб своихб чувствб: для чего же вы идеше далбе? — Кларисса! Дорваль увбрешб, чшо смуглосщъ вашего лица прѣшнбе для него Софїиной ослабпшельной бблизны — должны ли вы заключишь изб его словб, чшо вамб надобно носить плашье шакого цвѣша, который приличенб одной шолько Софїи? Дорваль не казалб вамб, чшо смуглыя лица отб всбхб предпочишаемы бблымб, и вы напрасно будеше ушверждашь, чшо введены вб заблужденїе лесшїю Дорваля. Чшо же оставалось вамб дблать? Нрависься Дорвалю шбми прѣшносщями, копорыя нравились одному ему, и не смбшишь другихб своими спранносщями, копорыхб онб никогда отб васб не требовалб.

Л* . . . увбрешб себя, любезный Д* . . ., чшо новая шрагедїя швой, копорую не кошбля приняшь аншеры, лучше Расимовой *Андромати*. Тбмб лучше для него, и я совбшую шebb подарить, и даже посвяшишь благосклонному Л* швой манускрипцб, переплешенный вб сафьянб, сб

золошымъ обрѣзомъ. Но кто принуждаетъ тебя его печалить? Развѣ Л* сказалъ тебѣ, что Публика согласна съ его вкусомъ? Ты одинъ могъ, благодаря своему самолюбію, вообразить, что всѣ образованные люди восхищались швоею шрагедією въ лицѣ друга швоего Л*.

Не говори же: *меня обманули!* но: *я обманулся!* — это выраженіе правильнѣе. Обманщикъ имѣлъ въ тебѣ самогъ искуснаго своего помощника; онъ обманулъ тебя съ собственнаго швоего согласія.

(Съ Французскаго.)

II.

Пристрастіе Сибиряковъ къ конскимъ скачкамъ.

Просвѣщенная Англія славится своими конскими скачками; и кто не слыжалъ про Нью-Маркетскихъ охотниковъ, которые держашъ и проигрываютъ великіе заклады? Но Англія должна въ семъ случаѣ уступить преимущество Сибири, не въ красотѣ и легкости лошадей — это между еще проблема — но въ крѣпости ихъ, и почти неимовѣрномъ перенесеніи шрудовъ. Таковы же въ ней и люди. Нонская

скачка въ такомъ великомъ употребленіи у Киргизовъ, а послѣ нихъ у линейныхъ Козаковъ и прочихъ Сибирскихъ пограничныхъ жишелей, что не проходитъ у нихъ ни одного праздника, ни одного пира (а у кочующихъ въ особенноти свадебъ), къ копорымъ бы не было назначено оной, и къ копорой бы не приготовилось множества охотниковъ, прѣвзажающихъ часпо за нѣсколько сотъ верстъ. Даже просныя женщины съ великою отважностію участвуютъ въ нихъ, держа между собою значительныя заклады, и проигрывая даже домашній скарбъ и свое платье. Самой меньшей бѣгъ назначается отъ 10 до 15 верстъ, а самой большой до 35 и 40; но кочующіе даютъ скачки на 70 и 80 верстахъ — и вотъ когда гордой Оспровишянинъ долженъ опдать лавръ неопряшному Киргизу! Цѣна побѣды, соразмѣряя богатству жишелей, есть также важная. Первому, приснававшему къ цѣли, почти всегда назначается плѣнной Калмыкъ (*); второму кусокъ кармазину; претъему лошадь, и ш. д., а послѣднему непременно сухая конская голова. Приготовленіе лошадей къ сей шрудной службѣ есть по большой часши шайна, строго хранимая охотниками. Уваженіе къ прославившейся многи-

---

(*) Я говорю о Киргизцахъ.

ми побѣдами лошади часпо выходить изъ границъ, и даже дѣлаешся смѣшнымъ. Одинъ опсавной пограничной Офицеръ былъ такой спрашной любитель сей охоты и такой великой почипатель коней - побѣдителей, что лошадь свою, доставившую ему нѣсколько побѣдъ, содержалъ въ одномъ изъ покоевъ своего дома, подлѣ самой своей спальни, чтобы каждый часно видѣть, хорошо ли ее кормить, чистить, колыть, покоить.

Это что-то уже слишкомъ похоже на *Алцибиада*! Но чему дивишься? Калигула и не это еще дѣлалъ.

Н. Малышевъ.

III.

На смерть Біона.

Съ Греческаго.

(Посвящено памяти З. А. Буринскаго.)

Плачьте рощи, плачьте рѣки,

И Доридскія струи!

Нѣтъ Біона! нѣтъ! навѣки

Онъ окончилъ дни свои!

Древа унылыя, шумите состраданьемъ;

Священные лѣса, наполнитесь стenanьемъ!

И миртъ преобращись
Въ печальный кипарисъ!

Душистые цвѣщы, куришесь воздыханьемъ;
Блѣднѣйте розы — вянь нарцисъ!

И ты, о гіацинтъ! въ печальныхъ вѣще-
рочкахъ

Тверди, для горестной молвы,
Свое *увы* (*)!

Оно начертано на всѣхъ твоихъ листочкахъ!

Свершилось! нѣтъ пѣвца!

Нѣтъ пѣсней сладостныхъ вѣнца!

Плачьте Музы! нѣтъ Біона!

Онъ достоинъ слезъ и стона!

*

О вы, спенящіе на вѣшьяхъ соловьи!

Умножьте жалобы свои;

Смушите стонами Сицильскія струи;

Вѣщайте горесть Аретузы,

Вѣщайте скорбь Доридской Музы,

Гласите по лѣсамъ: пѣвца Біона нѣтъ!

Умолкла пѣснь его, на вѣкъ уснулъ Поэмъ!

Плачьте Музы! нѣтъ Біона!

Онъ достоинъ слезъ и стона!

*

И ты, печальный гласъ унылыхъ лебедей!

Несися съ береговъ Спримонскихъ,

И сердцемъ овладѣй

(*) На листахъ гіацинта жилки имѣютъ видъ Греческихъ буквъ: ΑΙ, которыя значатъ *увы*. — Греки называли сей цвѣтокъ *надгробнымъ*, ὁ τῆς θανάτου ἄνθος. Пр. Пер.

Всѣхъ Нимфъ Эагрскихъ (*) и Биспонскихъ (**).

О гласъ! унылый гласъ! въ Зефирѣ пихомъ въи
На берегъ Сицилійскій дальной,
Съ сей вѣспію печальной!

Умолкъ, на вѣкъ умолкъ Доридскій нашъ Орфей!
Плачьте Музы! нѣтъ Біона!
Онъ достоинъ слезъ и стона!

*

Уже не будетъ онъ беречь на паствахъ стадъ;
Уже не спанетъ днемъ искашь въ тѣни про-
кладъ;

Не ляжетъ въ знойный часъ подъ елью,
И Нимфъ, и пастуховъ не усладитъ свирѣлю.
Біонъ сошелъ во адъ, единый лишь Плутонъ
Его волшебныхъ струнъ внимаетъ сладкій
звонъ,

И роци тихія и скромные пригорки,
Какъ будто сѣтуя, молчатъ;
Тельцы и юницы — (для нихъ всѣ травы
горьки) —

Уныло бродятъ и мычатъ.
Плачьте Музы! нѣтъ Біона;
Онъ достоинъ слезъ и стона!

*

И самъ въ уныніи рыдаетъ Аполлонъ
Объ участи швоей, Біонъ;
Сапиры плачутъ безъ надежды,

(*) Музъ. (**) Грацій. *Пр. Пер.*

И Панъ, себя лишась, бѣжитъ въ пустыню
даль ;

Амуры облеклись во мрачныя одежды ,
И долу опустивъ задумчивыя вѣжди ,
Другъ другу во слезахъ швердятъ свою печаль ;
И Нимфы чистыхъ водъ уныніемъ помятса ,
Не волны въ ручейкахъ , но слезы ихъ стру-
ятса .

И Эхо подъ горой ,
Безмолвствуя уныло ,
Біоновъ гласъ забыло ,

Который прежде днемъ и темною порой
Такъ часто повтѣрялъ любило .

Спада лишился пріятнаго млека ,
Печальныя древа плоды свои сронили ;

На розахъ нѣтъ листка ,

Ни въ полѣ нѣжнаго душистаго цвѣтка ;
Соты свой вкусъ перемѣнили . . .

О добрый нашъ Біонъ ! когда увянулъ ты ,
Какіе могутъ быть намъ сладостны соты ?

Плачьте Музы ! нѣтъ Біона !

Онъ достоинъ слезъ и стона !

*

Не столь перзаётся Борей ,
И безутѣшные Дельфины у морей (*) ;
Не столько сѣтуешь въ пустынѣ Филомела ,

(*) Дельфины , видя шрупъ въ волнахъ , сто-
нутъ и проливаютъ слезы ; они чрезмѣрно
любятъ музыку и юношей , которыхъ без-

И Прогна (*) ласпочкой не столь уныло пбле,
Носясь поверхъ зыбей;

Не столько вбжная поскуеѣтъ Гальціона (**)
О миломъ Цеиксѣ, добычѣ Аквилона;

Не столь и Кирилосъ (***) надъ влагой голубой
Спенаеѣтъ мучимый поскою;

Ни пшица Мемнона (****) носяся надъ могилою,

вредно носяшѣ по морю на хвѣстѣ сво-
емъ — когда же юноша ушопаетѣ, то са-
ми отѣ горести умирающѣ. *Плиній*, кн. 9,
глава 8. *Пр. Пер.*

(*) Филомела и Прогна, дочери Пандіона, уве-
зенныя Тереемѣ, кошорый одну заперѣ въ
башню, а другую лишилѣ языка — Боги,
сжалясь, преврашчили Филомелу въ соловья,
а Прогну въ ласпочку. — *Аполлодоръ* кн.
3 глав. 13, §. 7. *Пр. Пер.*

(**) Гальціона, узнавѣ, что супругѣ ея
Цеиксѣ погибѣ въ волнахѣ, плывя въ Дель-
фы, сама св опчаянія бросилась въ море —
Боги преврашчили ихѣ въ спонущихѣ рыбо-
лововѣ. *Овидій* к. XI, баснѣ X. *Пр. Пер.*

(***) Кирилосѣ — пголица — когда соста-
рѣшся, то самка носилѣ его на крылахѣ
своихѣ; кождажѣ одинѣ умрѣтъ, то оста-
вшійся долго наполняетѣ воздухѣ печаль-
нымѣ крикомѣ, взвиваясь надъ водою. *Ари-
стотѣ*. Истор. к. VIII, гл. 3. *Пр. Пер.*

(****) Мемнонѣ былѣ сынѣ Авроры, погибшій
безѣ вбспи — душа его, въ часѣ ноци, при-
лешала пшицею на могилу и спенала —
Аврора зарею выходила искашь сына и про-
ливала слезы, кошорыя преврашчались въ ро-
су. *Плиній* к. X, гл. 26, и *Овидій* Прев.к.
XIII, баснѣ 3. *Пр. Пер.*

Гдѣ сынъ Авроринъ милой,
Не столь свой жалобный возносишь къ небу
стонъ

Среди полунощи унылой:
Сколь плачемъ о тебѣ, о милый нашъ Бѣонъ!
Плачьте Музы! нѣтъ Бѣона!
Онъ достоинъ слезъ и стона!

*

Нескромны ласточки и томны соловьи
Слетѣвшися сбшуютъ на вѣшьяхъ соплемен-
ныхъ;

И горлицы въ тѣни дубравъ уединенныхъ
Питая горести свои,
Печалию перзаясь,

И дружка съ дружкой въ глуши перекликаясь,
Тоскуютъ по тебѣ, Бѣонъ!

И съ эхомъ въ долѣ лешитъ ихъ томный,
тихий стонъ!

Плачьте Музы! нѣтъ Бѣона!
Онъ достоинъ слезъ и стона!

*

Кому свирѣлю швоею насъ пѣвнать?
Кому такъ сладостно Природу воспѣвать,
Простершись на правѣ близъ корня древней Ели?
Кто смѣетъ пронуться божественной свирѣли?
Но въ ней еще есть жизнь, оспалось дуновение,
Осталось нѣжное швое прикосновение;

И Эхо горѣ, любя

О пѣсняхъ сладостныхъ швоихъ воспоминанье,
Твердишь, когда и нѣтъ тебя,

Остатокъ нѣжныхъ словъ и тихое спенанье!
Не богуль пажитей свирѣль твою вручить?
Но Панъ и самъ твоей свирѣли убоится,
Чтобъ, взявъ ее, вторымъ Біону не явишься —
Возрись и — замолчишь.

*Плачьте Музы! нѣтъ Біона!
Онъ достоинъ слезъ и стона!*

*

Печальная, въ слезахъ, о пѣни своемъ,
Въ тебѣ привыкнувши зрѣшь новаго Орфея,
Рыдаешь нынѣ Галагея!

На руку преклонясь, въ уныніи своемъ,
На берегъ морскомъ словамъ твоимъ внимала,
И даже Ациса въ восторгъ забывала.

О пасшырь нашъ! ты пѣлъ не такъ, какъ
Полифемъ!

Прекрасная въ волнахъ Циклопа убѣгала;
Но для тебя, Біонъ, и волны оставляла;
Днесъ, взоры обративъ въ уныніи къ волнамъ,
Забыла о пельцахъ, бродящихъ по лугамъ.

*Плачьте Музы! нѣтъ Біона!
Онъ достоинъ слезъ и стона!*

*

И Музы, по тебѣ поскуя, не поютъ,
Безмолвны надъ твоей безвременной могилой;
Спенящи Граціи вѣнки на гробъ твой выютъ;
Эроты, потушивъ свой пламень, слезы льютъ;
Забавы, Радости и Смѣхъ сокрылся милой.
Гдѣ страстный поцѣлуй на пламенныхъ ус-
тахъ

Прекрасныхъ юношей , и сельскихъ дѣвъ сны-
дливыхъ ?
На зѣвъ увялъ Біонъ — и все по немъ въ сле-
захъ !

Его во дняхъ щасливыхъ
Юпитерова дщерь ,
Небесная Киприда ,
Любила навѣщать , какъ прежде Адонида.
О Меласъ ! возмущись шоской , ручьямъ въ
примѣръ ;

Скончался новый швой Гомеръ ,
И Калліонинъ гласъ умолкъ шеперь на вѣки:
Тогда отъ горести свой шокъ смутили рѣки,
И на брегахъ швоихъ поросъ печальный мохъ!
Теперь другой швой сынъ , Біонъ богоподобной,
Окончилъ дни судьбою злобой;

И шы струями слезъ излился и изсохъ.
Не обаль пѣніемъ прелестны ?
Не обаль Нимфамъ водъ любезны ?
Тотъ лирой звучною гремя ,
Ужасны брани пѣлъ,
И яростныхъ Героевъ ;

Апридъ и Менелай съ Ахилломъ , въ шумѣ
боевъ ,
Сражались въ стихахъ , опецъ пѣщевъ , швоихъ
За дщерь Тиндарову прекрасну !

Біонъ не брань ужасну ,
Но Пана воспѣвалъ въ швереніяхъ швоихъ ,
Пастушекъ , пастуховъ , ихъ радости , ушѣхи,
Любви шомленье и ушѣхи ,

Плѣнялъ игрою духъ!

Онъ самъ любилъ поля, самъ нѣжный былъ
пастухъ.

Онъ пѣлъ тѣнистыя дубравы и пещеры,
Училъ въ невинности блаженство находить,

И былъ любезенъ для Венеры

За то, что самъ умѣлъ любить!

Плачьте Музы! нѣтъ Біона!

Онъ достоинъ слезъ и стона!

*

Не столько Аскра, славный градъ,

Спеналь о смерти Гезіода!

Ты болѣ стоишь слезъ, чѣмъ Пиндаръ для
народа!

Тебя оплакала, Біонъ, сама Природа!

Когда Алкей сошелъ во адъ,

Не столько было слезъ въ селеньяхъ Беопій-
скихъ,

Не столько во градахъ Лезбійскихъ,

Не столь Каинскій градъ оплакивалъ пѣвца!

И Сафо страстная, плѣнявшая сердца

На лирѣ Мишиленской нѣжной,

Не столько истощила слезъ,

Подвергшись смерти неизбѣжной;

О пастырь! по тебѣ и міръ рыдаетъ весь!

Рыдаетъ Теоокритъ, рыдаютъ Сиранузы!

Прими и отъ меня дары Авзонской Музы!

Ты пѣснямъ пастуховъ училъ,

Ты славной жизнію справу свою прославилъ,

Ты чадамъ по себѣ сокровища оставилъ,
А мнѣ свирѣль вручилъ.
Плачьте Музы! нѣтъ Біона!
Онъ достоинъ слезъ и стона.

*

Увы! придетъ зима, и всѣ цвѣтны въ садахъ
Фіалки, розы, розмарины,
Лилеи, ландыши, ясины,
Завянушъ на грядкахъ;
Но лишь весенніе зефиры вновь повѣютъ,
Они покажутъ шебельки,
Разкроютъ ижные листки
И вновь разцвѣвши запестрѣютъ,
Въ долинахъ, на горахъ —
А мы, гордясь умомъ и славнымъ прѣсновѣ-
емъ,
На вѣкъ постигнуты ужаснымъ разрушенемъ,
Изпадемъ — глубоко лежашъ въ землѣ нашъ
прахъ!
Такъ, другъ нашъ, пакъ и ты подъ глыбою
земною

Покойся вѣчно съ пишиною!
Теперь для Нимфъ лѣсныхъ
Играетъ Вапрахъ на свирѣли:
Комужъ его пріятны прѣли?
Одинъ противный звукъ! нѣтъ жизни болѣ
въ нихъ!

Плачьте Музы! нѣтъ Біона!
Онъ достоинъ слезъ и стона!

*

Твои безднны дни пресѣкѣ жестокой ядѣ;
О небо! какѣ могло швое прикосновенье,
Твоихѣ волшебныхѣ успѣ едино дуновенье,
Иль швой единый нѣжный взглядѣ
Не превратишь его въ небесный нектарѣ сладкій?
Какой злодѣй пресѣкѣ швой вѣкѣ, для насѣ
шоль крапкѣй,
И милаго пѣвца низвелѣ во мрачный адѣ?
Плачьте Музы! нѣтъ Бѣона!
Онѣ достоинѣ слезѣ и стога!

*

Но Парка всѣмѣ грозишь — шаковѣ усташѣ
Небесѣ!

Почто же я, сѣ душой унылой,
Томлюся надѣ швоей безвременной могилой?
О ешьли бы я могѣ, какѣ древнѣй Геркулесѣ,
Сойши во мракѣ подземный,
Или сѣ Улиссомѣ зрѣшь престолѣ Плутоновѣ
гнѣвный,
Тогдабѣ узналѣ я шамѣ,
Поешь ли ты Богамѣ?

Воспой Сицильску пѣснѣ безжалосшной Гекатѣ:
Она любила пастуховѣ,
Пѣвнялася не разѣ еогласьемѣ ихѣ стиховѣ,
Простершись Эпины на покатѣ!
Воспой! не щещенѣ будетѣ гласѣ!
Преклонишь кѣ жалости подземнаго владыку!
Такѣ пѣснѣ Орфеева по аду разнеслась,
И возвратила Эвридику!
Такѣ ты, о дивный нашѣ Бѣонѣ!
Смягчишь Судебѣ законѣ,

И возвратишься вновь на Пиндѣ и Геликонѣ.
О естли бы со всей пріятностью возможной,
Какъ сладостный Орфей, печаль воснѣшь я могѣ
Тогда бы самъ подземный Богъ
Для друга моего распорѣ
Законѣ на Спиксѣ непреложной!

Н. Кошанскій.

IV.

*Александръ Великій передъ
смертью.*

Я Богомъ чшилъ себя . . . а завтра буду
прахомъ!
И урна малая вмѣститъ въ себѣ того,
Кому былъ пѣсенъ міръ, кто былъ вселен-
ной спрахомъ! . . .
Чтожь слава намъ даетъ? Что пышность?..
Ничего! . . .

*

Превратность спрашная! Быть спутникомъ
Беллоны,
Въ пріумфѣ, въ торжествѣ къ безсмертію
лѣтъ,
Сюпами попирашь и скиптры и короны,
Давашь законъ Царямъ . . . . и послѣ уме-
реть! . . . .

*

И странникъ надъ моею пустынною могилою,
Которой, можешъ быть, никто не будетъ
знать,
Въ часъ тихой полночи придетъ съ душой
унылой
О жалкой суетѣ величія вздыхать!

*

Льстецы! гдѣ вы теперь? . . . Къ одру Ца-
ря придите!
Вы, кои отъ меня скрывали правды свѣтъ!
Здѣсь видѣть грозную, здѣсь знать ее дер-
зайте!
Изъ гроба моего она мнѣ вопіетъ:

*

Владыки жадшіе! народы угнетенны!
Ликуйте! вашъ тиранъ не Богъ, а человекъ!
Вселенной властелинъ и рабъ его презрѣнный
Предъ смертію равны! равно скончаютъ
вѣкъ! . . .

*

Но . . . я любилъ добро! И злобою гонимый
Во мнѣ надежную защиту обреталъ! . . .
И жертва зависти . . . смиришь, непобѣдимый!
Предъ смертными великъ, предъ вѣчностью
ты малъ! . . .

Съ Фран. Анд. Раевскій,
(Воспит. Унивѣр. Пансіона).

V.

Бракъ по разщету.

(Гогартова каррикатура.)

Когда живописецъ Гогаршъ издалъ въ свѣтъ каррикашуру, названную имъ *ta-riage a la mode*, шо всѣ пришли въ недоумѣнїе, не зная, на кого цѣлилъ художникъ. Списокъ его имѣлъ разительное сходство со многими оригиналами. Лордъ X и Мисприсъ Q имѣли пакія же причины почишанья его своимъ порпешомъ, какъ и Баронъ Z и Сиръ Y, и Милади Abcacadabra. Нѣкопорые находили въ немъ Испорїю своей жизни, другїе вѣрное для себя предсказанїе. Ушверждающъ, что Гогаршъ имѣлъ образецъ своимъ Лорда В . . . И пакъ не онъ виновашъ, что съ нимъ случилось шо же, что съ нѣкопорымъ проповѣдникомъ, копорый, чияшая поученїе о супружествѣ, сказалъ, что броситъ книгу свою въ невѣрнаго мужа, замахнулся — и вдругъ увидѣлъ сошни двѣ мужскихъ головъ, наклонившихся для избѣжанїя удара.

Вошъ первая картина — (вся испорїя *Брака по разщету* заключаешся въ шести) (*). Вы видите горницу, велико-

---

(*) Пяшь изъ нихъ будутъ помѣщены въ Вѣстникѣ съ объененїемъ.

лѣпно убранную, съ богатыми мебелями; за споломъ сидѣшъ два челоѡвка: одинъ спарѡ и вѡ подагрѡ; другой нѣсколько моложе, по крайней мѣрѡ здоровъ и крѡпокъ. Первый, по еспъ подагрикъ, Его Сїяшельспво Графѡ Шкуандерфильдѡ (*), еспъ челоѡѡкъ знашнаго происхожденїя, опѡ всѡхъ признаннаго древнимъ, благородспва неоприцаемаго, хранищагося вѡ прародительскомъ сундукѡ подѡ видѡмъ пергаменнаго свипка, обремененнаго пѡшью или шеспью печашьми. Другой не иное что, какъ прспшой купецѡ съ кредитомъ и полновѣснымъ благородспвомъ мѡщковъ, шуто набишыхъ гинейми, временный Шерифѡ города Лондона, слѡдспвенно именуемый: *Ваше Благо родіе*. Чемъ они занимающся? Пишущъ или подписывающъ условїе, копараго содержанїе и пункты слѡдующїя. Графѡ Шкуандерфильдѡ нажилъ подагру не даромъ: онъ заплашилъ за нее всѡмъ своимъ имѡнїемъ; ноги Его Сїяшельспва распужли, а кошелекъ опощаль. Благородный Шерифѡ имѡетъ маленькое приспраспїе къ знатности и чинамъ; но по несчастїю вѡ жилахъ и аршерїяхъ его прародителей ешоль же много мѡщанскаго и прспшонароднаго, сколько вѡ сундукахъ его Книжескаго,

---

(*) Squanderfield, слово соспавленное изъ двухъ: *to Squander* распощать и *field* поле, недвижимое имѡнїе.

и даже, еспьли хопише, Царскаго. Между ими происходишь мѣна: одинъ усшупаетъ мѣщанскую поновѣсность своихъ гиней за благородную пушпшу именипаго Графскаго кошельна; другой соглашается промѣняшь благородство Графскаго произхожденія на щещный, кимвальный звонъ мѣщанскаго золоша — и вошь какимъ образомъ: Его Сіяшельство опѣдаетъ купеческому семейству вѣкошорую часть драгоцѣнной Графской крови въ лицѣ единороднаго сына своего Виконша Шкуандерфильда, а Господинъ Шерифъ усшупаетъ Его Сіяшельству свои сундуки, прилагая къ нимъ молодую дочь, наслѣдницу безчисленнаго богатства, съ шѣмъ однако условіемъ, чшобы именованный Виконшъ Шкуандерфильдъ судебнымъ порядкомъ совершилъ продажу своей знатности именованной дочери Господина Шерифа. Крѣпость написана и подписана; скоро приложена будетъ печашъ: зажженная свѣчка споишь на столѣ; но она оплываетъ: худое предвѣщаніе для совершающихъ купчую.

Просимъ разсмотрѣшь ихъ внимательнѣе. Шерифъ заняшь своимъ дѣломъ: скажетъ, что онъ приклеенъ къ шѣмъ кресламъ, на которыхъ покоишься егѣ шуловище; ноги его упирающся въ полъ, какъ корни; подошвы его башмаковъ не усшу-

наюшъ въ прочности его кредиту. А ноги Его Сіяшельства — увы! ихъ горестное положеніе не ошвѣчаетъ ли хилости его кредита? Правая почти во гробъ, уже обвернута саваномъ, а лѣвая печально выглядываетъ въ маленькое окошечко своего лазарета.

Шерифъ читаетъ надпись свадебнаго контракта — и читаетъ съ такимъ вниманіемъ, какого Его Сіяшельство безъ сомнѣнія не удостоило и самаго содержанія этой бумаги. Читаетъ съ такимъ напряженіемъ никогда не научишься надъ книгами, а рзвѣ только опъ привычки занимаясь великими идеями, копорыя заключаюся обыкновенно въ векселяхъ и закладныхъ. Впрочемъ возможно и то, что не одна заботливость причиною такого внимательнаго чтенія. Вспомните, что въ надписи находися магическія слова: *The Right honorable Lord Viscount* (Его Сіяшельство Лордъ Виконтъ) — А кто это? Будущій зять! А чемъ будешь со временемъ это? Будущій зять? Графомъ, Лордомъ, именитымъ Членомъ Верхняго Парламента и прочее и прочее. Кто же не задумается, желая мысленно обнять такое величье? И пакъ не удивляйтесь, что Господинъ Шерифъ погруженъ въ глубокое размышленіе, имѣя предъ

глазами своими прошу надпись свадебнаго контракта !

По лѣвую руку Шерифа споймѣ вър-
ный, добросовѣстный, побѣдѣвшій надъ
щесами Бухгалшерѣ его. Онѣ исполни-
тель прѣдѣла, и вручаетъ Его Сїяшель-
ству оцѣ имени Господина своего то, что
въ этомъ домѣ называется истинною до-
черію Шерифа. Надобно бытъ совершен-
нымъ Философомъ, чтобы шакъ равнодушно
смотрѣть на сполѣ, на кошоромъ произхо-
дитъ обрученіе. Банковыя ассигнаціи, уни-
занныя многозначущими нулями, какъ
жемчугомъ воспочнымъ, пооняся на гру-
дахъ гиней, и къ нимъ прикладывающя
другія въ шакомъ же великолѣпномъ уб-
ранствѣ. Мѣшки, начиненные червонца-
ми, лежатъ подъ рукою Бухгалшера, го-
ловыя перейши на половину Его Сїя-
шельства. Но самое важное находится въ
лѣвой его рукѣ, съ надписью : mortgage.
Это закладная, въ силу кошорой все Граф-
ское имущество находилось, шакъ сказать,
въ подданствѣ Шерифа. Бухгалшерѣ, от-
давая ее Графу, смотришь съ любопыш-
ствомъ ему въ лице, желая насладиться
шѣмъ впечатлѣніемъ, кошорое необходи-
мо должно произвести на душѣ его возвра-
щеніе шамиственной бумаги.

„Извольте принять эту закладную — говоритъ Бухгалтеръ — въ ней заключается все имѣнiе Вашего Сiяшельства.“ — Подарокъ важный, но привѣшпствiе Господина Бухгалтера нѣсколько щекошливо. Его Сiяшельство долженъ вооружить себя всею своею значностию, чшобъ не унижить при семъ случаѣ высокаго своего сана. Хорошо — говоритъ онъ — *соглашаюсь* принять! но чувствуете ли, что эта бумага опворяетъ купеческой дочери входъ въ семейство Графа и Лорда; а съ вашимъ мѣщанскимъ домомъ — продолжаетъ онъ, положивъ правую руку на плечу пуговицу шпшаго своего камзола — соединяетъ то, что движется подъ эшимъ золошымъ шпшемъ, и (указавъ на родословную) эшотъ Ливанскiй кедръ, 700-лѣтнее мое дворянство, короче, единороднаго моего сына, будущаго Графа и Лорда! И чшобы сильнѣе почувствовать, какой перевѣсъ могли имѣть эти слова Его Сiяшельства надъ *дѣйствиетемъ* Господина Шерифа, надобно представить себѣ воспочную пышность шѣхъ обшряшельствъ, въ коцорыхъ произнесены были они пономѣ Могола или Далай-Ламы. Старый Графъ сидитъ на креслахъ, подъ балдахиномъ, упрощеннымъ Графскою короною; по правую и по лѣвую сторону креселъ споятъ его коспыли, шакже съ коронами: они на

время въ опшпавкѣ, ибо Его Сїяшельствѣ покойнїся на богашомѣ комнашномѣ шронѣ, можешѣ бышѣ самомѣ великолѣпномѣ изѣ шѣхѣ, на кошорыхѣ когда-либо удавалось сидѣшѣ подагрѣ во дни шоржешвеннаго предспавленїя. Сїяшельная нога, обвишая пеленами, лежишѣ на скамейкѣ, весьма покойной и шакже украшенной Графскою короною. У лѣвой ноги развернуша родословная и пресмыкаешся на полу славный *Вильгельмъ Завоеватель*, вооруженный съ ногѣ до головы; онѣ смопришѣ съ удивленїемѣ на шо вѣшвиспое дерево, кошорому шуловище его служишѣ вмѣсто корня, и кошорого золошья яблоки украшены каждое Графскою короною. Бѣдный Шерифѣ! чшо значишѣ нимвальнїй звонѣ минушнихѣ швоихѣ гиней передѣ звучащею шрубою пысячалѣшняго дворяншва? Замѣшимѣ однако, чшо шакон предметѣ не очень ушѣшшеленѣ для мѣщанскихѣ очей Шерифа, и я не совѣшую ему смошрѣшѣ вѣ очїи на родословное дерево. Онѣ увидишѣ — увы! онѣ увидишѣ, чшо грозный Вильгельмѣ ошпрымѣ мечемѣ своимѣ ошрубилѣ ошѣ него одинѣ сучокѣ, едїшшвенно за шо, чшо висящее на немѣ коронованное яблоко соедїнено съ другимѣ некорованнїмѣ.

Позади Шерифа предспавляется вамѣ ибдїная чѣща — жейихѣ и невѣщїа — ии

natura. Съ перваго взгляду замѣштите вы, что ихъ сердца какъ будто опвращены одно отъ другаго. Онъ, ш. е. женихъ, погруженный въ задумчивость — нюхаетъ шабакъ, и улыбка, едва мелькающая на уссахъ его, показываетъ, что онъ совершенно доволенъ самимъ собою, при совершенномъ усыпленіи души и шѣла. Онъ сидитъ, но положеніе его весьма безпокойное, признайшесь сами; голова его обращена къ зеркалу, можетъ быть пошому, что это зеркало находится не на шой сторонѣ, на кошорой находится его невѣста. Онъ слышитъ — не говорю слушаетъ — позади себя нѣкошорый миспическій шопотъ, о кошоромъ сказано будетъ нѣсколько словъ послѣ. Не лзя не улыбнушсь, сравнивъ эшу ломкую глиняную куклу съ шѣмъ вѣковѣчнымъ, желѣзнымъ Норманомъ, отъ кошораго происходитъ она по прямой линіи. Что, ешлы бы храбрый, пламенный, честолобивый и не совсѣмъ мягкосердечный Вилгетельмъ на минушу воскреснулъ и вдругъ явился посреди пошомковъ своихъ съ шѣмъ грознымъ мечемъ, съ кошорымъ изобразили его на родословной картѣ: куда бы дѣвались и именишый Лордъ съ своими коронованными кошпылями, и сахарный его наслѣдникъ съ своею богашою шабакеркою, богашымъ кафшаномъ, богашыми кружевными манжешами? Одинъ поржнулъ бы

въ опкрышное окно, а другой легко бы могъ очупишься подъ шѣмъ споломъ, которыи обремененъ шеперь гинеями и вексеями. Довольно. Прошу васъ обратишь вниманіе на невѣсшу! Добрай Гименей, какимъ волшебствомъ удалось шebb соединишь шакую согласную чешу? Согласную? Но въ чемъ же? Безъ сомнѣнія въ шой искренней независии, которую и *онъ* и *она* пишающъ другъ къ другу. А прочее? Сравнише ихъ. *Онъ*? Съ перваго взгляду покажешся и гибокъ и ловокъ; Аншиной и Адонисъ не могли бы съ шакою пріятностію нюхашъ шабакъ. Одна рука его играешъ шабажеркою, другая шабакомъ. — *Она*? Посмотрите, какъ сгорбилась: рука ея, шочно деревянная, играешъ обручашельнымъ кольцомъ, вздѣшымъ на шонкой башишповый плашокъ — выдумка оспроумная! — она играешъ и вѣчно будешъ играшъ обручалымъ кольцомъ своимъ, а шмѣстѣ съ нимъ и мужемъ. *Его* лице — не выразишельно, эшо правда; но вы замѣшише въ немъ образованность, *ушонченную*, свѣшскую, чшо-шо пріятное, не говорю для чувсшва, но прошо для зрѣнія. *Ея* лице — какая прошивудолжность! Избави Богъ всякаго добраго Хриспіанина ошв нѣжной половины, одаренной шакою вывѣскою злосши, упрямсшва, грубосши, шупоумія! Въ самомъ положеніи любовниковъ замѣшише вы шю же не-

сходство, какое нашли въ ихъ лицахъ! И онъ и она *сидятъ* — но какая разница! онъ нажешся на воздухъ; можете принять его за Бога весны, лепящаго на легкомъ ушренемъ облакъ! Она — всмопритесь — не можете ли напомнить вамъ о какомъ-нибудь усердномъ носильщикъ, копорый уложивъ въ коробъ свои вещи, садится на него, чшобы придавить и удобнѣ запереть крышку.

И такъ по правую сторону красавицы сидитъ женихъ. А по лѣвую — кто бы? Конечно претендентъ? Истинное Гражданское достоинство эшаго чловѣка есть Прокураторъ: онъ чинитъ перо, копорымъ долженъ переписать практактъ. Но думаете ли, что онъ забудетъ о шайныхъ пунктахъ? Нѣтъ! и въ эту самую минуу предлагаетъ онъ ихъ шайиншвеннымъ своимъ шопомъ кому слѣдуетъ. Не опасайтесь! они не будутъ опвергнушы. Имя претендента есть Silvertongue, Господимъ *Златоустъ*. И въ самомъ дѣлѣ, видя, съ какимъ вниманіемъ слушающъ его шакія уши, копорыхъ вѣроятно не прогаешъ никакая гармонія въ свѣтѣ, подумаете, что чистое золото бѣжитъ изъ устъ его сшруею. Но посмоприте же на лице невѣсты: какое грубое, сердитое, непріязненное вниманіе на немъ написано! не засшавитъ ли онъ

васъ подумаешь, что отецъ ея разбогашѣлъ или отъ наковальни кузнечной, или отъ рыбной ловли.

Въ сценѣ, происходящей на канаве, заключаешь (позвольте мнѣ это выраженіе) сѣмя, долженствующее со временемъ произрасти обильный плодъ, или лучше сказать, искра, копорая (какъ послѣ увидимъ) произведетъ ужасный, разрушительный пожаръ. Гогаршъ, не желая ничего открывать прежде времени, спарается нѣкопорыми разительными чертами, заимствованными имъ изъ собственнаго, ему одному извѣснаго языка живописи, объяснишь для насъ то, что можешь показаться намъ щемнымъ. Вы видите почти у самыхъ ногъ молодого Виконша другую чепу, неуступающую въ нѣжности и согласіи первой — двухъ собакъ, мужа и жену. *Онъ*, облагородствованный шщемпелемъ Графской короны, копорую можешь замѣнить на лѣвомъ его боку, кажешся нѣсколько обвешшальнымъ и длахлымъ; *она*, вѣрояшно, просшая мѣщанка, пошому что не имѣетъ на боку Графской короны, живѣе, моложе, не чувствуетъ склонности ко сну, особливо въ такое время, когда шоварищъ ея, съ копорымъ она обручена цѣпочкою, прикрѣпленную къ ихъ ошейникамъ, дремлетъ. Плуповка одворошилаь, и можешь быть глаза ея

ищущъ какого-нибудь — *Прокуратора*. Далѣе — надъ самымъ канаве видите вы подсвѣшникъ; вѣшяи, на кошорыхъ ушвержены два шандала, переплелись — слѣдовашельно и здѣсь производитъ обрученіе; но свѣчи горятъ шакимъ же холоднымъ огнемъ, шакимъ и наспоющіе женихъ и невѣсша — шо еспь, совсѣмъ не горятъ. Можешъ бытъ однако и шо, что онѣ представляющъ въ аллегорическомъ образѣ самаго Прокуратора, кошорый, какъ вы уже видѣли, командуешъ лѣвымъ флангомъ: онѣ еще не горятъ, но скоро зажгущся.

Теперь посмотрише на открытое окно — вы увидите передъ нимъ другаго Прокуратора въ черной маншїи. Онѣ держитъ въ лѣвой рукѣ планъ новаго дома, кошорый Его Сїяшельство началъ строитъ; сравниваешъ причину и дѣйствїе: и его удивленїе шакъ неумѣренно, что носъ почти сполкнулся съ подбородкомъ, а въ пальцахъ на правой рукѣ сдѣлалась судорога. Есмьли эшо удивленїе непришворное, шо мы должны непременно думать, что господинъ Юриситъ имѣешъ и вкусъ юридической, шо еспь необразованный и грубый — ибо фасадъ Графскаго дома самый безобразный и несогласный съ правилами архипещуры. Сами посмотрише на эшу громаду: на верху чешыре колонны, въ низу шри;

пѣдспалы не иное что, какъ камни, протро округленные; окна въ нижнемъ этажѣ треугольныя; у самага главнаго фасада находилса темный карешный сарай, съ полукруглымъ окномъ и съ белведеромъ, похожимъ на древній Греческой храмъ. Но Гогартъ разшворилъ окно не для того, чтобы увѣришь васъ, что Его Сіяшельство совсѣмъ не имѣетъ вкуса при всей неисчерпаемой своей распочишельности; онъ хочетъ сказать вамъ другими словами, что кошелекъ его совершенно изчахъ, что ему *нечемъ* достроить начашаго имъ великолѣпнаго зданія: вы видите, что на подмошкахъ нѣтъ ни одного работника! Тѣ люди, которые шапаются по двору, не иные что, какъ дневные воры, то есть, домашнiе, праздные, елѣдовашельно бесполезные служители Его Сіяшельства, или зрители, которые, въ честь Вильгельма завоевателя, смѣются глупому вкусу великолѣпнаго его попомка.

Теперь обратимъ вниманiе на каршины, украшающiя стѣны оброчальной комнаты. На каждой изъ нихъ изображено какое-нибудь плачевное происшествiе. Война, убiйство, мученiе, попомъ, моровая язва, пушна, комеша — все это служитъ какъ будто необходимою принадлежностiю оброченiя. Что ешлы бы Генрику IV, наканунѣ его стовора, какая-ни-

будь доброхопная ворожея показала подобную коллекцію пророческихъ картинокъ, удалось ли бы Французамъ сыграть черезъ нѣсколько времени шу свадьбу, копорая намъ извѣсна именовъ Вареломеевской ночи? Не думаю. Но важные полипики, изображенные у насъ на картинѣ, углублены всемъ сердцемъ въ свой расчесы, не замѣчаютъ предсказаній печальныхъ, и роковое обрученіе совершается своимъ порядкомъ. Оставимъ ихъ въ покоѣ, и спашемъ разсмаширивать картины.

Надъ самую голову жениха видишь вы Свяпаго Лавреншя, идущаго по неволѣ на брачное ложе, шо еспь къ коспру, на копоромъ сожгутъ его въ пепель. Ему опѣвчатъ Каинъ, копорый, умершвивъ Авеля надъ головою Господина Злашоуста, кажешся, говоритъ ему на ухо: берегись! не сдѣлайся брапоубійцею! Далѣе, надъ головою Св. Лавреншя, побѣненіе Виелеемскихъ младенцевъ проповѣдуетъ намъ объ ужасѣ дѣпоубійства. Эшой картинѣ опѣвчатъ Прометей, напоминающій спраданіемъ своимъ о помѣ моральномъ яспребѣ, копорый закрадываешся иногда вовнушренность у челошескаго сердца, и называешся у просполодиновъ совѣспію. На другой спѣнѣ видишь вы Гдѣафа съ опрубленною головою; подъ нимъ, съ одной спороны, опвалилась голо-

ва опѣ Олоферновыхъ плечъ, а съ другой С. Савасшянъ, привязанный къ дереву, служишь цѣлю для стрѣлковъ изъ лука. Довольно крови. Ужасныя, къ несчастію необманчивыя предсказанія!

Теперь просимъ нашихъ чинашелей удостоить особеннаго вниманія эту большую картину, въ рѣзныхъ рамахъ, изображающую вишязя, коңорой одинъ занимаешь сколько мѣста, сколько потребно бы было для чепырехъ испорій убійства. Это поршрешъ Героя, принадлежащаго къ фамиліи Шкуандерфильдовъ. Кто хочешь не слышашъ, а видѣшь много шуму, спужу и грому, шощъ подойди къ этой картинѣ. Герой, украшенный парикомъ, имѣющимъ великое сходство съ громовою шучею, находишься посреди сраженія, передъ войскомъ — не знаешь на вѣрно, гдѣ эшощъ *передъ* — назади ли, напередъ ли, съ праваго или съ лѣваго боку? Онъ держишь перунъ и, конечно ошибкою, въ лѣвой рукѣ. Одежда его развѣвается какъ метеоръ, вмѣстѣ съ ужаснымъ хвостомъ его парика — земной кометы, коңорая, кажешся, имѣешь нѣкоңорое соперничество съ небесною, изображенною надъ самою головою Героя. Внизу видишь шрешью комету, пушечное ядро, вылетающее съ громомъ и пламенемъ изъ пушеч-

наго жерла: подумаешь, что въ карманѣ Героя открылся вулканъ, и что въ эту минушу происходишь его первое погубительное изверженіе.

На пошолкѣ изображенъ Фараонъ, ушешающій съ войскомъ своимъ въ Черномъ морѣ. Царская колесница поешъ надъ самую голову Прокуратора — послѣдствіе открыешъ, не должно ли и эшо причислено бышь къ шѣмъ ужаснымъ предвѣщаніямъ, копорыя со всѣхъ сторонъ окружаюшь будущаго Лорда и его будущую супругу.

Лихтенбергъ.

VI.

О дружбѣ Государей.

Первый, кто вздумалъ ушверждать, что Государя не могушь имѣшь друзей, долженъ былъ конечно имѣшь хорошее, но также могъ имѣшь и самое злое намѣреніе. Хорошее — ешъли хошѣлъ онъ обратишь вниманіе Государей на собшвенныя ихъ недосшашки: легкомысліе, гордосшь и своенравіе, опѣ копорыхъ они весьма часшо лишашушь себя многихъ высочайшихъ благъ; и злое — когда хошѣлъ ожесшочить ихъ прощавъ

человѣчества и совершенно истребить въ нихъ желаніе, а вмѣстѣ съ онымъ и пріятную надежду, сбръсши когда-нибудь шо, чего напрасно по сіе время они искали.

Естьлибъ Государь одаренъ былъ чувствительною, возвышенною, опкровенною душою; естьлибъ онъ имѣлъ шакой характеръ и духъ, копорые соединяли бы въ себѣ всѣ опличительныя и достойныя любви качества, качества, наиболѣе служащія къ утвержденію между людьми сладостнаго и священнаго союза: шо почему бы одинъ только онъ долженъ былъ щещно просиращь ко дружеству обьяшя; почему для него единственно не находилось бы подъ солнцемъ шакого существа, копорое съ радостнымъ воспоргомъ могло бы въ нихъ устремиться!

Въ помѣ мнѣніи, о копоромъ упомянули мы въ началѣ, кажется справедливымъ только шо, что Государь, естьлибъ онъ былъ и совершенный во всѣхъ опмошеніяхъ челоѣкъ; естьлибы имѣлъ характеръ, неподверженный ни малѣйшему недоспадку, сердце чистое и непомраченое никакими порочными свойствами или злыми спрасьями — (предположимъ возможность шакого челоѣка) — встрѣчаешь всегда несравненно болѣе прудности въ пріобрѣ

наніи себѣ истиннаго друга, нежели прочіе обыкновенные люди. Мы видимъ, что всѣ шѣснялся къ нему съ великою жадностію — разница между ими только та, что корыстолюбцевъ гораздо наспопелельнѣе въ своемъ исканіи, нежели мужъ прямо благородный, чистый душою и сердцемъ, истинный ревнитель счастья и славы своего Государя. Посмотрите же на человека частнаго: его ищешь одинъ только шовъ, который имѣешь къ нему шайное, вдохновенное самою Природою влеченіе, или уважаешь его моральныя качества. Государю — чтобы въ безчисленномъ множествѣ шолпящихся вокругъ его людей, изъ которыхъ каждый спарается принять на себя личину ревностнѣйшаго усердія и любви къ общему благу, справедливо оплчишь лицемѣра отъ прямодушнаго, просто пріятнаго собесѣдника отъ истинно доброжелательнаго друга — нужно имѣть болѣе, нежели обыкновенную проицательность, прибавимъ: нужно быть — счастливымъ.

Но ешьялибъ Государь по особенному шакому - шибудь счастию успѣлъ сдѣлать самый лучший и справедливѣйшій выборъ, то спрашиваю: какимъ образомъ онъ могъ бы въ шомъ удосновѣриться, дабы въ полношѣ наслаждаться своимъ благомъ? Какъ

различить ему, не подвергая себя заблужденію, то, что происходитъ прямо отъ дружества, и то, гдѣ дѣйствуетъ одна личная польза; что дѣлается собственно изъ любви къ особѣ Монарха, и то, что дѣлается для пріобрѣтенія какихъ нибудь выгодъ, соединенныхъ съ его благосклонностію?

Положимъ, что другъ не требовалъ бы **н**его никакой награды, что онъ не домогался бы ни степени высшаго, ни богатства, ни знаковъ отличія; положимъ даже, что онъ и тогда, когда бы всѣ сїи преимущества были ему предлагаемы, отказался бы отъ нихъ съ твердостью, считая ихъ совершенно бесполезными для своего благополучія — все это могло ли бы служить удостоверительнымъ, неоспоримымъ доказательствомъ безкорыстія дружбы его? Та сила и то уваженіе, которыми пользуются въ обществѣ люди, коронно связанные съ Государемъ, не много ли уже значатъ для человека благоразумнаго, но вмѣстѣ и честолюбиваго? И подъ личиною совершеннаго безкорыстія не можешь ли иногда скрываться величайшее корыстолюбіе?

Но что вы скажете, еслили другъ Монарха окажется многія важныя, и можешь

бышь, съ чрезвычайными опасностями сопряженные услуги, не только Государству, но и самому Государю своему непосредственно? — Пусть будущъ сїи услуги споль велики и споль соединены съ опасностями, сколько угодно! Человѣкъ съ понимѣмъ проицанїемъ и совершеннымъ знанїемъ людей (шакъ обыкновенно называющъ въ свѣтѣ недовѣрчивость къ добродѣтели и честности) легко нашелъ бы и въ нихъ много сомнительнаго, по крайней мѣрѣ для него не явнаго.

Великія услуги пребующъ великихъ наградъ; а шощъ, кто можешъ награждать, естъ Государь. Какимъ же образомъ узнать, одна ли шолько собшвенная польза Монарха, или упомянутыя награды наиболѣе находились въ виду у человѣка, оказавшаго шѣ услуги? Скажущъ, можешъ бышь, что онъ истинно благомыслящїй, безкорыстный, превосходный человѣкъ. Пусть шакъ! но можешъ бышь онъ дѣйствоваль изъ одной патріотической любви къ опечеству, коего судьба споль шѣсно соединена съ судьбою Государя; можешъ бышь онъ совершенно равнодушенъ къ Монарху, котораго, съ опасностію собшвенной своей жизни, изхипилъ изъ рукъ непрїательскихъ; можешъ бышь никогда не помыслилъ бы онъ наименовать его своимъ

другомъ, есѣли бы пишубъ: Государь, не расположилъ его къ нему совсѣмъ иначе. Безъ личной привязанности, безъ истиннаго, сердечнаго участія въ жребіи любимаго челоѣка нѣтъ дружбы; не надобно, подобно *Кратеру*, любить въ Государѣ единственно Государя, но въ то же время надлежитъ любить въ немъ и челоѣка, подобно *Эфестіону*: въ такомъ только случаѣ можно по справедливости называться другомъ *Александра*.

Оставимъ умствоваць людей, желающихъ умствоваць — чувство, что я достоинъ моего друга, и нѣкошорая, внутренняя, Напурою даруемая способность быть истиннымъ другомъ, способность, кошорую ни описать, ни сообщить не возможно, но кошорая, съ ясностію всякаго другаго чувства, постигаетъ предметы ей подлежащіе, отвергнувъ сіи бесполезныя умствования, приведутъ *признательнаго* друга, въ воспоргъ живѣйшій благодарности и съ полнымъ любовію сердцемъ, въ объятія друга *благодѣателя*.

Герцогъ *Вандомъ*, осаждая *Шпейн-кирхенъ*, зашелъ въ самую средину сраженія, и вдругъ увидѣлъ за собою камердинера своего *Камлистрона*. „Что тебѣ надобно?“ воскликнулъ Герцогъ. — „Сказашъ, вамъ, милоспивый Государь, чтобъ вы оцѣ-

„сюда удалились; что здесь не ваше мѣсто.“ Голосъ и видъ добродушнаго Кампистрона обнаруживали внутреннее его волненіе. Положимъ, что и подъ симъ опличнымъ доказательствомъ приверженности, сколь ни очевидно, кажется, происпекало оно изъ сердца, скрывались какія-нибудь намѣренія корысполубія — но можноли бы было простишь Герцогу, естлибъ онъ самъ способенъ былъ подозрѣвать что-нибудь подобное? Въ жару сраженія могъ бы онъ приказать честному и великодушному Камлистрону удалиться, приказать даже съ досадою, которая была бы для него шѣмъ естественнѣе, чемъ болѣе понравилось бы ему чувство вѣрнаго служителя; но естли бы, возвратившись въ свою палашку, онъ могъ не пожать ему руки съ благодарностію, со слезами, по былъ ли бы онъ достоинъ называться Принцемъ?

Государю, для того чтобы удостовѣриться, что онъ имѣетъ истинныхъ, безкорыстныхъ друзей, надлежало бы находиться въ такомъ положеніи, которое, безъ сомнѣнія, не можетъ быть пріятно; надлежало бы, подобно Карлу, Англійскому Королю, заключену быть во мрачную темницу и ожидать поносной казни; или, подобно Антонію, Королю Португальскому, лишену быть не только престола,

но даже и самой надежды когда-нибудь возвратишь престола — въ такомъ только случаѣ позналъ бы онъ цѣну и силу прямого дружества, которое не въ благополучіи, но въ бѣдствіяхъ испытывается. Когда бы дружба соединена была съ такими же опасностями, каковымъ, на примѣръ, ожесточеніе фанатиковъ подвергало ее въ отношеніи къ первому; или ненависть и подкупленные убійцы Филиппа, въ отношеніи ко второму — тогда только доказательства ея не были бы подвержены ни малѣйшему сомнѣнію.

Гамильтонъ, который прежде, изъ любви къ Королю Карлу, пренебрегалъ вѣрную гибель, и наконецъ самъ заключенъ былъ въ Виндзоръ, искалъ и нашелъ средство увидѣть своего несчастнаго друга въ ту самую мину, когда сей послѣдній долженъ былъ идти въ заключеніе мимо дверей Гамильтоновой палаты. „О Государь!“ воскликнулъ Гамильтонъ, упавъ къ ногамъ своего Монарха и обнимая колѣна его дрожащими руками. „Ты истинно любилъ меня, ошвыщивалъ Карлъ, прижавши къ сердцу и цѣлуя съ горячностію своего великодушнаго защитника. Ихъ разлучили — и Гамильтонъ залился слезами. Карлъ по справедливости былъ достоинъ сего чрезвычайнаго доказательства дружбы; увидѣвъ однажды че-

ловѣка, носящаго праурѣ по другѣ своемѣ, умерщвленномѣ Рыцарѣ Карлѣ Люкасѣ, онѣ горько заплакалѣ. Слезы, шѣмѣ болѣе достопамятныя, говоришѣ Юмѣ, что Карлѣ, при всѣхѣ необыкновенныхѣ нещаспїяхѣ своихѣ, никогда не имѣлѣ слабости плакати.

Надпись, вырѣзанная въ Парижѣ на памятникѣ Португальскаго дворянина *Діега де Воллелло*, принадлежишѣ къ числу самыхѣ прогашельныхѣ, канїя только мнѣ извѣстны. Антонїй Португальскїй, свергнушый сѣ престола жестокосердымѣ Филиппомѣ, Королемѣ Испанскимѣ, шщещно употреблялѣ всѣ возможныя средства, дабы возвратишѣ сѣбѣ потерянную корону. Послѣ проиграннаго имѣ кропролишнаго сраженїя при Алканшарѣ, увидѣлѣ онѣ себя принужденнымѣ спастись бѣгствомѣ; окруженный опасностями, укрываясь сѣ величайшимѣ шрудомѣ отѣ бдительности Филипповыхѣ шпїоновѣ, и долго прешерпѣвая чрезвычайныя бѣдшвія, Антонїй имѣлѣ наконецѣ шастїе перейши за границу своихѣ владѣнїй. Единшвеннымѣ содушникомѣ его въ семѣ бѣгшвѣ и вѣрнымѣ соучастникомѣ всѣхѣ горестей и шсраданїй былѣ *Діега де Воллелло*. Надпись говоришѣ, что онѣ происходилѣ отѣ Королевско-Богемской крови; что былѣ родоначальникомѣ Португальской фамиліи своего имени; что извѣ одной любви къ

своему Королю оставилъ опечесство, ближнихъ, супругу, дѣшей, словомъ, все, что было для него драгоценно, и что ни прозбы, ни предложенія самыхъ важнѣйшихъ должностей или наградъ не могли ни поколебать его дружбы, ни убѣдить его возвратиться въ отчизну. По смерти несчастнаго Антонія, котораго пережилъ почти двенадцатью годами, онъ пребылъ вѣрнымъ самому праху его. Любовь его споль была велика, что даже и въ это время не захотѣлъ онъ возвратиться въ Португаллію, но оселся въ Парижѣ единственно для того, что въ немъ погребенъ былъ любезный его Антоній. Послѣднія слова, произнесенныя симъ великодушнымъ и безпримѣрнымъ другомъ предъ самою его кончиною, были шѣ, чтобъ кости его положили непременно подъ ношей его Монарха и друга.

*Изъ Энглева Зерцала Государей,
А. Л. . . .*

VII.

Письмо къ Издателю.

Я видѣлъ нынѣшнею ночью сонъ, который спвшу сообщить вамъ, надѣясь, что вы не откажетесь помѣстить его въ

вашемъ Журналѣ. Сны — говорящѣ умные люди — бывающѣ иногда посылаемы съ неба — и я, признашья, начинаю думать, что сонъ мой имѣетъ происхожденіе небесное. Увидите сами! Но прежде позволю мнѣ сдѣлать маленькое предисловіе, нужное для объясненія нѣкоторыхъ общепельствъ.

Не далѣе какъ вчера ввечеру находился я въ одномъ обществѣ, гдѣ разговаривали о разныхъ моральныхъ предметахъ, и между прочимъ о любви супружеской. — Дамы, по обыкновенію своему, отдавали женщинамъ преимущество передъ мужчинами въ поспоянствѣ и вѣрности. Одна изъ нихъ доказывала это примѣрами изъ Испоріи, и вспомнила анекдотъ (конечно извѣстный и вамъ) объ осадѣ Генсберга, спасеннаго женщинами, которыя, получивъ отъ Конрада III позволеніе выйти изъ города со всѣми принадлежащими имъ драгоценностями, вынесли на плечахъ — своихъ мужей. Что, спросила краснорѣчивая Философка, посмошрѣвши на насъ съ торжественнымъ видомъ, найдете ли въ Россіи хотя одинъ городъ, изъ котораго мужа, въ случаѣ осады, вынесли бы на плечахъ своихъ женъ? Увѣряю васъ, что вы ни одного не найдете. Напрошивъ, наши мужа (надобно замѣшить, что эта

Дама была замужняя) обрадовались бы ша-
 кому прекрасному случаю отъ насъ из-
 бавишься. — Никшо не опвѣчалъ ни сло-
 ва. И кто позволилъ бы себѣ оспаривать
 женщину? Но я, признаюсь, слушая ша-
 кія клеветы на мужчинъ, терзался душею,
 и наконецъ долженъ былъ уйти изъ эша-
 го общесства, чѣобы не показаться ни чу-
 дакомъ, ни вздорнымъ.

Возвращаюсь домой, ложусь въ постеле-
 лю, засыпаю, вижу сонъ — удивитель-
 ный! Вижу, будто я въ Москвѣ — ша-
 какъ и теперь — и будто Москву оса-
 дили Ташары! Жители доведены до край-
 ности — городъ принужденъ здаваться —
 Военный Губернаторъ опсправляется въ ла-
 геръ Ташарскаго Хана Узлу-Кузлу, и пред-
 лагаетъ ему условія здачи. Господинъ
 Узлу-Кузлу принимаетъ его весьма уч-
 шиво; но, по примѣру *Кондрада III*,
 даетъ свободу однѣмъ только женщинамъ
 (замѣсьте, замужнимъ) оставишь городъ,
 взявши съ собою драгоценнѣйшя свои
 вещи. Военный Губернаторъ возвращается
 въ Москву, и объявляетъ черезъ полицію
 пребываніе Гна. Узлу-Кузлу. Спрашная су-
 мяпица въ городъ! Мнѣ любопышно было
 видѣшь, что сдѣлають наши женщины, и
 я — извѣсно вамъ, что во снѣ бываетъ все
 возможно — прошедши невидимкою черезъ

лагерь Его Ташарскаго Высочества, остановился на шомъ пригоркѣ, который назначенъ былъ для сборнаго мѣста Москвитянокъ. Я ждалъ не долго: вороша городскія опшорились; вижу процессію женщинъ, и сердце мое запрепешало отъ неперпнїя. Первая, приближившаяся къ пригорку, кряхтѣла подъ спрашнымъ мѣшкомъ — остановилась — развязала его — „Вошъ, думаю, вышацишъ она изъ мѣшка мужа!“ — Извинише, мѣшокъ наполненъ былъ фарфоромъ, Кипайскими куклами, *сюлризами* и новыми Французскими романами. Другая въ самомъ дѣлѣ несла на закоркахъ мужчину — „Слава Богу, воскликнулъ я, это мужъ!“ — Но я обманулъ — это былъ любовникъ. У прешей порчала за плечами смуглая рожица — это меня обрадовало! „Супругъ швой не хорошъ собою, подумалъ я, но пы предпочипаешь наружности душу!“ — Посудите же, милоспивый государь, о моей досадѣ: на спинѣ у Лукреціи сидѣла обезьяна! Четвершая везла на себѣ огромный каршонъ съ Французскими шляпками; пяшая попугая, копенка, двухъ мосекъ, подспавныя свои зубы и дюжину банокъ помады. Одна шацила на маленькой шележкѣ большую кису червонцевъ. Мужу моему, сказала она мнѣ, семдесяшь лѣшъ, въ добавокъ онъ болелъ, ему не долго жить: чшобъ дока-

запѣ ему искреннюю мою любовь, взяла я съ собою шаковую вещь, кошорую всегда почиталъ онъ выше своей жизни. У одной сидѣлъ на спинѣ спаршій ея сынъ — ужасная повѣса, кошораго мать, изъ безразсудной горячности, предпочла доброму супругу, двумъ милымъ дочерямъ и другому достойному любви сыну.

Въ двухъ шамахъ не описалъ бы я вамъ всѣхъ женщинъ, кошорыя въ разныхъ уборахъ, и съ разными ношами, приходили ко мнѣ на приговоръ. На землѣ вокругъ меня лежали кучами леншы, плашья, шляпки, пузырьки съ духами, бонбоньерки, ридикюли, коробочки съ облапками, цвѣшныя бумажки, и между прочими бездѣлками два или три мужа. Послѣдняя, пришедшая на сборное мѣсто, ша самая, кошора я наканунѣ шакъ сильно воспала прошивъ мужчинъ, выходя изъ дома, положила — было на плеча мужа и большой каршонъ съ Французскими кружевами; но у засшавы почувшвовала усшалось, бросила мужа, и ушла съ однимъ каршономъ.

Хороши вы — подумалъ я и опправился назадъ въ Москву, желая испышашъ вѣрность любезной моей половины. Я встрѣтился съ нею у самыхъ воротъ моего дома — и что же увидѣлъ ! Вообразите мое

бѣшенство, милосливый Государь! Бросивъ дѣшей своихъ — дочь и сына — моя Лукреція паццла на плечахъ учителя Француза, которому плашимъ мы тысячу руб. единственнo за то ,что онъ, обжираясь вашими соусами, поносилъ въ присутствіи нашихъ дѣшей Россію и говоря объ Рускихъ, кричилъ: oh! les barbares! oh! les barbares!

Я ахнулъ, хотѣлъ броситься на жему и укусилъ ее... но, въ несчастію, проснулъ. Господинъ Издапель, не можешъ ли разшолковать мнѣ, что значилъ этотъ панинственный сонъ?

Лукьянъ Буриловъ.

VIII.

О краснорѣчіи Исланцевъ.

Испанской языкъ, вмѣстѣ со многими другими новѣйшими языками, соспавилъ изъ испорченнаго Латинскаго — причиною пому полагаютъ нашествіе варваровъ. Арабы, завоевавшіе Испанію, ввели въ нее и свой языкъ, которой сдѣлался собственностію побѣжденнаго народа, отъ чего произошли въ Испаніи нѣкоторымъ образомъ два народныя языка. Примѣру Арабовъ и сообщенію съ ними Испанцы обя-

заны шѣмъ, что начали писать прежде прочихъ націй. Ни одинъ народъ въ началѣ вѣраго - надесять вѣка не имѣлъ столько Поэмъ, Исторій и разнаго рода сочиненій, какъ Испанцы. Завоеваніе Толеды Арабами (сей городъ можно назвать Афинами Арабовъ) составляетъ первую эпоху успѣховъ Испанскаго языка; славныя училища Толедскія не только не упали подъ владычествъ Арабовъ, но еще болѣе сдѣлались цвѣтущими, особенно въ послѣдствіи, при Христіанскихъ Государяхъ. Фердинандъ и сынъ его Альфонсъ X, прозванный *мудрымъ*, усовершенствовали сіи заведенія и много содѣйствовали образованію народнаго языка, повелѣвъ перевести съ Латинскаго на Каспильянскою спарыя жалованныя грамоты Государей, привилегіи и всѣ публичныя акты, и выдавъ на семъ языкѣ собраніе законовъ. Если бы Испанія произвела въ сіе время такихъ же Геніевъ, каковы были: Дантъ, Петрарка и Бокаччо, то Испальянцы, можетъ быть, не прославились бы возстановленіемъ наукъ.

Кондильякъ утверждаетъ, что въ шестомъ - надесять вѣкѣ во всѣхъ странахъ, также какъ и въ Италіи, Ученые пренебрегали опечесшвенными языками, копорые всѣ, болѣе или менѣе, были смѣ-

шаны съ дурнымъ варварскимъ нарѣчѣемъ. Аббашъ Андресъ не безъ причины замѣчаетъ, что въ этомъ ошъ всѣхъ другихъ націй ошличается Испанія, въ которой дѣйствительно процвѣтали въ сіе время: Гарсилассо, Олива, Гранаша, Цюриша, Моралесъ, Саяведра, Серваншесъ и многіе славные писатели, очиспившіе и усовершенствовавшіе языкъ Испанской. Италія и Испанія соединены были тогда различными отношеніями полицики и коммерціи. Самой характеръ Испанскаго языка, его обороты, его фигуры, сдѣлались ближе всѣхъ прочихъ къ Итальянскому. Ошъ сего родилось въ XVI столѣтїи великое сходство между Литтературою сихъ двухъ націй, которыя обрабатывали съ равномѣрнымъ успѣхомъ какъ мертвые, такъ и собственнѣйшій свой языкъ. Слогъ писателей другихъ націй сего вѣка грубъ, или слишкомъ древенъ. Французы, Нѣмцы и Англичане въ наши времена спыдаются писать такъ, какъ писали славнѣйшіе соотечественники ихъ въ XVI вѣкѣ; напрошивъ Испанцы и Итальянцы почиашъ и понынѣ образцами слога шѣхъ писателей, которые процвѣтали въ сіе время. Другія націи были еще грубы и болѣе походили на варваровъ; у Итальянцевъ и Испанцевъ былъ золотой вѣкъ Литтературы.

Липшерапура Испанцевъ подвержена была такому же множеству измѣненій, какъ и Италіянская. Но можно сказать, что писатели Испанскіе шестнаго - десяти столѣтія, написанные, также какъ и Италіянскіе, членіемъ Латинскихъ авторовъ, заимствовали отъ нихъ и духъ и силу, не будучи раболѣпными ихъ подражателями, какъ Италіянцы; они не старались перенимать у нихъ стѣхъ принужденныхъ переспановокъ въ словахъ и той запушанности періодовъ, отъ копорыхъ Италіянское краснорѣчіе сдѣлалось и вяло и шрудно; ихъ проза вообще гораздо натуральнѣе, пріятнѣе и болѣе имѣетъ гармоніи, нежели проза Италіянскихъ писателей одного съ ними времени.

Семнадцатый вѣкъ былъ эпохою испорченнаго вкуса у той и у другой націи; но Испанія имѣетъ болѣе причинъ жаловаться на сію эпоху, нежели Италія. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, когда Италіянская Липшерапура казалась вообще зараженною худымъ вкусомъ и ложнымъ духомъ Марини и его подражателей, въ ней были многіе великіе писатели, какъ на примѣръ: Кіабрера, Тассони, Сегнери, Реди, Магалопши и проч.; она можетъ гордиться Галилеемъ и его знаменимыми учениками, копорые многочисленными

своими открытіями въ наукахъ разпространили полезныя познанія между другими народами. Испанія напрошивъ не имѣла ни одного Философа и почти ни одного писателя, который умѣлъ бы предохранить себя отъ худаго вкуса своихъ современниковъ. Босканъ, Гарсилласо Леонъ, въ началѣ предшествовавшаго вѣка сообщили Испанской Поэзіи шу пріятность, по благородство, которыя были неизвѣстны и Менъ и другимъ древнѣйшимъ Испанскимъ Поэтамъ. Она сохранила сей блескъ до начала XVII столѣтія; Аргензола, Виллегасъ послѣдніе представили Испанскихъ Музъ со всѣми ихъ прелестями и важностію. Проза имѣла такіе же успѣхи, какъ и Поэзія; Олива и другіе писатели шестнадцатого вѣка, попомъ Сервантесъ, Рибаденейра, Саяведра и прочіе, процвѣтавшіе въ началѣ слѣдующаго столѣтія, воспользовались всѣми сокровищами языка своего, и ни сколько не уронили его величія; но скоро излишняя упонченность, ложныя мысли, принужденность, надупость и темнота выраженій обезобразили языкъ Испанской. Славный Граціанъ, процвѣтавшій въ сіе время, изобразилъ въ Разсужденіи своемъ о полнотѣ разума свойство общеннаго своего вкуса и духъ своихъ современниковъ. Онъ говоритъ, что Генію Испанскому прошивно ограничивать себя

одинакимъ правильнымъ ходомъ; что Сенека и Марціалъ лучше образцы вкуса; и что переходить робкою сполою отъ доказательства къ доказательству, и выводить наконецъ изъ нихъ заключеніе, не что иное, какъ игра младенчества Грековъ. Между писателями, появившимися въ царствованіе Филиппа III и Филиппа IV, отличаются Боргіа Князь Шаласной, Графъ Револледо, Пелицеръ и знаменитый Антоній Соласкій. Гигантской ходъ, надушость, почти равняющаяся богатству выраженія, высокой поучительный тонъ, излишнее изобиліе мыслей — вотъ что замѣчается въ самыхъ лучшихъ произведеніяхъ сего вѣка!

Знаменитѣйшіе писатели Испанскіе сего времени не могли избѣгнуть тѣхъ недостатковъ, которые находимъ въ произведеніяхъ ихъ предшественниковъ. Лузанъ первой попытка возстановить хорошей вкусъ въ Испаніи, подражая древнимъ и стараясь поступать по ихъ правиламъ. Его предпріятія способствовали: Антоній Пизарръ и Августинъ Монсіано. Послѣ нихъ Гарція, Гюерпа, Моншенгонъ, Іаріарше и прочіе, возвратили Испанскимъ Музамъ нѣкоторую часть ихъ прелестей и величія. Мигнана, Феррерасъ, Бюериль писали Исторію съ такою просто-

ною, съ такимъ благородствомъ и разсудительностью, что могли пославлены бытъ на ряду съ лучшими Испориками шестнадцатидесять сполбшя. Майаншъ, Сармѣнто и прочіе образованностью своего вкуса и основательною крипиною исправили умы своего времени, и краснорѣчіе не было уже болѣе обезображено ни игрою словъ, ни дѣтскимъ вишійствомъ, ни педантическою ученостью. Худой вкусъ, казалось, оспался на одной только каедрѣ; но острья и забавныя крипики П. Иса, и примѣры Галло и Боканегра, преобразовали духовное краснорѣчіе, и возвратили Священному Писанію всю важность и силу, ему приличную.

Съ Франц. П. С — въ.

ПОЛИТИКА.

IX.

Новѣйшая Статистика Россійской Имперіи.

*(Письмо изъ С. Петербурга отъ
1 Февраля.)*

Посылаю вамъ новѣйшее статистическое обозрѣніе великой нашей Имперіи, сочиненное подъ надзоромъ ученыхъ мужей въ началѣ текущаго года.

I. О б ш и р н о с т ь .

Европейская часть сей неизмѣримой Имперіи содержишь въ себѣ 82,695 миль квадратныхъ, Азіатская 228,000, обѣ вмѣстѣ 310,000. Изъ нихъ почти третья часть лежишь за 60 мь градусомъ сѣверной широты; слѣдственно менѣ другихъ удобна къ населенію. Въ числѣ остающихся за 210,000 миль квадратныхъ по общему мнѣнію третья часть почищается неплодородною; и пакъ должно принять въ счѣтѣ только 140,000 м. кв., изъ коихъ еще надлежишь выключишь обширѣйшія поверхности горъ, на 50 или 60

тысячъ миль простирающіяся. Слѣдственно Россія вмѣщаетъ въ себѣ плодородной земли 80,000 миль квадрашныхъ. Россія почти столько же пространства занимаетъ въ Европѣ, сколько всѣ прочія государства; Азіатская Россія составляетъ болѣе нежели прешью часть всей Азіи, и съ лишнимъ вдвое болѣе достальной части Европы. Вся Россія почти равняется половинѣ всей Азіи; она съ лишнимъ втрое болѣе достальной части Европы; составляетъ седмую часть всего земнаго шара, и почти равняется всей видимой нами лунной поверхности. Часть новой восточной Пруссіи, присоединенная по Тильзитскому договору къ Имперіи Россійской, или область Бѣлоспожская, вмѣщается въ пространствѣ 4800 миль кв. и содержитъ въ себѣ 335,638 жителей. Новопріобрѣтенная Финляндія не включена въ семъ обзорѣнїи. Еверская область, усупленная по мирному договору и никогда несоставляющая части Россійской Имперіи, содержитъ въ себѣ отъ 5 до 6 кв. миль и 14,580 жителей.

III. Число жителей.

Простой способъ узнавать число жителей посредствомъ дѣйствительнаго счисленія въ Россіи неупотребляется; но есть другіе способы получить свѣдѣнїе о семъ важномъ предметѣ Статистики. Ко-

гда замѣчена пошребность вѣдашь о числѣ народа; съ тѣхъ поръ начали дѣлать сравненія между количесвами ежегодно родившихся, умершихъ, сочешавшихся и шакъ далѣе; такимъ образомъ открышо, что и здѣсь, гдѣ многое по видимому зависишь ошъ людскаго произволу, напура печешся, чтобы ея намѣренія были исполнены, и чтобы вѣчные законы сохранялись ненарушимо. Найдено, что между оными количесвами ешь нѣкопорыя почныя пропорціи, во всѣхъ земляхъ и во всѣ времена однообразныя съ малою шолько ошмѣною, и служащія къ извлеченію одного количесва изъ другаго. Такимъ образомъ изъ данныхъ количесвъ выводишь заключение о числѣ жишелей въ Россіи.

Списки о раждающихся и умирающихъ жишеляхъ, Греко - Россійскую вѣру исповѣдующихъ, объявляемые ошъ Свяшѣйшаго Синода, по видимому весьма шцательнао сосшавляющся. Въ 1801 мѣ, 1802 мѣ, 1805 мѣ и 1806 мѣ годахъ количесва родившихся были: 1,179,476. 1,304,471. 1,358.287. 1,346,165; умершихъ: 726,271. 638,374. 789,818. 845 503. бракомъ сочешавшихся: 298,158. 299,037. 311,798. 273,778. И шакъ раждалось болѣе нежели умирало: 453,205. 616,097. 568.469. 500.662. или полагая круглымъ числомъ, въ каждой годѣ болѣе 500,000.

По правиламъ полимической Арифметики, многими опытами подтвержденнымъ, принявъ можно, что въ каждомъ государствѣ изъ 36 ши жипелей ежегодно умираетъ одинъ, и что число ежегодно умирающихъ къ числу раждающихся содержица какъ 100 къ 127, по естъ что къ 28 чело-вѣкамъ ежегодно одинъ прибываетъ. И пакъ помноживъ число умершихъ 36 ю, а число родившихся 28 ю, найдемъ количе-ство жипелей въ Россіи.

Въ 1801,	26,145,756.	или	33,025,328.
— 1802,	24,781,464.	—	36 525, 88.
— 1805,	28,433,448.	—	38,032,036.
— 1806,	30,438,108.	—	37,692,620.

Большое несходство между произведе-ніями только отъ того происходитъ, что въ Россіи умираетъ меньше, а раждает-ся больше, нежели въ другихъ государ-ствахъ, и еще можеть быть отъ того, что не всѣ умершіе вписываются въ приход-скія книги; ибо не лзя думать, чтобы въ спискахъ было выславляемо больше крещаемыхъ, нежели сколько родилось. Кажеться, ближе подойдемъ къ истинѣ, придерживаясь послѣднихъ количествъ. Возмемъ однакожь среднее число между обоими произведеніями, а именно положимъ въ 1801мъ году 29,585,542, въ 1802мъ

30,653,326 , въ 1805мѣ 33,232,742 , въ 1806мѣ 34 065,364 ; и по сему разсчету къ числу жителей ежегодно прибавляется болѣе 500,000, слѣдственно теперь въ Россіи должно полагать 35 милліоновъ чело-вѣкъ , исповѣдующихъ Греческую вѣру.

Сюда причислишь еще должно: 1е. губерніи, населенныя жителями другихъ исповѣданій , а именно : Курляндскую , Лифляндскую , Естляндскую , Финляндскую , Вишескую , Могилевскую , Минскую , Кіевскую , обѣ Лишовскія , Волынскую и Подольскую; 2е. народовъ магомешанской вѣры и идолопоклонническую, живущихъ въ Азіатскихъ и нѣкопорожныхъ Европейскихъ губерніяхъ; 3е. людей разбѣянныхъ по всѣмъ губерніямъ , а особливо въ С. Пешербургской, и содержащихъ разныя исповѣданія Христіанской вѣры; совокупное число ихъ конечно составило бы цѣлую губернію. Всѣ сіи люди, содержащіе разныя исповѣданія , кромѣ магомешанъ и идолопоклонниковъ , составляютъ четвертую часть жителей всѣхъ губерній , или прешью часть показанныхъ выше 35 милліоновъ жителей Греческаго исповѣданія , слѣдственно 12 милліоновъ ; а обѣ суммы въ сложности составляютъ 47 милліоновъ , къ коимъ надобно еще прибавишь магомешанъ и идолопоклонниковъ. Принявъ боль-

шее изъ первыхъ двухъ произведеній, по-лучимъ 52 милліона, а меньшее — 42 милліона. И такъ число жителей въ Россіи навѣрное проспиралось до 42 милліоновъ.

Рекрутскіе наборы подають другое средство съ нарочитою точностію опредѣ-лить число жителей въ Россіи. Въ 1803мъ году взято было изъ каждыя пяти сотъ мужеска пола душъ по два рекрута, а весь наборъ доставилъ 62,153 человека для сухопутнаго войска и 14,000 для флотовъ, всего 76,000 человекъ; по сему видно, что число жителей мужеска пола состо-яло изъ 19ти милліоновъ, слѣдственно изъ 38ми милліоновъ душъ обоого пола. Прибавивъ къ тому многочисленныя со-словія и народы, свободныя отъ пославки рекрутъ, получимъ по крайней мѣрѣ 40 милліоновъ, изъ коихъ 4 милліона при-надлежатъ къ Азіи. Изъ того слѣдуетъ, что во всей Россіи вообще на каждую квадратную милю причисляется по 136 человекъ, въ Европейской Россіи по 462 человека, а въ Азіатской только по 18ти. По сему открывається, что Европейская Россія принадлежитъ къ числу странъ, имѣющихъ самое малое населеніе, но что однакожь она населена вдвое чаще, неже-ли Швеція и Норвегія. Народо-населеніе въ Россіи столь разнообразно, что въ нѣ-

которыхъ частяхъ ея на одной квадрашной милѣ живешъ 2,200 человекъ, а въ другихъ только 10.

Вообще полагаешся, что на прехъ десятинахъ (morgen) о 180 ши Рейвландскихъ квадрашныхъ сажений земли посредственно плодородной можешъ безъ нужды пропишашся одно семейство. Ежели приняшь 4 пакія десятины, то причнешся по одной на каждого человека; слѣдственно одна квадрашная миля, содержащая въ себѣ 21,604 десятины, можешъ продовольствовать 21 тысячу жителей. Если вмѣсто ихъ приняшо будешъ только 12 тысячъ человекъ; то выдешъ, что въ Россіи, которая вмѣщаетъ въ себѣ по крайней мѣрѣ 80,000 миль квадрашныхъ земли самой хорошей и плодородной, могушъ доспачно пропишашся 960 милліоновъ жителей, то ешь число въ двадцать разъ большее нынѣшняго народонаселенія. — Если положимъ, что число жителей нынѣ состоишъ изъ 40 милліоновъ, и что ежегодное приращеніе ошъ полу - милліона будешъ продолжатся въ одинакой пропорціи; то черезъ 56 лѣшъ народонаселеніе удвоишся, а черезъ 32 года возрастетъ до 60 ши милліоновъ.

Въ другихъ государствахъ шрешья часть народа живешъ въ городахъ; въ Рос-

еѣи живешъ въ городахъ только осмая доля. А какъ въ городахъ умираешъ людей гораздо болѣе, нежели въ деревняхъ; по симъ и обьясняется, ошъ чего въ Россіи число рждающихся превосходнѣ числа умирающихъ, нежели въ другихъ государспвахъ. Въ Россіи считаешся только 746 городовъ, и въ нихъ 5 милліоновъ жителей. Если выключишь большіе города съ однимъ милліономъ жителей; по останешся почти 730 малыхъ городовъ, на каждой изъ нихъ круглымъ числомъ причшется по 5,500 жителей. — Передъ симъ за сто лѣтъ число народа въ Россіи проспиралось только до 12ти милліоновъ; сѣе число съ того времени болѣе нежели упріилось. Положимъ, что завоеваніями прибрѣшено 9 милліоновъ; однакожь все открываешся, что число жителей ошъ внутренняго размноженія въ шрое увеличилось. Кажешся, такое приращеніе и нынѣ продолжается безоспановочно.

III. Доходы.

Государспвенные доходы ежегодно проспираются до 109ти милліоновъ рублей; слѣдспвенно на каждого жителя причтаешся по 2 рубля 60 копѣекъ. Изъ всѣхъ Европейскихъ областей только одна Швейцарія можешъ хвалишься счаспьемъ своимъ, будучи обложена смоль же малыми пода-

стями. Петръ Великій при началѣ своего правленія нашелъ только 5 милліоновъ рублей ежегоднаго дохода, которые при немъ послѣ возрасли до 9ми милліоновъ.

IV. Сухопутная сила.

Въ послѣднее время царствованія Петра Великаго 1724 года войско Россійское состояло изъ 108,000 человекъ; въ томъ числѣ 43,000 было конницы. Въ 1747 году въ войскѣ считалось уже 32,000 конницы и 130,750 пѣхоты; въ 1771 году до 51 000 конницы и 147,197 человекъ пѣхоты. Въ 1786 году войско состояло изъ 263,662 человекъ; въ 1794 мѣ изъ 312,785ми человекъ; въ томъ числѣ было 81,000 конныхъ регулярныхъ, 69,216 нерегулярныхъ и 60,000 гарнизонныхъ. Въ 1802 мѣ регулярное войско состояло изъ 268,715 человекъ, нерегулярное изъ 70,000; а въ началѣ 1804 го регулярное изъ 408,096, нерегулярное изъ 100,934. Къ тому должно еще прибавить 30,000 мажорсовъ и 8,000 солдатъ, но флоту принадлежащихъ. И такъ вся Россійская военная сила проспиралась до 550,000, слѣдственно составила такое ополченіе, какового не имѣла Римская Имперія въ блистательнѣйшее время своего могущества при Антонинахъ, и которое ни въ строгомъ порядкѣ, ни въ мужествѣ конечно Римскому не уступу-

паешѣ. По сему въ Россіи почти девяностой человѣкъ есть воинъ, точно какъ въ Австріи и въ Испаніи.

V. Морская сила.

Россійскіе флоты, одержавшіе знаменитыя побѣды на моряхъ Балтійскомъ, Средиземномъ и Черномъ, передъ симъ за 100 лѣтъ не существовали. Безсмертный оныхъ спроисель, Великій Пётръ, 1698го году въ Сардамѣ соорудилъ первой Россійской линейной корабль о 60ти пушкахъ. Спусти попомъ шесть лѣтъ, построены въ Воронежѣ первой фрегаты о 40ка и корабль о 80ти пушкахъ. По прошествіи еще двадцати лѣтъ, при кончинѣ Петра Великаго Россійской флотъ на Балтійскомъ морѣ состоялъ изъ 39ти линейныхъ кораблей, большую частью 50ти и 60ти - пушечныхъ и изъ 20ти фрегативъ. Въ дослужное Пётрово царствованіе 112 линейныхъ кораблей и фрегативъ построено; 20 куплено; 1 линейный корабль, 6 фрегативъ и 72 военныя судна разныхъ званій опшаны у непріателя. — Въ 1790мъ году большой флотъ на Балтійскомъ морѣ состоялъ изъ 52 линейныхъ кораблей и изъ шолкаго жъ числа военныхъ судовъ меньшихъ: на Черномъ морѣ изъ 15ти линейныхъ кораблей и изъ 100 меньшихъ; въ гребномъ флотѣ на Балтій-

скомъ морѣ было 416 большихъ судовъ и 640 меньшихъ; на Черномъ морѣ 50 судовъ большихъ и 174 меньшихъ.

Въ послѣднее время царствованія Императрицы Екшатерины II въ наличности было 20 линейныхъ кораблей, совершенно годныхъ къ службѣ.

Въ 1805 мѣ году большой флотъ Балтійскаго моря состоялъ изъ 1 го корабля о 130 ти пушкахъ, 1 го о 120 ти, 1 го о 110, 2 хъ о 100, 1 го о 88, 2 хъ о 80, 12 ши о 74 хъ, 12 ши о 64 хъ, а всего изъ 32 хъ линейныхъ кораблей, въ числѣ коихъ было 25 дубовыхъ, 16 обихъ мѣдью, 5 негодныхъ къ употребленію, 20 совершенно годныхъ; далѣе — изъ 11 ши фрегатовъ и 29 меньшихъ, а всего изъ 72 хъ судовъ военныхъ, на которыхъ находилось 3546 пушекъ. Гребной флотъ на томъ же морѣ состоялъ изъ 20 ши галеръ, 25 ши шажелыхъ бапарей, 81 го канонернаго боша и изъ 63 хъ меньшихъ, а всего изъ 189 ши судовъ, носившихъ на себѣ 705 пушекъ. Большой флотъ Чернаго моря состоялъ изъ 2 хъ кораблей о 110 ти пушкахъ, 6 ши о 74, 3 хъ о 66, 1 го о 64, а всего изъ 12 ши линейныхъ кораблей, въ числѣ коихъ было 9 дубовыхъ и 3 обихъ мѣдью; далѣе — изъ 4 хъ фрегатовъ и 25 меньшихъ, а всего изъ 41 военныхъ ко-

раблей, на коихъ находилось 1,225 пушекъ, Гребной флотъ на томъ же морѣ состоялъ изъ 40 ботовъ канонерныхъ и проч. Со 132ми пушками. Сверхъ того на *Каспійскомъ* морѣ находились 6 кораблей съ 6ми до 18ми пушекъ, да на *Озотскомъ* 11 судовъ вооруженныхъ. Весь Россійской флотъ состоялъ изъ совершенно годныхъ судовъ военныхъ: 32 линейныхъ кораблей, 18 фрегатовъ, 59 меньшихъ и 226 гребныхъ судовъ; на всѣхъ было 5,600 пушекъ. — По шпашу 1803 года положено всегда имѣть на Балтійскомъ морѣ 27 линейныхъ кораблей и 26 фрегатовъ, а на Черномъ 21 линейной корабль и 8 фрегатовъ; на сто-пушечномъ кораблѣ должны служить 839 человекъ, на 74-пушечномъ 630, на 64-пушечномъ 571, на 44-пушечномъ фрегатѣ 368, на 36 пушечномъ 299, на 24-пушечномъ 243 человека.

(Съ Нѣмецкаго.)

Х.

Объ Австріи.

(*Брейсгау, оль 2 Февраля.*)

Давно уже замѣчено, что Австрійскій домъ, послѣ неудачныхъ военныхъ дѣйствій, всегда умѣлъ вознаграждать свои

потери, и даже иногда получаешь новыя пріобрѣтенія или посредствомъ мирныхъ договоровъ, или чрезъ брачныя союзы Принцовъ; сюда - то относится извѣстный стихъ :

Bella gerant alii, dum felix Austria nubat.

Можетъ быть сіе надлежитъ приписать тому, что Австрія имѣла весьма искусныхъ министровъ, а особливо что она только одна во всей Европѣ уже болѣе трехъ столѣтій постоянно держится прочной и швердой своей политической системы, не взирая на перемѣнявшихся правителей и министровъ. Почти всѣ государства ощутили дѣйствіе Австрійской политики, шакой на примѣръ, какая открылась и при бывшихъ раздѣлахъ Польши. Давши время другимъ государствамъ вести войну Австрія вмѣшалась въ распрю при самомъ окончаніи оной, и въ награду за то получила богатшыя области, оныя которыхъ ея собственныя владѣнія сдѣлались кругомъ, и которыя утѣшили ее въ потерѣ Силезіи.

Убытки Австріею понесенные не столько важны сами по себѣ, сколько по своимъ слѣдствіямъ; ибо уступкою Белгій, Милана, Тироля, Брейзгау, Швабскихъ и другихъ областей она хотя и лишилась знач-

ныхъ доходовъ и немалого числа подданныхъ; но сей уронъ убыточнѣе для нее по другимъ причинамъ какъ въ политическомъ отношеніи, такъ и въ военномъ. Не возможно теперь извѣстнѣе сего дѣла; мы только слегка до него коснемся.

Владѣнія Австрійскаго дома расположены были такимъ образомъ, что во всѣ случаи во всѣ споры, во всѣ переговоры, на твердой землѣ происходившіе, онъ имѣлъ предлогъ вмѣшиваться. Отъ Сѣвернаго моря до канала и до Адриатическаго залива не лѣзя было сдѣлать ниже одного выспрѣла изъ пушки, безъ того чтобы Австрія не взяла участія. Владѣя Бельгією, она имѣла пристраііе океана и непосредственное сношеніе съ Англією; Голландію держала подъ рукою, и отводила отъ нее непосредственное вліяніе Франціи; управляла выборами въ Минстеръ и Кельнъ, и нерѣдко посаждала тамъ Принцовъ своего дома. При первомъ случаѣ несогласія, войска ея спояли уже на предѣлахъ Франціи въ разстояніи пятидесяти часовъ отъ столицы, или за спиною Пруссіи; такимъ образомъ Австрія, а особливо до царствованія Іосифа II, который срылъ пограничныя крѣпости, могла безпокоить и Францію и Пруссію, или держать ихъ въ страхѣ. Брейсгау и Швабъ

скія области давали ей случай пользоваться выгодами опносноительно ко Франціи со спороны Ельзаса, водить войска свои по Германіи и шбмв удерживать въ провиновеніи малыя государствва. Окруживъ Швейцарію съ шрехъ разныхъ споронъ, Авспрїя равномѣрно господствовала и надъ сею республикою; а Тироль, Миланъ и Тоскана предоспавляли ей возмощность управлять дѣйствіями многихъ государствъ Италіянскихъ.

Другая безцѣнная выгода, кошорую Авспрїйскій домъ пользовался, владѣя всѣми оными провинціями, и на кошорую можешъ бытъ мало обрацали вниманія, когда нужно было доискашья, ошъ чего онъ шакъ скоро воспавалъ по неоднократно своемъ паденіи, другая, говорю, выгода соспояла въ томъ, что Авспрїя каждой разъ вела войну, положимъ неудачную, за што миль ошъ гвѣзда своего, въ опдаленныхъ провинціяхъ, кошорыя непріятель могъ занять, могъ опустошитъ, между шбмв какъ ядро Монархіи, наследственныя области, находилось въ совершенной безопасности ошъ военныхъ бѣдствій. Вотъ причина, для чего Авспрїя сильно упорствовала при Люневильскомъ договорѣ, когда лишали ее *границъ военныхъ*, и что въ 1805мъ году слова: *воен-*

ныя границы, или война! были лозунгом Австрійскаго кабинета.

Все сіе доказываетъ, что провинціи, кромѣ внутренней силы своей, по есмь кромѣ числа жителей и произведеній земли, имѣющъ еще другія важнѣйшія выгоды или по военнымъ отношеніямъ, или чрезъ посредство вліянія политическаго, — выгоды полнѣ народной неизвѣстныя, но тѣмъ не менѣ заслуживающія особенное вниманіе политиковъ.

Пресбургской прапашъ довершилъ для Австріи начатое Люневильскимъ договоромъ; и пакъ ей оспалось только соображающа сѣ нынѣшними обстоятельствомъ и принявъ политическую и военную систему, совершенно опмѣнную ошъ прежней.

Австрійская Монархія теперь не имѣетъ отдѣленныхъ провинцій. Императоръ, какъ попечительный отецъ своихъ народовъ, горячо ими любимый, до нынѣ спарался уврачевать язвы, нанесенныя войною. Да продлится вождѣнный миръ подѣ мудрымъ его правленіемъ, для возстановленія блага и счастья Монархїи!

По письмамъ изъ Вѣны, всѣ попеченія Его Величества и Генералиссима Ерцгер-

юга Карла, даже всѣ военныя распоряженія до нынѣ клонились единственно къ сохраненію пишины и безопасности. Дай Боже, чшобы поспорожня общояшельства и причины не воспрешили имѣ достигнуть сей счастливой цѣли!

(Съ Нѣмецк.)

ХІ.

Извѣстія и замѣчанія.

Наконецъ Французамъ сдалась и Сарагосса, можеть быть послѣдняя надежда Испанцевъ, непокорныхъ воле Наполеоновой. Въ сей крѣпости было до 50 тысячъ вооруженныхъ городскихъ жителей, и поселянъ къ нимъ присоединившихся. Должности генераловъ, оберъ и уншерб-офицеровъ отправляемы были монахами. Въ тридцать шрешемъ бюллетенѣ весьма подробно описаны дѣйствія, отъ начала осады до окончательнаго покоренія Сарагоссы происходившя. Въ томъ же бюллетенѣ помѣщено извѣстіе, что Англичане вышли изъ Лиссабона и пустились въ путь свой по морю. Теперь оспается еще покорить Валенцію, Мурцію и Андалузю, жуда, какъ увѣряющъ, Его Каполическое

Величество опсправившя собспвенною своею особою. Гвардія Французскаго Императора идетъ обратно изъ Испаніи; въ началѣ Феврала ожидали ее въ Байонѣ.

*

Надежда на миръ еще не совсѣмъ исчезла. Сказываютъ; что дѣло сіе зависить отъ рѣшительнаго отвѣта Вѣнскаго Двора на посланныя къ нему предложенія. Еще болѣе подспверждается благопріятное ожиданіе прибытіемъ изъ Французской приспани одного переговорнаго судна въ Плимутъ съ важными бумагами къ государспвенному Секретарю Каннингу. Въ Лондонѣ почитаютъ ихъ новыми предложеніями со стороны Императора Наполеона. Въ прочемъ извѣстія по сему предмету весьма различны; ибо между шѣмъ какъ однѣ подають нѣкоторую надежду, другія совершенно ее уничтожаютъ. Чшобы удостовѣришья въ семъ, спойте только взглянуть на спашьи о быспрыхъ движеніяхъ войскъ около Рейна и Дуная. Давно не видно было такой дѣяспельности, какъ нынѣ, внуспри Авспрїи и въ окреспности ея владѣній. Чшо, ежели сверхъ всякаго чаянїя всѣ сіи военныя пригоповленія окончатся не шѣмъ, къ чему нынѣ по видимому клоняпся? . . . Не будемъ поминать любопытспва нашихъ чшпачелей, и по-

скорбе выпишемъ изъ Рижскаго Зришеля рѣшеніе прудной задачи. „Сколь ни спранною покажешся слѣдующая мысль; однакожь многіе смѣюшъ думашъ, что въ ближайшіе мѣсяцы увидимъ Французскія и Авспрійскія войска не сражающіяся между собою, но совокупно дѣйствующія и соединенными силами спремящіяся достигнуть нѣкошорой великой цѣли. Цѣль сія есть *изгнаніе Турковъ изъ Европы*. Корпусъ Генерала Удино, особо шедшій впередъ, кажешся именно къ тому предназначенъ. Тогда-шо Англія совершенно лишилась бы всей надежды снова распроспранить военный пожаръ на швердой землѣ въ Европѣ, и всеобщій миръ былъ бы самымъ ближайшимъ слѣдствіемъ сего важнаго предпріянія.“ А мы прибавимъ, тогда-шо Нѣмецкіе и Французскіе журналисты ошъ добраго сердца посмѣялись бы надъ своею ошибкою, напугавши всѣхъ ужасною войною между Авспрїею и Франціею, кошорыя дружелюбно заботились о средствѣхъ къ пораженію чалмоносныхъ враговъ Христіаншва!

*

Байракшаровы сейменсы, соединившіеся съ янычарами, опять произвели безпокойшва. Подъ предлогомъ будшо не выдано имъ полное жалованье, они оправились тольною въ предмѣваніе Тофану,

и попотребовали, чшобы новый великій Визирь Мегеметъ-Али былъ лишенъ своего достоинства. Султанъ принужденъ былъ согласишься. Должность Визиря на время поручена Каймакану Али Пашъ. — Изв. Тегерана увѣдомляютъ, что образованіе войска въ Персіи по Европейскому обычаю продолжается весьма успѣшно. Французскіе Офицеры Лами и Вердье, обучающіе Персовъ искусству военному, получили отъ Шаха орденъ солнца.

*

Пишутъ изъ Копенгагена, что въ Стокгольмѣ ежедневно умираетъ по сну и по двѣсти человекъ, большею частію военныхъ; что во всей Швеціи свирѣпствуютъ заразительныя болѣзни; что въ одинъ день сожжено въ Стокгольмѣ 500 мундирныхъ вещей для прекращенія заразы; что бочка ржи продается шамъ по 20 ши, а бочка овса по 12 ши шалеровъ; что въ концѣ Марша долженъ быть созванъ сеймъ чиновъ государственныхъ и проч. — Прибавимъ, что носящяя слухи, и кажущяся справедливыя, объ открывшихся въ Швеціи безпокойствахъ совсѣмъ другаго рода.

*

Извѣстный Графъ Лудовикъ Кобенцль, Министръ Австрійскій, не задолго передъ симъ скончавшійся, родился 1753.

года въ Брисселѣ. На 19мъ году онъ вступилъ въ службу, на 21мъ былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Копенгагенъ, а на 24мъ въ Берлинъ; съ 1779го года находился посломъ въ С. Петербургъ, гдѣ жилъ 20 лѣтъ почти сряду; въ 1797мъ году заключилъ пр�кшатъ въ Кампо-Форміо и военной договоръ въ Рашпадтѣ, а въ 1801мъ пр�кшатъ же въ Люневилѣ, и скоро потомъ вступилъ въ должность дѣйствительнаго Государственнаго Министра, которую сложилъ съ себя въ 24 день Декабря 1805 года.

*

Воспитанники военного училища, переведеннаго изъ Фоншенебло въ Сенъ-Сиръ, недавно показали на опытѣ знанія свои въ шакшиѣ. Сіи любезные *дѣли*, раздѣлившись на двѣ паршіи, зашѣяли между собою войну, которая шѣмъ окончилась, что многіе изъ нихъ опасно ранены; при чемъ и достопочтеннымъ начальникамъ ихъ доспалось по нѣскольку ударовъ. Призваны въ помощь большіе вооруженные Французы; маленькіе взяты подъ шп्राжу и отданы подъ судъ.

24 Марта. К.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

АПРѢЛЬ, 1809.

№ 8.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

*Амеданъ и Зеила, или блестящiе
супруги.*

(восточная повѣсть)

Прекрасная Зеила около двухъ лѣтъ была супругою добраго и честнаго Амедана: бракъ ихъ совершился подъ самымъ щасливымъ созвѣздiемъ. Амеданъ, довольный обладанiемъ Зеилы, далъ самому себѣ кляшву (и свяпо хранилъ ее) никогда не измѣнять своей супругѣ. Зеила, облададая любовiю добродушнаго Амедана, казалась довольною своимъ жребiемъ. Никогда, ни въ чемъ не опказывалъ ей Амеданъ; и самыя прихоти Зеилы почиалъ онъ священнымъ для себя закономъ. Онъ не былъ ревнивъ; онъ мыслилъ, что безраз-

судно окружать супругу свою презрительными спражами серала; онъ былъ увѣренъ, что добродѣтель тогда только можешь почищаться истинною добродѣтелию, когда она свободна. Земла имѣла полную волю, вмѣстѣ съ своими мевольницами, или и одна, посѣщала своихъ подруговъ, прохаживалась по улицамъ и садамъ Испаганскимъ, ходила на базаръ, гдѣ собраны были драгоцѣннѣйшіе Индійскіе повары. Она покупала все, что ей нравилось, и Амедавъ, не будучи богатъ, но имѣя порядочный достатокъ, никогда не спрашивалъ у своей супруги, что сподобила ее покупка. По его мнѣнію все то, что обращало на нѣсколько минутъ вниманіе Зеилы, никогда не могло быть куплено дорогою цѣною. Таковъ былъ нравъ Амедана. Много ли подобныхъ ему супруговъ?

Всѣ молодыя Испаганскія женщины завидовали щаслію Зеилы — но Зеила не была щаслива. Съ нѣкотораго времени мрачная задумчивость шила въ ея сердцѣ. Зеила плакала и скучала. Напрасно доброй Амедавъ всякими средствами старался развлечь уныніе обожаемой имъ супруги и возвращишь ей по крошечное веселіе, котораго она лишилась и которое почищалъ онъ единашвейнымъ при-

знакомъ счастья. Часъ отъ часу становился онъ внимательнымъ къ малѣйшимъ ея желаніямъ, всякую минушу думалъ о томъ, какъ бы угодить своей любезной Зейлѣ — но всѣ попеченія изобрѣвательной любви его оспались безуспѣшны; и могли ли онъ угодить желаніямъ Зейлы? Она имѣла одно желаніе, котораго не смѣла открытъ супругу своему, которое желала бы угадать онъ совѣстно своего сердца.

Однажды, когда Зейла погружена была въ глубокую задумчивость, Амедавъ приближился къ ней и сказалъ: Зейла, важное торговое дѣло опзываетъ меня опсюда на недѣлю, ъду въ Тифлисъ — надѣюсь, милая, что по прѣздѣ моемъ въ Испанію найду тебя веселѣе. Да возвративъ Магомешъ уснамъ своимъ прежнюю ихъ улыбку! Ахъ! всѣми сокровищами своими готовъ пожертвовать за одну улыбку Зейлы! — Амедавъ поцѣловалъ супругу свою и удалился.

Въ это время находилась въ Испаніи старая женщина, почиаемая за весьма свѣдущую въ Магіи и въ предсказаніяхъ. Около шридцати лѣтъ пользовалась она въ семъ городѣ опличнымъ уваженіемъ; что мало по малу шолпа суевѣровъ ее

оставила, пошому что при своихъ предсказанїяхъ, рѣдко лестныхъ, упошребляла она иногда насмѣшки, и по большой часши отвѣчала на всѣ задаваемые ей вопросы полезными совѣтами, которые, какъ извѣстно, рѣдкимъ нравятся; но всего болѣе способствовало къ униженїю славы ея то, что она не шребовала никакой платы съ людей, приходившихъ къ ней за предсказанїями и чудесами: заключили изъ этого, что отвѣшы ея не имѣли никакой цѣны, ибо она сама не почитала за нужное продавать ихъ. Всѣ сїи причины препятствовали и Зеилъ прибѣгнушь къ искусству ворожеи, о которой она часшо думала. Но по отвѣдѣ Амедана предсказала она себѣ цѣлую недѣлю споль скучною, что наконецъ рѣшилась пойти къ старухѣ и открыть ей свое сердце.

Ворожея имѣла домъ въ предмѣспїяхъ Испгани, близъ Зурфиныхъ садовъ. Зеила пришла къ ней ввечеру, закушанная въ толстое покрывало и сопровождаемая вѣрною невольницею. Ее ввели въ небольшую комнапу, просто, но чисшо убранную, и она чрезвычайно удивилась, увидя, что спарушка ни въ лицѣ, ни въ одѣянїи не имѣла ничего шакого, что бы наводило ужасъ. Спаруха замѣшила ея удивленїе и сдѣлала ей нѣсколько вопро

совѣ, которыми хотѣла поселить довѣренность въ душѣ огорченной красавицы. Зеила, краснѣя и запинаясь, открыла ей причину своей печали. Я очень жална, сказала она; имѣю лучшаго супруга, и онѣ-шо соспавляетъ мое несчастіе. Небо наградило его всѣми добродѣтелями; но онѣ не довольно извѣстенѣ въ свѣтѣ. Нравѣ его такѣ единообразенѣ, что я умираю со скуки. Вы никогда не замѣшите его въ толпѣ людей — и это меня мучитѣ. Разсудокѣ у него превосходный; онѣ образованѣ, имѣетѣ основательныя познанія — но что разсудокѣ и просвѣщеніе безѣ оспроумія и блеску? Цвѣтникѣ безѣ розы. Однимѣ словомѣ, добрая спарушка, мнѣ очень горько, что мужѣ мой никогда не будетѣ играть опличной роли въ свѣтѣ. — „Дочь моя, ты справедливо жалуешьсѣ на судьбу, сказала ворожея, самый несносный мужѣ! Не понимаю, какѣ могли твои родители съ такою жестокостію тобою дожершвоватѣ!“ Опшцы и машери очемъ суровы въ нашемѣ вѣкѣ. Молодая женщина, одаренная, такѣ какѣ ты, всѣми пріятноспими, достойна бытѣ супругаго человекѣ-ка превосходнаго, красавца, остроумнаго, который писалѣ бы прекрасныя стихи въ твою похвалу; или какого, который, будучи богашѣ и чиновенѣ, озарялѣ бы тебя лучами величія своего и славы; соглашаюсь

исправишь несправедливостъ, оказанную тебѣ судьбою. Ты хочешь имѣть другаго мужа, мужа по выбору твоего сердца?“ — Очень хочу! — „Мнѣ стоишь сказать одно только слово, и черезъ минушу получишь извѣстiе о смерти Амедана.“ — Ахъ, Небо! скорбе сама умру! Нѣтъ! я никогда не куплю счастья за такую цѣну. Амеданъ заслуживаетъ всю мою благодарностъ; пусть онъ живетъ, а я пусть буду навѣкъ несчастна. — „Хорошо, сказала спарушка, онъ будетъ жить, но и ты будешь счастлива; онъ будетъ жить, но въ твоей волѣ выйти за кого пожелаешь. Проживи у меня двѣ недѣли; ты увидишь, что домъ мой по крайней мѣрѣ также хорошъ и также убранъ, какъ и твой. Всякой день поутру и ввечеру мы спавемъ ходишь невидимками на площадь, на базары, и посѣщаешь шѣ мѣста, гдѣ собираются лучшiе молодые люди Иснагани. Ты будешь всѣхъ видѣть, слышишь, цѣнишь, и можешь сдѣлать свой выборъ. А чтобы не обмануться въ выборѣ, возьми это маленькое зеркало: оно будетъ показывать тебѣ тѣхъ людей, которыхъ предпочтешь въ своемъ сердцѣ, шаними почно, каковы они и будутъ черезъ два года послѣ вашей свадьбы. И если человѣкъ будетъ вѣрно твоимъ, котораго пожелаешь имѣть, посовѣтовавшись съ своимъ зерка-

ломъ: онъ тебя увидитъ, полюбитъ и непременно подребуетъ руки своей.“

Спаруха отворила похаенную дверь и повела Зеилу чрезъ богатыя комнаты въ прекрасный садъ. Зеила, увидя такое великолѣпнѣе, переспала сомнѣваться въ могущество чародѣйки.

На другой день беретъ Зеила свое зеркало и выходитъ на улицу вмѣстѣ съ спарушкою. Онъ прогуливались не болѣе четверти часа, какъ повстрѣчались съ высокимъ и очень красивымъ собою, молодымъ человѣкомъ. Зеила подняла глаза и увидѣла такое лицо, какого никогда еще не видала: щeki свѣжія какъ лилія, румяныя какъ роза, усы чернѣе гагаша, зубы сіяющіе и бѣлые какъ слоновая кость. Платье возвышало еще болѣе прелестную наружность молодого человѣка: онъ былъ одѣтъ великолѣпно и со вкусомъ. Зеила, сравнивъ его съ добрымъ Амеданомъ, который былъ ни хорошъ ни дуренъ собою, запрелепала. — Ахъ, Боже мой! какой красавецъ! шепнула она спарухѣ. Въшь наружность, какую желала бы я найти въ моемъ мужѣ. — „Посмотри въ зеркало“ отвѣчала спаруха. — Зеила открыла зеркало, взглянула, и видитъ въ немъ своего красавца шакowymъ шочно, каковъ онъ

долженъ бытъ черезъ два года послѣ брака. — Ахъ, милая! восклицаетъ она съ удивленіемъ, что это! у него ослиныя уши! ослиныя уши! Какая жалость! такой красавецъ съ ослиными ушами! какъ же могла я не замѣтить этого съ перваго взгляда? — „Зеила, всякой супругъ не прежде, какъ спустя два года послѣ брака, начинаешь казаться намъ такимъ почто, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ. Уши у мужа не распухли; но еслили они у него длинны, то черезъ два года послѣ свадьбы онъ *показываются*.

При каждомъ, прожившемъ мимо ихъ красавцѣ, Зеила совѣщивалась съ волшебнымъ зеркаломъ — и всѣ они имѣли ослиныя уши, болѣе или менѣе длинныя. Какъ жаль, говорила она, что всѣмъ этимъ красавцамъ далъ Богъ такой неприятной и странной уборки! Развѣ не лѣзя бытъ красавцемъ и умнымъ? — „Я не скажу этого, дочь моя; но еслили красавцы рѣдки, то умные люди еще рѣже; и такъ не должно дивиться, что умъ и красота почти никогда не бывающъ соединены въ одномъ и томъ же человѣкѣ.“

Зеила потеряла уже охоту бытъ за красавцемъ; но вопль представляюща ей мужчина гораздо прекраснѣе прежнихъ.

Зейла ахнула, потчасъ посмотрѣла въ волшебное свое зеркало, и какъ же обрадовалась! — у эшаго красавца не было ослиныхъ ушей; но онъ сидѣлъ небрежно на софѣ и любовался другимъ молодымъ человекѣмъ, копорый былъ сходенъ съ нимъ какъ двѣ капли воды. Онъ безпреспанно смотрѣлъ на него съ гордосшю. Вдругъ подходитъ къ нему прекрасная молодая женщина, совершенно подобная Зейлѣ, начинаешъ съ нимъ говоришь, ласкаешъ его, спарается обратишь на себя его вниманіе милыми уловками невиннаго кокетства; но эшошъ неблагодарный нечувствительнъ къ ея прелестямъ, едва удостоиваетъ ее взгляда — споль занятъ онъ своимъ кумирѣмъ, копорый, кажешъ, владеешъ всею привязанносшю его сердца. — Вотъ гнусный и наглый человекъ! воскликнула Зейла, выведенная изъ терпѣнія. Онъ не имѣешъ ослиныхъ ушей, но онъ грубіянъ и неучтивецъ. — „Правда, сказала старуха, и для меня гораздо выгоднѣе выдши за дурака, нежели за человекъ надушаго самимъ собою. Прекрасный мужчина, копорымъ онъ любуешъ — ешь его подобіе, или, лучше сказашъ, онъ самъ. Онъ любитъ, обожаетъ, превозноситъ одного шолько себя — все прочее какъ будто для него не существуешъ.“

Зеила совсѣмъ раздумала имѣть мужемъ красавца. На другой день пошла она опять прогуливаться по улицамъ Испаніи вмѣстѣ съ старушкою. Входяшъ въ одно изъ тѣхъ великолѣпно-убравныхъ публичныхъ мѣстъ, гдѣ самые знашныя люди города собираются всѣмъ мороженое и пишь шерѣсть. Множество слушателей спояло само одного человека, копорой говорилъ громко и съ жаромъ, часныя рукоплесканія прерывали Орашора. Зеила начала слушашъ съ большимъ вниманіемъ, замѣшивъ, какое дѣйствіе производилъ незнакомецъ надъ умами многочисленныхъ своихъ слушателей. Множество голосовъ вопоряло: какъ это остро! какъ онъ уменъ! это Гений! — Вотъ, сказала наконецъ Зеила, пошъ мужъ, копорого бы я имѣть желала; этошъ человекъ одаренъ умомъ превосходнымъ и блестящимъ. Посмотри, какъ ему удивляющся! Какое щасіе бышь женою такого мужа! — „Не забудь о зеркалѣ“ сказала старушка. — Зеила взглянула въ чудесное зеркало, и чтоже? Видитъ, что этошъ необыкновенной человекъ любующся маленькимъ чудовищемъ, копорое не имѣло ни головы, ни хвоста. Онъ смотритъ на него съ некоторымъ родомъ восторга, ласкаешъ его взоромъ, не можешъ съ нимъ разлучиться. Молодая женщина, также

подобіе Зеилы, спарается опвлечь его вниманіе ошъ эшого спраннаго предмета; но онъ съ гнѣвомъ ее опшалкиваетъ и безпрестанно возвращается къ своему маленькому чудовищу. Вошъ еще какая спранность! воскликнула Зеила: посмотри, милая, въ какого урода влюбленъ эшотъ умной человекъ! — „Дочь моя, эшотъ умной человекъ спихопворецъ; а эшо маленькое, безголовое и безхвостое чудовище — поэма его сочиненія. Онъ написалъ уже полдюжины подобныхъ ей, и напишетъ бышь можетъ еще двадцать, но послѣдняя для него всегда лучше и милѣе первыхъ. Онъ предпочитаетъ ее всему, и еспьлибы кто вздумалъ ему сказать, что у эшого маленькаго чудовища нѣтъ ни головы ни хвоста, то онъ пришелъ бы въ шакое испуленіе, о кошоромъ ны не имѣешь еще понятія“ . . . Зеила не могла удержаться ошъ смѣха. Въ самомъ дѣлѣ непонятное ослѣпленіе! Какъ, развѣ не лзя найши шакихъ умныхъ людей, кошорые не были бы спихопворцами? — „Найши ихъ можно, опвѣчала старуха. Еспь умные люди не спихопворцы, шакъ же какъ и спихопворцы безъ ума.“ — Очень хорошо; я намѣрена выдши за шакого умнаго человекъ, кошорый не спихопворецъ. — „Эшо очень шрудно! въ нынѣшнемъ вѣкѣ, моя милая, всѣ пишушъ спихи.

Но для чего опчаявашься? Поищемъ, можешъ бышь и найдемъ желаемое.“

Нѣсколько дней продолжали онѣ свое исканіе — наконецъ встрѣчается имъ человекъ, имѣющій весьма блистательный умъ и не стихотворецъ. Нашла! наша! воскликнула Зеила въ восторгѣ. Вотъ человекъ, которому удивляющься во всѣхъ Испанскихъ обществахъ; онъ вездѣ принятъ, и всѣ наперерывъ хоятъ его имѣть въ своемъ домѣ; онъ умѣетъ принимать всѣ шоны, говоритъ смѣло и обо всемъ; иногда кажешься въпренымъ, иногда глубокомысленнымъ! — Зеила почувствовала желаніе имѣть такого человека мужемъ; но прежде взглянула въ зеркало. И какъ же удивилась! Видитъ, что эшотъ человекъ окруженъ множествомъ женщинъ безобразныхъ и чрезвычайно жеманныхъ; всѣ онѣ казались сумасшедшими. Однѣ его били, царапали, кусали, другія ласкались къ нему съ улыбкою. Онъ повиновался имъ, какъ младенецъ, и каждое слово ихъ казалось ему орakулomъ, неоприцаемымъ и священнымъ. — Ахъ, Боже мой! воскликнула Зеила, какія безчеловѣчныя швари! какъ жестоко мучатъ онѣ эшого бѣднаго человека! Можно ли, съ его умомъ, повиноватъься такимъ опшрапительнымъ и глупымъ жен-

щинамъ? — „Зеила, опивчала спарушка, эиѣ своевольныя и злыя швари называющя *требованіями самолюбін*. Оаѣ повсюду его преслѣдуютъ; онѣ и самѣ не помышляють отъ нихъ избавившяся; напрошивѣ онѣ думаетъ, что онѣ всегда правы, и полагають все свое щастіе въ исполненіи малѣйшей ихъ прихоти; нѣтъ ничего шакого, чегобы онѣ не сдѣлали имъ въ угожденіе. Онѣ ссоряють его съ лучшими друзьями, навлекаяють на него причудами своими шьму непріятностей и дѣлають его смѣшнымъ въ глазахъ собшвенныхъ его знакомыхъ.“ — Боже избави меня отъ шакого мужа! сказала Зеила со вздохомъ; кому захочешя бытъ невольницею дюжины женщинѣ, своеирравныхъ, причудливыхъ, сумасбродныхъ! Не угодивѣ одной изъ нихъ, поссоришья съ ними на вѣки. Но развѣ нѣтъ на свѣтѣ очень умнаго челоѣка, неподвласнаго *требованіямъ самолюбін*? — „Поищемъ“ сказала Шарушка. Новые поиски; увы! они бесполезны. Въ Испагани конечно были весьма умные и въ шо же время очень скромные люди, но Зеила же имѣла щастія ни съ однимъ изъ нихъ вспрѣшиться. Это опвращило ее нѣсколько отъ желанія выдши за шакого челоѣка, кошорый называетя въ свѣтѣ *любезнымъ и очень умнымъ*.

Но Зеила непременно, во что бы то ни стало, хотѣла найти такого мужа, который удовлетворялъ бы ея самолюбію, мужа, который, играя блистательную роль въ обществѣ, озарялъ бы ее лучами своей славы. Въ одинъ день на большой Снеабраховской улицѣ увидѣла она Великаго Визиря, окруженнаго многочисленною толпою. Онъ ѣхалъ на прекрасномъ конѣ, покрытомъ золотою, унизанною драгоценными камнями попоною. Многочисленная свита его была одѣша великолѣпно; словомъ ска- зашь, глазамъ Зеилы предстала вся Азіятская, ослѣпительная пышность. Она шѣмъ болѣе поразила ее, что самъ Великій Визирь, при всемъ заимствѣнномъ блескѣ своемъ, одаренъ былъ отъ природы драгоценными совершенствами ума и сердца. — Не могу ли я выдти за Великаго Визиря? подумала честолюбивая красавица. — „Пожелай и исполнися, отивчала сирота — но прежде совзгляну тебѣ посмотришь въ зеркало.“ — Зеила посмотрѣла въ пророческое зеркало. Увы! она увидѣла Великаго Визиря . . . удушеннымъ. Ахъ! великій Боже! воскликнула она, какое ужасное зрѣлище! Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу быть женою Великаго Визиря!

Впечатлѣніе сей послѣдней картины было такъ сильно, что Зеила вдругъ ош-

казалась отъ всѣхъ поисковъ, и начала про-
 сишь спаруху немедленно возвратиться
 домой. Онъ возвратился. Спарушка ос-
 павила Зеилу одну въ ея комнахъ. Зеи-
 ла задумалась: увы! сказала она, что
 я сдѣлала? За чѣмъ оспавляла спокой-
 ное и скромное жилище моего Амедана?
 О другъ мой! бѣдной Амеданъ! какъ
 долженъ былъ онъ горевать, когда, воз-
 вращаясь изъ Тифлиса, не нашелъ своей
 любезной Зеилы! Увы! теперь уже позд-
 но! . . . . я потеряла его; но слишкомъ
 знаю истинную цѣну своей потери. Опытъ
 измѣчилъ меня отъ желанія пріобрѣсть
 блистательное блаженство. Теперь опла-
 киваю по ясное, неизмѣняемое щастіе,
 копорымъ могла бы во всю свою жизнь
 наслаждаться, когда бы не имѣла смѣш-
 наго шщеславія. Ахъ, Амеданъ! для чего
 не могу я къ тебѣ возвратиться? Я упа-
 ла бы къ твоимъ ногамъ, и ты бы про-
 стилъ мнѣ минушное заблужденіе! про-
 стилъ бы, я въ эшомъ увѣрена, я знаю до-
 брое твое сердце! . . . — Такъ, милая Зеила,
 я тебя прощаю! воскликнулъ Амеданъ. —
 Зеила оборотилась; Амеданъ стоялъ передъ
 нею: онъ заключилъ ее въ свои объятія и
 поцѣловалъ съ жаромъ. Долго Зеила не
 могла опомниться отъ удивленія. — Ты
 думала, что я еще въ Тифлисъ, сказалъ
 Амеданъ; но я даже и не добралъ до эшаго

города. Добрая старушка прислала за мною невольницу. И возвратился; я жилъ у нее въ домѣ, и всякой вечеръ узнавалъ о томъ, что происходило съ побою въ печенѣе дня. — „Такъ, сказала старушка, явившаяся въ эту минушу передъ глазами Зеилы; я знала, Зеила, что ты имѣешь доброе сердце, что одинъ только раскудокъ твой одержимъ былъ смѣшною спрашнѣю, и была увѣрена, что излѣчу его, потому что онъ сынъ природы здравый; но я бы никогда не приняла на себя этой заботы, когда бы ты, Зеила, была похожа на тѣхъ женщинъ, которыя приходили ко мнѣ шребовать совѣщовъ и приносили съ собою однѣ порочныя желанія, одно пагубное любопытство. Я не имѣю надобности въ помощи людей, а большая часть изъ нихъ неспособны пользоваться моею и знать наспоющую ея цѣну.“

Щасливыйя супруги бросились на колѣна, цѣловали у старушки руни, и не находили словъ изъяснить ей свою благодарность. Исправленіе Зеилы было прочно; никогда уже не имѣла она желанія имѣть блестящаго супруга; она увѣрилась, и каждый день увѣрилась болѣе и болѣе, что Амеданъ обладалъ именно тѣми качествами, которыя однѣ могутъ укоренить благополучіе супруговъ, добрую, чувствитель-

ною душею , прїяшнымъ снисхожденїемъ , довѣренностїю , основанною на уваженїи нѣжнаго и чувствительнаго сердца къ предмету его любви, и шѣмъ, что называется здравымъ разсудкомъ (сокровищемъ , которое каждый день спановишься рѣже и рѣже , и несравненно превосходнѣйшимъ остроумїя) ; однимъ словомъ , Зеила сердечно полюбила простиыя и скромныя добродѣтели Амедана. Опытъ доказалъ ей, что женщина почти всегда слишкомъ дорого покупаетъ супруга блестящаго. Теперь спрашиваемъ , не по же ли случается и съ мужемъ, которой блестящую супругу предпочитаетъ простиой и скромной ?

Съ Франц. В. В. З.

II.

Э п и т а ф і я

*Павлу Аванасьевичу Сожацкому ,
Ординарному Профессору И. М. Универси-
тета.*

Душей и сердцемъ добръ — познанїемъ бли-
сталъ ,

Любилъ Отечество — согражданъ просвѣщалъ.

Вас. Келосовъ.

III.

Къ Лаурѣ.

(Отрывокъ)

Furchtbare Ewigkeit!
Empfange meinen Vollmachtsbrief zum Glücke
Ich bring'ihn unerbrochen dir zurücke
Ich weiss nichts von Glückseligkeit!

Schiller.

Весна моихъ проходитъ дней,
Она пройдетъ — не возвратится . . . .
Когдажъ душа тѣмъ чувствомъ насла-
дится,
Которое одно открышь способно ей
Величье бытія — Природы совершенство?
Гдѣ сердца моего блаженство?
Ужель Богъ милостей для бѣдствій насъ со-
здалъ?
Я радостей любви не зналъ! . . .

Я зналъ въ любви — однѣ спрданья;
Я чувствовалъ — однѣ желанья . . . .
Ужель законъ любви: натуру заглушаешь,
Борешься съ сердцемъ ежечасно,
Источникъ радостей спараться изпребляешь,
И въ гробъ лишь начашъ съ собою жить со-
гласно?

Ужель законъ любви — съ любовію сра-
жашься?

Когдажъ — когда я буду наслаж-
дашьяся? . . . .

Лауру создалъ Богъ для щастья моего ..
Лаура! безъ тебя я сердцабъ своего
Не зналъ — не чувствовалъ всѣхъ тайныхъ
благъ его —

Какъ бѣдный, отъ судьбы забвевный,
Безъ чувства зрѣнія рожденный,
Находитъ мракъ одинъ — въ свѣтилахъ, въ
небесахъ,

Хаосъ — Природы въ лучшихъ красотахъ.
Лаура, ты собой мнѣ новый міръ открыла!
Но чѣмъ за страсть швою любовь вознагра-
дила?

Въ слезахъ цвѣтъ щастья швоего увялъ!
Я радостей любви не зналъ! . . . .

Гдѣжъ радости любви?

Гдѣжъ небо свѣтлое для сердца моего?
Ужель нѣтъ радостей въ Природѣ для него?
Ужель Творецъ свое шворенье позабылъ?
Ужель Творецъ свои дары всѣ испощилъ?

Ужель и одного страдальца — Богъ,
Чья власшь колеблетъ всей Натурой,
Собою оградишь отъ горестей не могъ?

Комужъ я жертвовалъ Лаурой,
Которую Онъ самъ любилъ мнѣ повелѣлъ,

Съ котрой я хотѣлъ
Дѣлиться существомъ, жить жизнью одною,
Которую отвыкъ я различать съ собою,
Съ котрою нико не равнялся не посмѣлъ
Ни въ силѣ чувствъ, ни въ сердца до-
брошѣ,
Которая одна любишь меня умѣешь?
Кому жъ я жертвовалъ? — *Мечль!*...

Мечта, мечта воображенья,
Но, Богъ чувствительныхъ сердецъ,
Гдѣ — гдѣ твои вознагражденья?
И гдѣ справедливости вѣнецъ?
Отдай Лауру мнѣ, мечта — иль добродѣтель!
Гдѣ счастье мое? Кто дѣлъ моихъ свидѣ-
тель? ....

Лаура! для тебя пожертвовать тобой,
На утренней зарѣ отъ жизни отказаться...
И сердце осудишь — знаешь мерзвой лишь
покой! ....

Когдажъ — когда я буду наслаждаться?

Ужель во цѣлшѣ лѣшѣ однимъ воспоминаемъ
Я долженъ сердце ушѣшать?
И ушомленному спржданемъ,
Уже ли цѣлой вѣкъ — *желалъ?*
Лауры самое дыханье
Въ себѣ я живо сохраню,
И груди страстной колебанье
Въ глазахъ моихъ живошворю...
Но гдѣжь она? но гдѣжь Лаура?

Ахъ! лучшебъ отняла совѣмъ ее На-
тура! . . .

Тогдабъ легко я могъ кольцо перело-
мить! . . .

Теперь — живой мертвецъ — я дол-
женъ, долженъ жить! . . .

Когда — когда окончатся желанья?

Гдѣ горестей моихъ конецъ?

Когда окончатся спраданья?

И гдѣжь спрадальческой вѣнецъ?

Гдѣ сердца моего другая половина?

Гдѣ та, которая душѣ

Блаженство жизни сей открыла?

Кто возвратитъ блаженство мнѣ? —

Могила.

Ужель за гробомъ все зашмылся?

Ужель, какъ часть земнаго существа,

Навѣкъ по сердце истребится,

Въ которомъ находилъ я отблескъ Божества?

Гдѣ будетъ сила та, которая могла

Склонить — отъ счастья сердце отказать,

Которая его принудитъ возмогла —

Сказать: *не буду наслаждаться?* —

Но гдѣжь замѣна наслажденій?

Гдѣ царства горняго обѣтованный храмъ?

Гдѣ сердцу ждешь вознагражденій?

Тамъ!

1807 года.

В. Филимоновъ.

Кунцово.

IV.

*Отвѣтъ на два слова Издавателя
Вѣспника Европы.*

Милосливый Государь!

Честь и личность принуждаютъ меня
приняться за перо, и вопервыхъ поблаго-
дарить васъ за долгъ Журналиста, кошо-
рой вы споль хорошо исполнили въ раз-
сужденія стиховъ, присланныхъ къ вамъ
опъ имени моего, подъ заглавїемъ: укра-
денныхъ у Г. Дмипрїева; вовпорыхъ,
сказаць два слова въ свое оправданїе.
Милосливый Государь! оныя стихи, не
шолько чшобъ я ихъ себъ присвоивалъ или
дарилъ чужимъ своихъ друзей, но и ни-
когда не были къ вамъ мною посланы.
Всякой здравомыслящїй человекъ (кошо-
рымъ и васъ я почиаю) легко и ясно
видѣшь можешъ, чшо сїе ничшо иное
ешъ, какъ весьма жестокая насмѣшка на
щепъ мой. Крайне удивляюсь, чшо изъ
толпы моихъ непрїятелей, кошорыхъ я
здѣсь имѣю, нашелся споль гнусный и
презрѣнный, кошорой вздумалъ насмѣ-
хаться надо мною споль наглымъ образомъ.
Я не спѣшилъ бы шакъ скоро оправдывашь-
ся, ежели бы меня не принуждали къ шо-
му нѣкошорые люди. Люди, всегда при-
выкшіе болѣе къ злословію, нежели къ по-

хвалѣ, злословіе имѣ гораздо пріятнѣе. Фурія, съ пламеннымъ свѣспильникомъ, возжигаетъ въ ихъ жилахъ изрыгаемый ими ядъ, кошорой они споль хорошо умѣютъ употреблять къ помраченію чесши ближняго. Сравните мой почеркъ съ шѣмъ письмомъ, кошорое прислано къ вамъ, и ясно увидите мою справедливость. Прошу оное мнѣ выслать, адресуд на мое имя, къ книгопродавцу Пешру Спунину, въ его лавку, дабы я могъ по руиѣ узнать шо го глупца, и, соображаясь съ личностію, простишь и возвысишь къ нему шѣмъ мое презрѣніе, ибо онъ болѣе ничего не заслуживаетъ. Еще позволите сказашь два слова о славѣ Авторства. Изящное произведеіе Авторскаго пера, будучи шипографскимъ набрано на доску, подложенъ листъ бѣлой бумаги, и шиснушо виншомъ шипографической машины, не ешь слава безсмертная. Все оное, ничшо иное какъ пылъ воображенія, кошорую время холоднымъ сеюимъ дуновеніемъ развѣетъ и преобращишь въ ничшо. Ежели я писалъ и пишу, и даю полетъ собспвенному моему воображенію, а не шакъ какъ меня очернили, шо сіе произходишь отъ свободнаго времени и отъ скуки. И я былъ бы весьма глупъ, ешьли бы вздумалъ, зная свои недоспапки и слабости, гоняшья и добивашья славы Авторства.

Милоспивый Государь! въ надеждѣ что вы помѣстите строки моего оправданія въ вашемъ Журналѣ, чего честь моя непремѣнно пребуешь, я не буду ихъ здѣсь печатать особенными листками, и рассылашь въ цѣль неизвѣстные мнѣ предѣлы, куда вашъ Вѣстникъ достигаетъ. Поспавя же очернившаго меня въ числѣ четвероногихъ, я съ должнымъ почтеніемъ къ вамъ и къ благосклонной Публикѣ честь имѣю пребыть, раздравъ спряхиваю черную и гнусную одежду, надѣвшую на меня неизвѣстнымъ перомъ.

Читатель вашего Вѣстника Семень Испоминъ (*).

С. Пешербургъ, Марша 25 дня,
1809 года.

(*) Издашель желалъ бы охотно выслать къ Господину Испомину оригиналъ присланныхъ къ нему отъ его имени стиховъ, но онъ не могъ найти его между бумагами. Господинъ И. можеть, и не знавши имени того глупца, которой подшушилъ надъ нимъ такъ грубо, заплашить ему за обиду его прощеніемъ и презрѣніемъ. Ж.

V.

Къ Катѣ.

Гдѣ ты, другъ мой, Катя милая ?
Вѣспи нѣтъ — какъ въ воду канула !
Такъ сіяніе минувшее,
Очершивши кругъ блистательный,
Въ тѣмѣ полночной разсыпается ;
Такъ ночное сновидѣніе
Ободряетъ чувства спящія
И — съ денницею скрывается.

Гдѣ ты, другъ мой, Катя милая ? —
Туси съ сѣвера спаницами
Сквозь шуманы хладной осени
Пролетаютъ каждый Божій день
Подъ обзоры неба свѣтлаго ;
Хоть бы съ ними переслала ты
О себѣ такую грампку,
Въ коей сердце сердцу вѣстѣ даетъ !

Гдѣ ты, другъ мой, Катя милая ?
Напиши и — воскреси меня !
Напиши мнѣ, что ты дѣлаешь,
Чѣмъ, мой другъ, ты занимаешься,
Съ кѣмъ проводишь осень мрачную,
И въ часы уединенные,
Въ сладку думу погруженная,
Вспоминаешь ли, мой другъ, меня ? —

Гдѣ ты, другъ мой, Капля милая? —
Я люблю — въ воображеніи
Представляешь тебя сидящею
У камина блѣдно-свѣтлаго,
Съ книгой умною, пріятною,
Съ Грандиссономъ, иль съ Памелою,
Съ Телемакомъ, иль съ Кларисою,
Иль съ Системой Песталотціа.

Гдѣ ты, другъ мой, Капля милая?
Можетъ быть, въ кругу ласканелей
Пьешь ты сладкой ядѣ тщеславія!
Можетъ быть . . . Ахъ! нѣтъ, мой милой
другъ!

Ты сидишь въ бесѣдѣ опытной,
Въ здравомыслящемъ собраніи
За клавирами волшебными —
Восхищаешь всѣхъ игрой своею.

Гдѣ ты, другъ мой, Капля милая? —
Можетъ быть, въ полночь осеннюю
Ты танцуешь въ легкой доминѣ
Съ незнакомыми подругами!
Можетъ быть . . . Ахъ! нѣтъ, мой милой
другъ!

Ты съ гитарою унылою,
Погрузясь въ мечты прелестныя,
Въ кабинетѣ зашворилася.

Гдѣ ты, другъ мой, Капя милая?
Напиши и воскреси меня;
напиши мнѣ, что ты дѣлаешь,
Чѣмъ, мой другъ, ты занимаешься,
Съ кѣмъ проводишь осень мрачную,
И въ часы уединенные,
Въ сладку думу погруженная,
Вспоминаешь ли, мой другъ, меня?

Кавказогорець.

VI.

Подарокъ, въ день Ангела Капи.

Чѣмъ въ этотъ день тебя, другъ милой,
подарить?
Чего желаешь тебѣ въ день Ангела свя-
щенный?
Ахъ, гдѣ могу найти даръ столько драгоценный,
Который бы тебѣ дерзнулъ я посвящать?
Есть сердце — но его давно ужъ ты имѣешь;
Есть воля — но тебя жъ я ею подарилъ;
Одно желаніе (но ты и имъ владѣешь)
Осталось у меня, чтобъ былъ тебѣ я милъ.

Кавказогорець.

VII.

Г е р о й.

(Экспромтъ.)

Кто счастливымъ себя считаетъ среди боя,
Пренебрегаетъ смерть для имени Героя,
Кто жизнь Отечеству принести рѣшился
вѣ дань,
Тому игрушка — мечъ, тому забава — брань;
Усердьемъ онъ горя, опасность презираетъ;
Иль лавръ на поприщѣ, иль кипарисъ сры-
ваетъ.

* *

VIII.

Къ Надеждѣ.

Мечты земнаго утѣшенья,
Изчезъ вашъ призракъ предо мной!
Вы были для меня мгновенье,
И я вамъ жершвую слезой.

*

Вамъ душу, сердце посвящаю;
Живу, обв васъ чтобъ вспоминать;
Себѣ отрадой поставляю
Прошедшимъ счастьемъ мысль питать.

*

Пусть образъ милый обитаетъ
Прошедшаго — въ душѣ моей,
И тяжесть рока облегчаетъ
Среди печальныхъ, скучныхъ дней!

*

Блаженства нѣтъ прямаго въ мірѣ,
Оно Судьбой намъ не дано;
И бѣдный, и Монархъ въ порфирѣ,
Спрадаютъ въ жизни сей равно.

*

Но въ дни болѣзней и мученья,
Когда мы льемъ потоки слезъ,
Блѣстаетъ намъ для утѣшенья
Надежда — сладкій даръ Небесъ!

*

Она въ насъ чувство оживляетъ,
Цѣлебный нектаръ въ сердце льетъ,
Пріятность въ будущемъ являетъ —
И смертный въ мракъ видитъ свѣтъ.

*

Жестокость спрогнѣ судьбины
Ее не въ силахъ истребить,
Ея ужасныя картины
Надежда краситъ и живитъ.

*

Живитъ и въ далекѣ являетъ,
Цвѣтущій лугъ, шѣнистый лѣсъ,
Восторгомъ душу наполняетъ
И чувствомъ къ благоши Небесъ.

*

Но все чреду свою имбешъ ;
Всему конецъ предположенъ ;
И зелень осенью желшбешъ ;
Лбсокъ зимою обнаженъ.

*

Надежда, шакже какъ и время,
Всечасно свой мбняешъ видъ ;
Сегодня — ббдствъ снять хочешъ бремя,
А завшра — сб вбшромъ улешипъ!

* *

IX.

Э л и п а ф и и.

1.

М. М. Хераскову:

Нужнали слава здбсь, иль мраморовъ громада?
Довольно слова: Россіада! —

* *

2.

Къ мавзолю И. С. Б — на.

Сей памятникъ не намъ напомнишъ, гдб швой
прахъ:
Ты умеръ для другихъ, но живъ у насъ въ
сердцахъ!

* *

X.

Пріемъ и угощеніе у Киргизовъ.

Два года тому назадъ проѣзжалъ по Иршышской линіи, по Киргизской споронѣ, одинъ изъ Султановъ Киргизскихъ (*), братъ нынѣ владѣющаго Хана, недавно пожалованнаго въ Оренбургѣ. Хотя онъ былъ совершенно чужой тѣмъ Киргизамъ, мимо которыхъ для посѣщенія своего брата ѣхалъ; но вездѣ встрѣчали они его съ отличными уваженіемъ и свойственнымъ Азіатцамъ подобоспраспѣемъ. Драгунскій Капшанъ, стоявшій съ своимъ эскадрономъ на одномъ линейномъ форпостѣ, узнавши о проѣздѣ Его Свѣшлости, захотѣлъ сдѣлать ему посѣщеніе. Вошъ церемоніаль пріема и угощенія, сдѣланнаго Киргизцами Капшану. За двѣ или за три версты отъ *Коша* (войлочнаго Киргизскаго лагеря) встрѣтили его Киргизскіе чиновники, прося отъ имени Сул-

---

(*) Султанами называются всѣ, иногда и очень небольшіе, владѣтели, а особливо родственники Ханскіе, которыхъ власть впрочемъ весьма ограничена! Они pochodятъ нѣсколько съ сей стороны на Малороссійскихъ помѣщиковъ, владѣющихъ не крѣпостными людьми, а пакъ называемыми подданными, которые всегда отъ Господъ своихъ ошойши могутъ.

пана и своихъ старѣйшихъ, остано-
вишься на малое время со всею своею
свишою. Вскорѣ за ними явились дру-
гѣе, съ подарками, сосноявшими изъ
нѣсколькихъ барановъ; а за сими и самое
Посольство отъ Его Султанскаго много-
мочія, приглашающаго Капишана въ за-
нимаемую имъ кибичку. Султанъ (НВ.
одѣтый въ бараній, крытый синюю ки-
тайкою, шулупъ) принималъ поздравле-
нїя съ великою важностїю; и отвѣщива-
валъ чрезъ полмача, что онъ весьма до-
воленъ посѣщенїемъ. Капишанъ сълв. Са-
женяхъ въ 25 ши или 30 ши отъ Султан-
ской кибички стояла другая, въ ко-
торой разведенъ былъ ярной огонь; это
была кухня. Когда все изгоповили нѣ
обѣду, то по обѣимъ споронамъ дороги,
по которой надлежало носить кушанье,
отъ Султанской кибички до самой кухни,
вышянулись два частые строя Киргизовъ.
Одинъ чиновникъ опправился — къ оча-
гу накладывашь кушанье. Блюдъ было
сполько, сколько стояло въ обѣихъ стро-
яхъ Киргизовъ, и надлежало раздавашь ихъ
шанъ, чтобы, пока первое доходило до
Султанской кибички, у всѣхъ служителей
было въ рукахъ по блюду. Это верхъ
пышности, и чѣмъ кто богатѣе и роскош-
нѣе, тѣмъ далѣе становилъ отъ кибички
своей кухню, то есть, тѣмъ болѣе по-

спавляется споловыхъ служителейъ, и шѣмъ болѣе идешь блюдъ; хошя кушанье всегда бываетъ — шолько одно, вареное мясо, или баранье, или лошадиное, или коровье, или всѣ вмѣспѣ. Оно мѣлко искрошенное раздѣляется на небольшія деревянные шарелки, на копорыя приливають еще по немногу мяснаго ошвару. Ъдяшь его просто руками, а пошому и должно оно бышь не очень горячо. Сулшанъ изволилъ кушашь одинъ, и въ знакъ своего особеннаго благоволенія подзываетъ къ себѣ придворныхъ и другихъ чиновниковъ, копорые подходили къ нему съ благоговѣнїемъ, сложивъ на груди крестообразно руки, раздѣвали какъ можно ширѣ свои ршы, а его многомочіе бралъ съ шарелки по щепошки мяса, и благосклонно разкладывалъ по онымъ свои порціи; кого же больше хотѣлъ ошличить своею высокою милостію, шому давалъ двѣ, шри, чешыре щепошки и болѣе, а сей, ошходя ошъ него съ раздупными щемами, съ величайшимъ подобоспрасшїемъ (и надобно замѣшшь, съ великимъ шрудомъ) спарался проглотышь Сулшанскую подачу.

Н. Мамышевъ.

XI.

Два письма къ Издателю.

1.

Почель, 1809 года, Марта 16.

Добренность къ тому участию, которое принимаете вы (если судить по нѣкоторымъ страницамъ вашего Журнала) въ судьбѣ несчастныхъ, побудила меня обратиться къ вамъ съ этимъ письмомъ, которое прошу помѣстить въ Вѣстникъ Европы.

Одинъ Дворянинъ изъ благородной, но бѣдной фамиліи, служа около 30 лѣтъ въ военной службѣ, принужденъ былъ за слабостію здоровья взять отставку. Его отставили съ чиномъ Ротмистра, а за долговременную службу и раны опредѣлили ему пенсію. Сей достойный и несчастный человекъ не долго пользовался щедростію Монарха; прѣбывавъ въ мѣстечкѣ Почепъ Черниговской Губерніи, занемогъ онъ чахошкою, нѣсколько времени страдалъ, наконецъ умеръ; съ смертію его прекратился производимый ему отъ казны пенсію, единственное пропитаніе жены и трехъ сыновей, изъ которыхъ старшему около 10 лѣтъ. Два года это несчастное семейство живетъ здѣсь, по

естѣ въ Почепѣ, безѣ родспвенниковѣ и друзей. Маленькая хижина, данная имѣ однимѣ жалоспливымѣ человекѣмѣ, едва укрываетѣ ихѣ отѣ зноя и холода. До сего времени доставали они хлѣбѣ продажею нѣкоторыхѣ вещей, послѣ покойника оставшихся; но теперь и сѣ послѣднее средство изпоцилось, и имѣ безѣ помощи благодѣтельныхѣ людей ничего болѣе не остается ожидать, кромѣ голодной смерти.

Милосливый Государь, я не знаю васѣ лично, но думаю, что вы имѣете доброе сердце. Возмишесѣ помочь этимѣ бѣднымѣ спрадалцамѣ, помѣспивѣ мое письмо въ вашемѣ Журналѣ; можетѣ бытѣ просное, совсѣмѣ неукрашенное изображение несчастія дойдѣтъ до сердца нѣкоторыхѣ изѣ вашихѣ Чищателей. Россія богата людьми соспрадательными, желающими одного только случая помогать ближнему; многіе имѣющіе избытокѣ захошятѣ удѣлитѣ частицу его, чтобы спасти жизнь бѣдной матери; могущей умерѣтъ съ голода съ прѣмѣ сиротами. Если найдутся сѣ добрые люди и захошятѣ васѣ сдѣлать посредникомѣ своихѣ благодѣній (*), то вы можете адресовать свои письма въ Почепѣ на имя

(*) Издастель съ удовольствіемѣ приметѣ на себя эту обязанность. Ж.

М . . . . В . . . . ы Б . . . . ой (это ея фамилія, кошорой въ Вѣспникѣ прошу не объявляшь, ибо она обѣ эпомѣ письмѣ ничего не знаешъ); въ прошивномѣ же случаѣ и сами желающіе подати помощь могутъ присылать, сколько кому заблагорасудится, въ Почепѣ же на имя Вильгельма Зандмарка, приложатъ въ пакетѣ записочку, что деньги посылаются по напечатанному въ такомъ-то номерѣ Вѣспника Европы письму. Имена сихъ благодѣтельныхъ людей будутъ послѣ припечатаны въ вашемъ Журналѣ, вмѣстѣ съ благодарностію отъ получившей. Честъ имѣю быти съ истиннымъ почтеніемъ.

И. Я.

2.

Марта 16 1809, городъ Ч . . . К . . . ъ.

Прошу васъ, не поскучайте, милосивый Государь, прочитавъ это письмо и, елики можно, помѣстите его въ вашемъ Журналѣ. Бѣдное семейство, которое описано въ немъ, помишся ужасною нищетою и можетъ быти должно совсѣмъ погибнуть! . . .

Прѣзжая чрезъ Спавропольской уѣздъ (Симбирской Губерніи), остановился я для перемѣны лошадей въ селѣ, называемомъ *большая Кандаля*. Меня встрѣшилъ спаросша, выбранный самими крещьянами —

молодой человекъ лѣтъ шестнадцати; по имени Антонъ, который съ добродушнымъ усердіемъ пригласилъ меня войши въ его избу и ошдохнушь въ ней, пока будешь готовишь подводы. Иду — что же предсказывается моему взору! Посреди пущова, занесеннаго снѣгомъ двора, маленькая и почти разрушившаяся избенка, съ приспавленными изъ жердей и худо накрытыми соломой сѣньми: отворяю дверь и вижу несчастное семейство Антона, состоящее изъ четырехъ дѣвочекъ и одного мальчика (изъ коихъ старшей сестрѣ не было болѣе тринадцати, а младшей не болѣе пяти лѣтъ). — Недоспало въ всѣхъ необходимостяхъ домашнихъ, и рублище, которое на нихъ было накинута, показывало совершенную нищету. Въ избѣ кромѣ большаго корыща, служащаго для корма лошади, не было ничего такого, что бы могло служить вмѣсто постели или покрыва, защищающаго отъ суровости зимней — даже посуды, въ которой бы можно было приготовить пищу; и изба казалась такъ холодна, что вѣроятно не попили ее болѣе двухъ сутокъ. — Большая сестра, дрожа отъ стужи, сидѣла за пряжей; меньшія окружали ее и просили хлѣба, а мальчикъ шести лѣтъ лежалъ на холодной печи и плакалъ, что ему не въ чемъ выйти на улицу. —

Признаюсь, увидя такую бѣдность, я былъ чрезвычайно разстроганъ; любопытство заставило меня спросить, отъ чего они такъ бѣдны, и гдѣ ихъ мать или отецъ? — Старшая дѣвочка сказала мнѣ со вздохомъ, что нищету послалъ имъ Господь Богъ; что Онъ лишилъ ихъ и матери; что бѣдный отецъ ихъ. . . . Она замолчала и заплакала, а я повторилъ вопросъ: давно ли они лишились родителей и какъ? — „Мапушки, отвѣчала дѣвочка, нѣтъ у насъ уже пятой годъ; отецъ нашъ — ахъ, бѣдой нашъ отецъ!“ — Она закрыла передникомъ глаза; другія малюшки начали плакать. Бѣдная боялась говорить, ибо ей спрашно было признаться, что она дочь виновнаго. Ахъ! не рѣдко отцы и матери бывающъ убиты развратомъ дѣтей своихъ; но часто и дѣти принуждены краснѣть отъ преступленія родителей! . . . Я, не зная ни причины ихъ слезъ, ни вины ихъ отца, не переставалъ спрашивать, гдѣ онъ и что съ нимъ случилось? Но онъ молчали — въ эту минушу входилъ Антонъ, ихъ старшій братъ, единственнй покровитель бѣдныхъ сиротъ; заставши сестеръ и братьевъ своихъ въ слезахъ, подумалъ онъ, что я уже знаю несчастную ихъ исторію; перемѣнился въ лицѣ и съ робостью, по убѣжденію моему, началъ опи-

сывашь плачевную свою участь. — Я узналъ наконецъ, что отецъ ихъ, не долго предъ тѣмъ, за принятіе краденыхъ вещей посланъ на поселеніе, а дѣшамъ оставилъ въ наслѣдство одну нищету и горестное благословеніе. Аншонъ, по обязанности сына, сколько можно, старался доказатьъ невинность отца своего; но законы произнесли приговоръ, и надлежало повиноваться безъ прекословія... На строгость законовъ ропщашь не должно: пускай спрадаешь преступникъ; но чѣмъ же виновно несчастное семейство? Въ какую бездну спраданія и нищеты оно низвержено! ... И нѣтъ благодѣтельной руки, которая бы исторгла его изъ этой бездны! Вообразите, милосливый Государь! эшошъ молодой человекъ, или лучше сказашь, ребенокъ, заступившій въ семью своей мѣсто опышнаго отца, имѣвшъ одну шлоко старую лошадь, слабую сошрудницу слабыхъ его силъ — на нейшо онъ долженъ раздирать упорное нѣдро земли, и съ попомъ, а можешь бышь и кровію, доставашь дневную пищу бѣднымъ сиротамъ своимъ! — Но чѣмъ онъ будешь прикрывашь нагошу ихъ? Какъ сохранишъ онъ разрушенія времени убогую свою хижину, гошовую уже развалишья? ... Такъ! скоро, очень скоро оправа печали изнуришъ юныя сердца бѣд-

ныхъ сиротѣ! Признаюсь, я не могъ удержаться отъ слезъ, смотря на несчастныхъ малюшкѣ, можешь быть опредѣленныхъ судьбою погибнуть отъ голода. или, что еще ужаснѣе, быть жертвою развраща — ибо чего не приключаются бѣдность и голодъ! Я старался утѣшить ихъ надеждою; но они, казалось, давно позабыли, что такое утѣшеніе! — Хотѣлъ помочь ихъ бѣдности, но значущаго ничего сдѣлать былъ не въ силахъ, и попому рѣшился, милосливый Государь, написать къ вамъ, въ надеждѣ, что вы мое писъмо помѣстите въ вашемъ Вѣсникѣ. Пусть любопытные прочтутъ его; имѣющіе чувствительную душу вздохнутъ о несчастныхъ, а люди сострадательные, одаренные отъ судьбы хорошимъ достаткомъ, найдутъ ихъ хижину, и принесутъ отпуду погибающимъ въ опчаянїи.

Симбирская Губернїя, а особливо Дворяне Ставропольскаго уѣзда, всегда славилась своими благошворенїями, всегда охотно помогали несчастнымъ; но кто изъ нихъ узнаеть, что въ селенїи, изобилующемъ произведенїями природы, на ряду съ хижинами жилищныхъ крестьянъ, находится бѣднѣйшая въ мїрѣ хижина, въ которой помнтся семейство, пораженное нищетою? Кто скажетъ имъ, что въ этой хижинѣ погибають юноши въ дѣвнѣйшемъ цвѣтѣ лѣтъ — невинныя

жертвы пресупленія родителей? . . . Кшо покажешъ имъ убогую сію хижину? — Увидя ее, конечно подвигнушся они соспраданіемъ, и тогда бесполезно уже будешъ преклоняшь ихъ въ подаянію помощи, ибо соспрадательныя сердца предупредяшъ молишву нещасія. Вы одинъ, милоспивъй Государь, можеше открышь имъ путь въ жилище нещасія — не спжажипесь же исполнишь моей прозбы: вы будете за то награждены сладостнымъ удовольствіемъ, которое найдете въ своемъ сердцѣ, и которое вкушаю отъ одной надежды. что мое усердіе оправдано будешъ уснѣхомъ! Съ почтеніемъ честь имѣю пребышь. N. N.

XII.

Эликсиръ безсмертія.

Абульказемъ, сказалъ сполѣтній Мирза молодому своему сыну, поздравь меня! я имѣлъ щасіе наконецъ сосхавишь эликсиръ безсмертія. Видишь ли этотъ стеклянный сосудъ и эту фаянсовую чашу? Въ первомъ заключаешся драгоценный эликсиръ, въ послѣдней чудесная мазь, имѣющія даръ возобновлять движеніе въ чловѣческой машинѣ, еспли только она не весьма давно разспроилась — они даюшъ ей новую силу, живость и дѣятельность;

словомъ, приводящъ ее опять въ состояніе дѣйствовашь сколько же времени, сколько она дѣйствовала, считая отъ минушы зачатія до той минушы, въ кошорую разспроилась и была возобновлена могущесствомъ эликсира. Но, сынъ мой! надобно замѣшишь, что это лѣкарство должно бышь употреблено не прежде, какъ черезъ десять часовъ по прекращеніи жизни въ шлѣ, что есть, пока еще сохраняется въ немъ нѣкошорая часть теплоты; по исщеченіи же сего времени, вліяніе эликсира перестаетъ уже бышь дѣйствительнымъ. Чувствую, что минуша конца моего приближается: труды и размышленія меня изнурили. Исполни мое завѣщаніе, добрый Абульказемъ: какъ скоро умру, намажь все шло мое эшою мазью; пошомъ, какъ скоро увидишь, что оно оживишь, какъ скоро жилы и мускулы мои придутъ въ движеніе, пролей на языкъ мой нѣсколько капель эликсира — и я воскресну; и ты дашь мнѣ снова жизнь, кошорую нѣкогда самъ получилъ отъ меня; и съ той минушы перешау бышь твоимъ опцомъ, а буду именованъ шебя своимъ брашомъ; и мы будемъ взаимно сохраняшь другъ другу бышье; ты воскресишь опца своего, а онъ, въ свою очередь, воскресишь нѣкогда своего сына — и жизнь наша будетъ продолжаться безконечно.

Въ самомъ дѣлѣ Мирза, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по открытіи шайны своей, умеръ. Абульказемъ, пораженный копчиною родителея, котораго любилъ нѣжно, забылъ въ минушу горести о чудномъ эликсирѣ безсмертія; онъ вспомнилъ объ немъ уже по испеченіи двадцати часовъ, но поздно. Горести и угрызенія совѣсти Абульказема были неописанны. Онъ долго плакалъ — наконецъ время, всеобщій утѣшишель, утѣшило и его. Абульказемъ началъ искать разсвѣтленія; случай познакомилъ его съ предестинною Фатимой; онъ полюбилъ ее, сдѣлался ея супругомъ и черезъ нѣсколько времени щастливымъ отцемъ. Сынъ его, Абдалла, выросъ, возмужалъ — Абульказемъ соснарьлся, посдѣлалъ, наконецъ почувствовалъ приближеніе смерти. Наспавленный собственнымъ ужаснымъ опытомъ, подумалъ онъ, чѣмъ послунишь гораздо благоразумнѣе, еслили возбудишь въ сынѣ своемъ корыслолюбіе, и жадносцію къ богатству, а не любовію къ родителю принудишь его воспользоваться тѣмъ эликсиромъ, который достался ему отъ Мирзы въ наследство.

Абдалла — сказалъ онъ своему сыну — видишь ли этотъ эликсиръ въ стеклянномъ сосудѣ и эту мазь въ фаянсовой чашѣ? Они въ одну минушу могутъ да-

спавишь шебѣ сокровища несмѣшныя. Выслушай мое наставленіе, и выполни его непременно, со всевозможною точностію. Конецъ мой близокъ, скоро умру — но шѣло мое не должно обратиться въ прахъ и быть добычею шлѣннѣя. Черезъ часъ послѣ моей смерти — не раньше и не позже — ты долженъ намазать меня эвою мазью, и потомъ вылишь на языкъ мой нѣсколько капель сего эликсира: увидишь, что мертвое шѣло мое обратится въ золотой слайокъ, а глаза мои и зубы въ крупные, самой лучшей воды алмазы.

Абульказемъ занемогъ смертельною болѣзнію; закрывая глаза, повсорялъ онъ умирающимъ голосомъ Абдаллѣ: мой сынъ, не забудь! черезъ часъ — ни раньше, ни позже! Сынъ плакалъ, однако держалъ уже въ рукахъ часы, сосудъ съ элексиромъ и чашу съ мазью. Абульказемъ вздохнулъ въ послѣдній разъ — Абдалла былъ въ ошчачаннѣи, однако не могъ не ушѣшить себя прѣянною мыслию, что покойный отецъ его былъ ошѣ природы дороденъ, имѣлъ большіе глаза и не потерялъ ни одного зуба. По испеченіи часа, онъ принялся нашивать его мазью. Кончивъ первую работу, приступаетъ къ другой, беретъ сосудъ, ошчрываетъ, хочетъ налить элексиру на языкъ мертваго — о чудо! Лице его оживлено,

глаза движущаяся, уста раскрылись! Абдалла ужаснулся, руки его задрожали, он уронил сосуд и сосуд разбился вдребезги.

ХІІІ.

Праздникъ челоѣкъ.

Праздникъ челоѣкъ, по моему мнѣнію, занятъ болѣе нежели другіе. Онъ имѣетъ придесять хорошихъ друзей, которыхъ знакомство обязанъ поддерживать. Пятнадцать изъ нихъ ожидаютъ его въ одинъ и тотъ же день обѣдать: онъ всѣмъ общался, и всѣмъ хотѣлъ бы сдерживать данное слово, но могъ едва поспѣть къ одному, и то уже засталъ его за послѣднимъ — что его задержало? Онъ бѣгалъ по лавкамъ, покупалъ Госпожѣ Б** перчатки; Мондору куришельный шабракъ; Алиѣ кружева; Селимѣ заказывалъ башмаки, а съ Доримомъ ѣздилъ на садку!

Онъ закупаетъ вино и ликеры для всѣхъ своихъ знакомыхъ; знаетъ, гдѣ продается лучшій говяжій бульонъ; каждый день ѣздитъ съ Пречистенки въ Нѣмецкую слободу къ знакомому часовщику поѣрять свои часы; онъ снажетъ вамъ

вамъ имена всѣхъ лучшихъ и посредствен-
ныхъ золотыхъ дѣлъ масперовъ. Онъ
знаетъ, что у Пришлея лучше очки, а
у Брейбизюса лучше электрическія ма-
шины; первый имѣетъ свѣденія о новыхъ
книгахъ, копорыя получили Дандили и
Риссъ; знакомъ со всѣми рѣзчиками пе-
чапей, копорыхъ лучшія печаша, эмблемы
и девизы опишетъ вамъ съ удивительною
почностію. Онъ можетъ назваться испори-
комъ всѣхъ модныхъ собраній: вы встрѣ-
тились съ нимъ на другой день послѣ ма-
скерада, онъ удивитъ васъ шюю подро-
бностію, съ какою будешь описывать наряды
и костюмы Московскихъ красавицъ, не
уступитъ вамъ ни одного снурка: все, на-
чиная отъ башмаковъ до гребня, разсмотрѣ-
но имъ съ удивительною внимательностію.

Онъ вѣчно въ хлопотахъ, вѣчно гре-
митъ по мостовой въ каретѣ. Пріятнѣй-
шее имя ему: господинъ *вездѣ и нигдѣ*.
Вы видите его въ церкви — онъ слушаетъ
пѣвчихъ и съ видомъ знакока бьетъ тактъ,
когда поютъ *Иже Херувимы*; онъ попа-
дается вамъ въ мѣняльной лавкѣ, гдѣ
спрашно горячится, спараясь убѣдить
покупщика и лавочника, что пистоле-
ты, копорыя послѣднему хочется сбыть
съ рукъ, не могутъ быть *Кухенрей-
товой работы*. Онъ первый узнаетъ о

пожалованныхъ, опшсавленныхъ, умирающихъ, умершихъ, и бѣгая по бульвару, щедро осыпаетъ знакомыхъ своихъ извѣспіями, пустыми и важными. Онъ гражданинъ Англійскаго Клуба, развертываетъ всѣ иноспранные журналы, ночипаетъ со вниманіемъ отъ начала до конца одну полнокъ спашью въ Московскихъ Газетахъ *о прѣвзжающихъ и отѣвзжающихъ.*

Онъ чрезвычайно услужливъ — для васъ нанимаетъ ложу, и вамъ достаетъ билетъ въ Благородный спектакль; нику не опыщентъ скорѣ его въ собраніи чело-вѣка, не принесентъ Дамѣ салопы, не проведентъ еѣ лучше и проворнѣ къ подѣвзду. Вамъ нуженъ лѣкаръ — онъ бросаетъ въ карепу, скачентъ, и черезъ минушу являентъ къ вамъ съ лучшимъ Московскимъ Эскулапомъ. Вы огорчены — онъ радъ насильно вломиться къ вамъ въ двери, и утѣшаетъ васъ безъ всякой пощады.

Короче: жизнь челоѣка празднаго еспъ самая безпокойная и шаякая; въ одинъ день сдѣлаентъ сполько дѣлѣ *щепомъ*, сполько челоѣкѣ шрудолубивый не могѣ бы передѣлашъ и въ пять мѣсяцевъ.

N. N.

XIV.

Обѣдъ Бедуина.

Голодный Бедуинъ увидѣлъ Араба, который спокойно сидѣлъ за обѣдомъ. Онъ подошелъ къ нему и нѣжно поглядывалъ на жирной пловщъ, который дымился и прельщалъ его своимъ ароматическимъ запахомъ. — „Ошкуда шы?“ спросилъ Арабъ. — Изъ швоего селенія. — „Видѣлъ ли шы моего сына, Османа.“ — Видѣлъ! здоровъ и бодръ, какъ молодой левъ! — „А мать его Фашиму?“ — Она въ своей богатой одеждѣ, какъ свѣшное солнце, часъ ошъ часу спановишся дороднѣ и полибѣ. — „А моего красного верблюда?“ — Верблюдъ швой здоровъ и бѣгаешъ быспрѣ молнїи! — „А мою собаку?“ — Она раздобрѣла и лаешъ на всѣхъ проходящихъ. — „А мой прекрасный домъ?“ — Подлинно прекрасный! онъ свѣшелъ и проспоренъ .... Но Бедуинъ замѣшилъ, что Арабъ, задавая ему вопросы, почти докончилъ обѣдъ свой, и не имѣлъ въ мысляхъ попчивашъ его пловшомъ. — Посшой, дружокъ, сказалъ онъ, сердись или нѣшъ, а я опвѣдаю эшаго блюда. — Пробѣжала мимо ихъ собака — „И это собака, сказалъ Арабъ; но какъ сравнишь ее съ моею!“ Да, хороша была покойница! — „Какъ покойница!“ воскликнулъ Арабъ, бросивъ ложку. — Вѣчная

ей память; она очень весело бѣгала по улицѣ въ этотъ самый день, въ который я выѣхалъ изъ вашего селенія; но мой пріятель, который черезъ часъ послѣ меня опшуда же выѣхалъ, сказывалъ мнѣ, что она умерла, обвѣвшись своего верблюда. — „Ахъ, Боже! верблюда! какимъ образомъ?“ — Да, его принесли въ жертву на гробъ Фахимы, швоей жены! — „Милосердый Творецъ! Фахима умерла! О я несчастный! Но что же было причиною смерти ея?“ — Нечаянное извѣстіе о смерти сына швоего Османа. — „О жребій! и Османъ, и сынъ мой Османъ!“ — Да, и сынъ швой Османъ! Его вышацили мертваго изъ-подъ развалинъ дома швоего, который обрушился.“ — Тутъ бѣдный Арабъ повалился на землю, началъ рвать на себѣ одежду и волосы, плакалъ, кричалъ; а Бедуинъ между шѣмъ, расположившись весьма хладнокровно на его мѣстѣ, добль и сорочинское пшено и весь остатокъ его обѣда.

ХУ.

Отрывокъ изъ руколиси, подъ заглавіемъ: Теорія честолубія.

Глава о характерѣ.

1. Какимъ бы правилами мудрости вы ни слѣдовали, какое бы мѣсто ни занима-

ли въ мѣрѣ, всегда и вездѣ будете увлекаемы безразсудностію людей, покорны самовластному мнѣнію, гонимы насиліемъ, опущаны коварствомъ, очернены завистію, осмѣяны женщинами, и мужчинами, похожими на женщинъ, обвинены пеленами глупыхъ, но въ порядкѣ природы и общества почтенныхъ пирановъ. И такъ сохранише въ душѣ своей жажду безсмертія: — лучше спряться и даже погибнуть со славою на поприщѣ великомъ, нежели безпрестанно чувствовать боль отъ уязвленія комарей въ уголку земли, неизвѣстномъ и темномъ.

2. Переносишься къ прошедшему, устремляешься въ будущее, чувствуешь и мыслишь всегда и вездѣ — такое обширное существованіе превосходнѣе онаго ничтожнаго чувства, которое привязываетъ скупаго или сластолюбца къ шаткимъ предметамъ надеждъ его, и держитъ его согбеннымъ надъ порою времени и пространства.

3. Знай самого себя — и силу свою и слабость; дѣлай самъ, что можешь сдѣлать съ успѣхомъ, а то, къ чему неспособенъ, заставляй дѣлать другихъ, имѣющихъ недосыпающую себя способность, узнавъ напередъ, друзья ли они твои по сердцу, или по выгдѣ.

4. Болшпливосшь и поспоянспво — двѣ вещи, одна другой совершенно прошивныя. Обдумай намѣреніе свое въ молчаніи — тогда оно обнаружится въ дѣйствіи; еспь ли же оно на словахъ, по вѣсперв унесешъ и волю твою вмѣстѣ съ словами.

5. Люди, копорыхъ ремесло бышь умными, не имѣютъ довольно рѣшимости, чшобы сохранишь намѣренія свои во глубинѣ души до минушы исполненія: они въ безпреспанномъ безпокойствѣ; для нихъ необходимо обнаружитъ свою плодовишосшь. Они подобны женщинамъ, копорыя дають вамъ чувспвовашь, что имѣютъ на сердцѣ шайну, его обременяющую, и хвалящя своимъ бременемъ. Имъ прошиворѣчатъ, надъ ними смѣются — и всѣ ихъ замыслы мало помалу уничтожающя.

6. Хотите ли предохранить свой характеръ отъ измѣненія и защитишь намѣренія свои отъ перемѣнчиваго вліянія вашей крови, иногда болѣе, иногда менѣе воспламененной — обдумайте сколь можно лучше планъ свой, какъ въ отношеніи къ настоящему, такъ и въ отношеніи къ будущему; нащитише его собспвенно для себя яснымъ и простымъ слогомъ, потомъ начинайте дѣйствовашь, слѣдуйте своему предписанію, и исполняйте въ назначен-

ное время все то, что вы самому себе назначили в это время исполнишь.

7. Человекъ, избирающій великую цѣль, говоритъ: *стой солнце!* и однимъ словомъ уничтожаетъ онъ всѣ перемѣны, производимыя солнечнымъ ходомъ. Но въ тридцать лѣтъ сія неподвижность опасна: однѣ только многократныя неудачи въ выборѣ цѣли могутъ познакомить васъ съ настоящею цѣлюю.

8. Холодная дерзость — произведеніе разчета. Чтобы полагаться на мужество свое въ нуждѣ, надлежитъ предпринять и расположить весь планъ своихъ дѣйствій въ минушу холодноши, когда находишь въ самомъ себѣ превосходство разсудка передъ своими врагами; естлижь швой героизмъ одно произведеніе спрасши — то что будешь съ шобою, когда ушрацишь сію спрасшь, единственную всему причину?

9. Хочешь ли быть и казаться исполномъ по уму и сердцу? Помѣсни себя въ кругъ великомъ — вещей, времени, мѣсна и людей: людей, не смотря на зависть, грызущую сердца ихъ, любящъ находишь въ другихъ то величіе, какого въ самихъ себѣ не находишь.

10. И такъ убѣгай малаго, стремись къ великому.

11. Упорство и уединеніе — два источника необыкновеннаго.

12. Общество изцѣляетъ отъ гордости, уединеніе изцѣляетъ отъ тщеславія.

13. Въ душѣ пвоей поселяется инокшорая праздная, посторонняя забота — ослабь на время свое напряженіе, предайся на время даже безопасности, попомъ, ободрившись новымъ мужественнымъ взглядомъ на свою великую цѣль — возбуди себя сильнымъ поприсеніемъ и возвысься.

14. Присутствіе силы дружественной дѣлаешь сильнымъ, а силы враждебной дѣлаешь слабымъ; присутствіе слабости дружественной дѣлаешь добрымъ, а слабости враждебной дѣлаешь гордымъ.

15. Человѣкъ не иначе можешь быть великъ въ собственныхъ глазахъ, какъ только по мѣрѣ того уваженія, которое къ самому себѣ имѣешь: и такъ избѣгай роли посредственной, и общества людей, смотрящихъ на все съ презрѣніемъ — ты подвергаешься опасности имъ повѣршишь.

16. Имѣй въ рукахъ всѣ средства дѣлай зло, чтобы же имѣшь нужды при-

бѣгать къ симъ средствамъ, но быть на-
противъ смѣлымъ, яснымъ, тихимъ и бла-
годѣтельнымъ по одному чувству могу-
щества.

Эро - Сешель.

XVI.

О переплетяхъ и переплетчикахъ.

Книги друзья, съ которыми надле-
житъ обходиться непринужденно. Люб-
лю читать, но переплетъ первый непріят-
ель чтенія. Ремесло переплетчиковъ
есть въ глазахъ моихъ одно изъ самыхъ
безполезныхъ — оно возвышаетъ дороговиз-
ну книгъ и препятствуетъ ихъ употребле-
нію. Оцѣвывая произведенія великаго
ума въ картонъ, разкрашенный и раззоло-
ченный, въ шелячью кожу, въ сафьянъ —
для чего же? Для того, чтобы прельстить
имъ разпочищенное невѣжество. Пере-
плетчикъ есть спражь книги; списнувъ
высокія мысли Философа и Поэта между
двумя досками, обшпанными кожею, онъ
говоритъ мнѣ: *не прикасайся!* Кто по-
купая книгу восклицаетъ: *какой пре-
красной переплетъ!* шощъ вѣрно не
скоро ошважиться ошкрыть ее, и слѣд-
ственно прочитаетъ. Переплетъ шемница

книги. Вы боишься или обшерести прекрасный сафьянъ, или замарашь великолѣпный зо ошой обрѣзъ, или разорвашь листки, которые такъ плотно и красиво склеились отъ позолоты. Словомъ, книга, блестящая переплетомъ и золотомъ, есть украшеніе шкапа, есть самая бесполезная мебель вашего великолѣпнаго кабинета.

На шѣ деньги, которые заплашили вы за переплеты, могли бы вы купить другую библіотеку; но книги покупаютъ обыкновенно какъ Китайскія куклы, которые блестятъ на каминѣхъ, и можетъ быть для того, чтобы онѣ могли нѣкогда блистать въ описи имѣнія, когда заимодавцы придутъ описывать и домъ вашъ и всю вашу движимость. Но я думаю, что во сто разъ лучше покупать мысли, нежели шелячью кожу.

Когда я вхожу въ библіотеку и вижу великолѣпныя книги въ великолѣпныхъ шкапахъ; то мнѣ всегда приходитъ на мысль совѣтъ, данный Лафоншелемъ скупому: накладывай въ сундуки свои камни! не все ли для тебя равно?

Покупайте книги для того, чтобы ихъ читать, перечитывать, мараить и гнуть сколько вамъ угодно: Горацій, совершенно чистый и новый, можетъ принадлежать одному только глупцу.

И какъ осмѣлишься вы прикоснуться къ великолѣпному созданію переплещика? Не безчеловѣчно ли будете, еспьли вы замараешъ эшоу прекрасный сафьянъ, украшенный золошою сѣпкою, цвѣтами, аллегорическими фигурами? — Эшо игрушка! скорѣе спрячьте ее за стекло; шамъ навсегда будете она въ безопасности отъ лучей солнечныхъ и отъ погибельнаго прикосновенія рукъ вашихъ.

Что касается до меня, то я, оставляя васъ при вашихъ великолѣпныхъ переплешахъ, возвращаюсь къ моимъ, скромнымъ и невзыскашелянымъ. Друзья мои! вы не обременяете ни рукъ моихъ, ни глазъ; вы не прошиваетесь моимъ ласкамъ; могу васъ развершывашъ и перевершывашъ, какъ хочу; вы мои: загибаю лиспы, мараю на нихъ чернилами и карандашемъ свои замѣчанія; знакомлюсь съ книгою, какъ мнѣ угодно; она не бременитъ моего спола, падаешъ безъ стуку; подымаю ее безъ шруда, бросаю, куда мнѣ вздумаешся, не опасаясь испоршить переплешъ, и шѣмъ убавишь ее цѣну.

Но что прикажете мнѣ дѣлать съ книгою, богашо переплешенною? — Она, прошивъ воли моей, вырывается у меня изъ рукъ; она представляешъ глазамъ

моимъ что-то материальное. Согласенъ, что нѣкоторыя сочиненія имѣютъ нужду въ уборѣ и блескѣ наружномъ; но ты, Маркъ Аврелій! ты, который умѣлъ сохранить простоту и на провѣ, какая нужда переплещать себя въ сафьянѣ съ золотымъ обрѣзомъ?

Войдите въ мой кабинетъ: вы не найдете въ немъ ни одной переплещенной книги — и шѣ, которыя попадаются мнѣ въ переплещъ, не долго сохраняютъ свой уборъ: я пошчасъ опдираю переплещъ — ибо имѣю привычку поступать съ книгами моими самовласно; хочу, чтобы онѣ разкрывались свободно и оставались раскрытыми столько времени, сколько мнѣ хочется.

А какъ же сберечь книги? — Смѣшной вопросъ! Спрячь ихъ въ ящикъ; на что выставляешь ихъ на показъ въ великолѣпныхъ шкапахъ? Впрочемъ, что вы ни дѣлайте, въковъ черезъ пять ни одной изъ книгъ вашихъ не будетъ на свѣтѣ — благодаря *безконечно малымъ* разрушителямъ; въковъ черезъ пять и Поэмы Делия и (что еще горестнѣе) Философія Нашуры другаго Делия и всѣ мои шомы обращены будутъ въ жалкую груды пыли.

Мерсье.

XVII.

Три Философа.

(Греческая новость.)

Жилъ въ Греціи человекъ, котораго вѣчно плакалъ — его называли Гераклишомъ. Онъ былъ высокъ ростомъ, спроченъ; имѣлъ величественное лице; носилъ великолѣпную одежду; покрывшъ былъ царскою мантиею; всегда имѣлъ въ рукахъ скипетръ, а на головѣ корону.

Съ высокой кафедры, украшенной великолѣпно, проповѣдывалъ онъ Аѳинцамъ правила добродѣтели героической и усpreмлялъ ихъ взоры на несчастія Государей — и народъ, слушая поученія мудреца, утѣшалъ себя тѣмъ, что и Монархи бывающъ иногда подвержены печалямъ.

Гераклишъ, пользуясь расположеніемъ Аѳинянъ, наполнялъ сердца ихъ любовью къ добродѣтели, отвращеніемъ къ пороку; и для того не рѣдко представлялъ имъ добродѣтель порожествующею, щасливою, и въ то же время научалъ ихъ предпочитать несчастія утѣсенной невинности щастію порожествующаго злодѣя.

Народъ, слушая поученія Гераклиша, проливалъ слезы — и проливая ихъ наслаждался. Онъ мыслилъ, и мыслилъ спра-

ведливо, что сія минушная горестъ была благодѣтельна для сердца.

Гераклишъ имѣлъ гений обширный, воображеніе живое, слогъ благородный, правильный и проспой — онъ былъ краснорѣчивъ въ прекрасныхъ стихахъ, наславлялъ, утѣшалъ, шрогалъ — мудроно ли, что народъ толпами спекался къ его высокой каведрѣ, жопя надлежало спостоять на ходуляхъ, чтобы его слышать!

Въ это самое время появился въ Аеннахъ другой Философъ, во всѣхъ отношеніяхъ прошивной первому. Онъ вѣчно смѣялся. Его называли Демокришомъ.

Нашура произвела его съ огромнымъ горбомъ на спинѣ, и за то онъ очень часто, умирая со смѣху, бранилъ Нашуру; но вы не подумайте, чтобы онъ сердился на нее за то, что она его наградила горбомъ — ни чупь! Демокришу было досадно, что Нашура дала ему шольжо одинъ горбъ. И въ самомъ дѣлѣ, господинъ Демокришъ, чтобы нѣсколько поправиль ошибокъ Нашуры, вздумалъ приспавиль себя спереди другой горбъ — для того, говорилъ онъ, чтобы *передъ* не могъ позавидовать *заду*.

Но это маленькое пристрастіе къ симметріи было не всегда въ одинакой силѣ. На примѣрѣ, господинъ Демокристъ носилъ на правой ногѣ черную сандалію, а на лѣвой красную. Прическа его мѣнялась каждый Божій день: иногда являлся онъ разпудренный въ прахъ, какъ молодой въспрогонъ; иногда въ изшасканномъ парикѣ изъ козьеѣ бороды; нынче ходилъ въ богашомъ хитонѣ, завтра надѣвалъ Гарпагонскую маншію въ заплахахъ и пашнахъ; словомъ сказать, одежда его мѣнялась чаще погоды.

Иногда предсавлялъ онъ въ себѣ Алцибіада, менавистника мужей и друга замужнихъ женщинъ; иногда приспавленный къ запылку его рога показывалъ, что онъ разположился причислить себя къ сектѣ супруговъ.

Демокристъ имѣлъ маленькіе, живые, огненные глаза, большой ротъ и прекрасные бѣлые зубы, копорые всегда были наружъ, пошому что господинъ Философъ никогда не пересшавалъ смѣяться.

Но для чего же онъ безпреспанно смѣялся? — Для чего! Демокристъ любилъ осмѣивать нравы любезныхъ своихъ согражданъ, и засшавлялъ ихъ повеселишья на

собственнѣйшій счетъ свой, не оскорбляя нисколько ихъ самолюбія. Выраженія его не имѣли ни возвышенности, ни чистоты, ни пріятности Гераклишовой; но онѣ были забавны и остроумны. Народъ, плачавъ надъ участіемъ Царей, отъправлялся къ Демокрипу смѣяться надъ собственными своими глупостями.

Таковы были удовольствія Аѳинянъ, когда явился прешій Философъ, именемъ Діогенъ, который выбралъ мѣсто для лекціи между каедами Гераклиша и Демокриша, и началъ учить мудрости всѣхъ шѣхъ, кому угодно было ей учиться.

Діогенъ не имѣлъ въ наружности своей ничего необыкновеннаго; не имѣлъ ни величественнаго лица Гераклишова, ни уродливаго горба Демокришова — новость привлекла множество слушателей къ его каедрѣ. Онъ не хотѣлъ, чтобы слушатели его всегда плакали, или всегда смѣялись; смотря по обстоятельству, они или смѣялись или плакали, или, не дѣлая ни того ни другаго, а очень хладнокровно слушали наставленія Діогена.

Господинъ Діогенъ не думалъ занимать ихъ бѣдствіями Царей, ни спранными гражданами Аѳинскими; онъ представлялъ

человѣческую жизнь почти въ томъ видѣ, каковой она имѣетъ, смѣшанною съ печальнымъ и веселымъ. Онъ избиралъ предметы понятные для всѣхъ и каждаго. Они не были представляемы имъ въ перспективѣ, какъ на примѣрѣ тѣ, которые показывалъ Гераклисъ; и чтобы слышать его, не нужно было спановишься на ходули — по этой причинѣ, Діогенъ надѣялся понравиться болѣе, нежели его соперникъ. Но по несчастію, въ толпѣ слушающихъ нашелся одинъ шутникъ, который сказалъ: друзья мои! господинъ Діогенъ правъ! онъ описываетъ намъ то, что всякой день происходитъ въ нашихъ семействахъ! Но мы лучше сдѣлаемъ, еслии разойдемся по домамъ: здѣсь начинаемъ спановишься очень холодно.

Въ самомъ дѣлѣ, господинъ Діогенъ не имѣлъ ни Гераклисова жару, ни остроумія Демокриповой.

Увидя, что народъ начиналъ разходиться, онъ воскликнулъ: Государи мои! куда вы идете? Развѣ я не имѣю дара вамъ нравиться? Развѣ я не Философъ? Развѣ не говорю языкомъ чистымъ и пріимнымъ? Развѣ я не имѣю права назваться изобрѣшателемъ новаго рода? Развѣ не умѣю изображать сходно Нашуру? — Послушайте, господинъ Діогенъ — отвѣчалъ ему шопъ же насмѣшникъ, который

возмущилъ его лекцію и увелъ оубъ него всѣхъ слушателей — я расскажу вамъ то, что со мною случилось прошлаго году. Вамъ извѣстно, что я ваятель: у меня въ рабочей было и серебро и золото. Что же мнѣ вздумалось однажды сдѣлать? Смѣшались са металла, и попомъ изъ эшой смѣси вылишь Венеру. Какъ задумано, такъ и сдѣлано — Венера готова! я выполировалъ ее, какъ стекло, и выставилъ на продажу.

Она не золотая, сказалъ мнѣ одинъ; она не серебряная, сказалъ мнѣ другой; она не гладко выполирована, сказалъ мнѣ прѣшій. Ваша правда, милоспивые государи, ошвѣчалъ я — но въ шомъ-шо и соспоишь ея совершенство. Я подражалъ грубой Натурѣ, кошорая во виушренности земли перемѣшала и серебро и золото. — Прѣшель! возразилъ одинъ изъ эшихъ господъ, напрасно ты не вспомнилъ, что намъ всегда нравишься не грубая, но усовершенспивованная Натура. Подумайше, господинъ Діогенъ, не можешь ли и вамъ послужить эшо урокомъ? Онъ засмѣялся, поклонился Діогену въ поясъ и ушелъ — а съ нимъ и вся толпа народа: одни пошли поплакаться съ Гераклишомъ, другіе посмѣялись съ горбуномъ.

Маллетъ.

ПОЛИТИКА.

XVIII.

О соединеніи государствъ и смѣшеніи народовъ.

Люди свѣдущіе въ политикѣ и въ исторіи государствъ согласно ушверждаютъ, что не всякая конституція и не всякая форма правленія равно годятся для того или другаго государства, для того или другаго народа; но что конституція и форма правленія необходимо должны соотвѣтствовать свойству народа, обычаямъ его и отношеніямъ. Государство, состоящее только изъ одного народа, слѣдственно имѣющее отношенія простыя и неразнообразныя, пользуется немаловажными преимуществами, будучи управляемо самымъ легкимъ способомъ. Напротивъ того гораздо труднѣе управлять государствомъ, составленнымъ изъ народовъ и областей, коихъ выгоды несходны между собою. Потребно особенное благоразуміе, чтобы согласить выгоды различныя и часто противоположныя, чтобы перемѣшать разные народы, и чтобы изъ всѣхъ составить одно политическое шѣло. Небудемъ

упоминашь о прежней Германіи, сложенной изъ многихъ частей разнородныхъ. Германія съ давнихъ лѣтъ небыла уже единымъ, цѣлымъ государствомъ, или по крайней мѣрѣ она была составомъ безобразнымъ. Въ конспишущей Нѣмецкой Имперіи, при многихъ въ прочемъ важныхъ преимуществахъ, скрывался зародышъ ея разрушенія. Когда Фридрихъ Великій сравнилъ Пруссію съ государствами первосепенными, и содѣлалъ ее счастливою соперницею Австріи; съ тѣхъ поръ Германія не существуетъ. Союзъ Нѣмецкихъ Князей былъ не инымъ чѣмъ, какъ только на время облегчительнымъ лѣкарствомъ, и при тогдашнемъ состояніи дѣлъ политическихъ могъ служить ненадежною подпорою. Бѣдственное направленіе Французской революціонной войны ускорило минушу гибели для Германіи.

Другія государства равнымъ образомъ представляющъ доказательство, сколь необходимо, или сколь полезно политическое смѣщеніе. Взгляните, на примѣръ, на Австрійскую Монархію со времени Французской войны революціонной. Прозорливый Іосифъ II очень хорошо зналъ слабость своей Имперіи, отъ раздѣленія и разнообразности частей ея происходящую,

зналъ и всячески спарался поправить сіе несовершенство. Опытъ былъ несчастливъ для опважнаго и дбятельнаго преобразителя. Тогдашнее время неблагопріятствовало открытой силѣ; сверхъ того Іосифъ былъ не полководецъ, и не хотѣлъ оружіемъ покорить свое государство. Испорія училъ насъ, что государство, основанное посредствомъ завоеванія, долготѣ въ цѣлости пребываетъ, пока система завоеваній удачно продолжается.

Система соединенія государствъ и смѣшенія народовъ находится теперь на самой высокой степени своего совершенства; Императоръ Наполеонъ дѣйствуетъ по ней неушомимо. Онъ имѣетъ подъ своею властію шесть разныхъ народовъ, въ числѣ коихъ полагаешь должно и Испанцовъ. Важнѣйшая задача нынѣ въ томъ состоитъ, чтобы соединить всѣ сіи части; вошъ и главныя средства, которыми успѣшь можно въ семъ великомъ намѣреніи: 1) внѣшняя безопасность; 2) родственныи союзъ правителей; 3) однородная конституція; 4) сходство во внутреннемъ управленіи; 5) однородіе во внѣшнихъ отношеніяхъ; 6) равномерное употребленіе военной силы; 7) безусловное владычество и преимущества господствующаго народа.

I. Государство тогда находится въ состояніи вѣншей безопасности, когда нѣтъ чуждой державы, которая могла бы напасть на него въ чаяніи успѣха. Пока государство такимъ образомъ извѣе обезпечено; до тѣхъ поръ всѣ великія перемѣны внутри будутъ имѣть ходъ самой медленной, а польза отъ нихъ можетъ быть самая ненадежная. Исторія Французской революціи подтверждаетъ сію истину. Хотя Франція вмѣстала въ себѣ одинъ народъ и одно государство; однакожь принять можно за достоверное, что новая конституція утверждена не прежде 1801 года, когда Наполеонъ ослабилъ всѣ непріязненные державы, и когда заключилъ договоры въ Люневиллѣ и Амьенѣ. Опредѣлено не должно сравнивать Французской республики послѣ мира Кампо-Формійскаго съ нынѣшнюю Французскую Имперію. Германія (по крайней мѣрѣ по наружности), нижняя Испанія, Швейцарія тогда еще были независимыми государствами; а что и Испанія тогда не совсемъ еще ослабла, тому служатъ доказательства вновь случившіяся происшествія во время послѣдовавшей тамъ перемѣны въ правительствѣ. Нынѣ всѣ оныя государства принадлежатъ ко Французской Имперіи. Какъ прежняя Франція укрѣпилась чрезъ революцію, такъ и для

нынѣшней обширной Имперіи Наполеоновоу однообразное управленіе должно бытъ надежнымъ охранительнымъ средствомъ. Потому-то и пребуется, чшобы небыло другаго государсва, которое дерзнуло бы препящсвовашъ Наполеону въ исполненіи великихъ намѣреній, какого бы ни были онѣ рода, или которое могло бы возбудишь опасенія въ случаѣ открывшагося мятежа въ какой-либо часши его Имперіи. Сіе успѣлъ онѣ сдѣлать какъ силоу оружія, такъ и средствами шонкой политики. На швердой землѣ въ Европѣ находятся еще три независимыя государсва: Россія, Турція и Австрія. Чрезвычайныя усилія Вѣнскаго двора показываютъ по крайней мѣрѣ, что онѣ самѣ Австрію-скую монархію почишаетъ государствомъ самостоятельнымъ и независимымъ; но Императорѣ Наполеонѣ объявилъ, что между Франціею и Сѣверомъ существуетъ шѣсный союзъ наступательный и оборонительный, и что онѣ со стороны Австріи совершенно безопасенъ; иначе не вывелъ бы онѣ почти всѣхъ войскъ своихъ изъ Германіи и верхней Италіи, и не послалъ бы ихъ за Пиренейскія горы. Если бѣ Наполеонѣ примѣшилъ перемѣну въ расположеніяхъ Сѣвернаго Кабинета, то конечно не замедлилъ бы поспушить съ Австрію-скою монархіею такъ почно, какъ съ Пруссіею.

Слѣдствія показываютъ, что народъ Турецкой, при всѣхъ усиленіяхъ новаго правительсва, не можеть быть страшнымъ непріятелемъ, а особливо по причинѣ внутреннихъ мяшежей, непрерывно продолжающихся внутри государства. И такъ Наполеонова Имперія со всѣхъ сторонъ извнѣ ограждена безопасностію.

II. Когда правители многихъ государствъ союзомъ родства сопряжены между собою, то общая польза ихъ непременно требуетъ, чтобы они взаимно помогали одинъ другому. Сія общая ихъ польза иногда беретъ верхъ даже надъ пользою государства; примѣромъ тому служить испорія дома Бурбоновъ, сидѣвшихъ на престолахъ Испаніи и Франціи. — Кромѣ Короля Саксонскаго всѣ правители значнѣйшихъ государствъ союзной Имперіи, а именно Короли Испанскій, Неаполитанскій, Голландскій, Вестфальскій, Виртембергскій, Баварскій, наследники Италійскаго Королевства и Гросс-Герцогства Баденскаго принадлежатъ къ одной фамиліи, коея глава есть Французскій Императоръ. Онъ предославилъ себѣ всѣ права начальника фамиліи: безъ его согласія нишо неволей заключаетъ брачныхъ союзовъ; онъ примиретъ семейственные распри; по его мановенію прави-

шли выходящъ съ однихъ престоловъ и на другихъ посаждаются. Многіе изъ сихъ Королей носятъ на себѣ званія чиновниковъ двора Императорскаго. За то уже при брата Наполеоны и потомство ихъ мужскаго пола имѣютъ право получить по наследству Императорское достоинство. Само собою разумѣется, что при столь тѣсныхъ и выгодныхъ связяхъ своихъ, правители союзныхъ государствъ имѣютъ непрѣмный долгъ всебрюно помогать одинъ другому и быть преданными Императору. Никогда еще государи не были сопряжены столь тѣснымъ союзомъ: по родственному договору Бурбоновъ одинъ Членъ могъ непринимать участія въ войнѣ начашой другимъ; Члены Олденбургскаго дома пренебрегли общую свою пользу, нерѣдко воевали другъ противъ друга, взаимно старались одинъ другаго свергнуть съ престола или подчинить своей власти.

III. Конституція Франціи служитъ образцомъ для всѣхъ государствъ союзныхъ. Хотя нѣкоторыя изъ нихъ несходствуютъ между собою въ образѣ управленія; однакожь надѣяться можно, что сіи несходства мало по малу исчезнутъ, и что наконецъ всѣ конституціи усовершенны будутъ по Французской. Такое од-

нообразіе сблизитъ различные народы, и облегчитъ средства къ смѣшенію оныхъ. Наспущитъ время, когда на примѣръ жили Вестфальскаго королевства не спашутъ безпокоиться о томъ, въ Касселѣ или въ Парижѣ находится ихъ правительство, въ Касселѣ или въ Парижѣ засѣдаютъ ихъ депутаты, Французскими ли законами или Вестфальскими они управляются. Довольно и того, ежели они знаютъ будущъ, что всякой вновь издаваемой законъ предварительно разсмотрѣнъ ихъ депутатами.

IV. Что замѣчено выше о конституціи и законахъ, то же самое сказать можно и о системѣ внутренняго управленія. Ненужно приводить примѣры, что въ союзныхъ государствахъ существуетъ такая же внутренняя порядокъ, какой во Франціи. Правила для военной части и для гражданской здѣсь и тамъ одинаковы. То же разумѣть должно о торговлѣ и о денежныхъ оборотахъ въ государствахъ. Такое однообразіе дѣйствуетъ на умы и на расположеніе жителей. Находя у сосѣдей одинакой порядокъ въ управленіи, одинакое устройство, они почти готовы сослаться съ ними одно политическое явленіе; напротивъ того народы, управляемые по несходнымъ, а иногда и противу-

положнымъ планамъ, чувствующъ сильное побужденіе предашься чуждому владычеству. Пріятно ли на примѣръ жишелямъ шакой земли, гдѣ дозволено свободное книгопечатаніе, находишься подъ правительствомъ, которое поставило для себя священнымъ правиломъ имѣть спрожайшую цензуру? Будущъ ли довольны жишели страны, гдѣ записываютъ въ солдаты по желанію, очутившись подъ такимъ правительствомъ, которое спавитъ подъ военныя знамена всѣхъ безъ извѣщія?

(*Окончаніе въ слѣд. Нум.*)

XIX.

Извѣстія и замѣчанія.

„Англійскій фрегатъ и бригга вошли въ Дарданельскій проливъ 29 го Сентября. Г. Адеръ находился на одномъ изъ сихъ судовъ. Онъ послалъ своего драгомана въ Константинополь съ предложеніями о мирѣ. Такимъ образомъ начались переговоры между г-мъ Адеромъ и Вагибомъ Еффендѣемъ, котораго Порша отправилъ въ Дарданеллы будпо бы освидѣтельствовать укрѣпленія пролива и острова Тенедоса. Первые поступки съ обѣихъ сторонъ производились весьма тайно. О начавшемъ

ся согласїи, или о средствѣхъ обольстительномъ со стороны Англїи, можно было догадываться пошому шолько, что Англичане не задерживали кораблей Турецкихъ.“

„Ноября 16 произшедшїй въ Конспанкинополѣ мяшежъ неоспановилъ переговоровъ. Между пѣмъ Опшоманское правительство колебалось ошъ нервшишельности; оно помшило оскорбленїя, ошъ Англїи ему нанесенныя; особенно же Турецкіе миниспры опасались раздражишь Францію, будучи увѣрены, что опечество ихъ неминуемо погибнешъ, когда лишипся защиты Императора Наполеона, и зная напередъ, что сближенїе съ Англїею до конца разоришь слабую ихъ Имперїю.“

„При такихъ обстоятельспвахъ проски и золото Англїи не имѣли желаемого успѣха. Однакожь Авспрїйскїй Иншерундїй Г. Шширмеръ весьма дѣяшельно помогалъ Англичанамъ. Явно говорилъ онъ, что дворъ его желаетъ сохранить миръ; а шайно увѣрялъ, что объявишь войну Франціи, и что сїя держава принуждена будучи вести войну въ одно время и прошивъ Авспрїи, и прошивъ Испанїи, и прошивъ Англїи, не возможетъ ни вредить Турціи, ни подать ей помощь. Выраженїя шполь жарїи и сильныя едва ли

были бы и тогда извинительны, когда бы Государь сего министра имѣлъ войну противу Франціи и Россіи; но что думать должно, когда произносилъ ихъ посланникъ державы, которая съ обоими дворами Императорскими живетъ въ мирѣ, прервавши всякое сообщеніе съ Англичанами и выславши г-на Адера изъ своихъ владѣній? Турки дали ему сіе замѣшанье. Императору ошвѣчалъ, что дворъ его конечно принужденъ былъ соображаться съ общошельскими, когда Австрійскія провинціи окружены были войскомъ Французскимъ; что нынѣ, при неудачныхъ дѣйствіяхъ въ Испаніи, можно принять другія мѣры; что разрывъ съ Англіею сдѣланъ только для виду; что Англичане продолжали вести переговоры въ Триестѣ, и что Консулъ ихъ, въ Мальтѣ пребывающій, снабжалъ Австрійскіе корабли пропускаемыми письмами. “

„Но когда мы, сказали Турки, рѣшимся сдѣлать что-нибудь противное выгодамъ великаго Императора, нашего союзника; то на шведской землѣ ни откуда помощи не получимъ. Въ сію минушу здравый смыслъ Турковъ одержалъ верхъ надъ Англійскимъ золотомъ, шакъ надъ происками и неисповѣдомъ Императору. Три мѣсяца переговоры были безуспѣшны, и

Г. Адербъ гошовился къ отбвзду, какъ вдругъ появившаяся ескадра въ шакой ужасъ привела сихъ людей робкихъ и слабыхъ, что они будучи въ изумленїи, пошчасъ бросились въ объятїя Иншпернунціа и Англїйскихъ агеншовъ. Враги Франціи и Россїи удвоили спаранїя свои и происки, и Порша объявила 13 Января, что гошова заключишь миръ съ Великобританїею. Черезъ вѣсколько дней договоръ дѣйствительнo подписанъ. “

„Иншпернунцій, гордящїйся побѣдою своею, непризналъ за нужное даже наблюсти приличїя, и обнаружилъ мнѣнїя свои съ шакою радосшїю, какая свойственна приспрасшному человѣку. Онъ осыпалъ чрезмѣрными ласками всѣхъ Англичанъ, какъ находившихся въ Констаншинополѣ, такъ и прибывшихъ съ г-мъ Адеромъ; пригласилъ на пиршество къ себѣ всѣхъ Англїйскихъ подданныхъ, даже и шѣхъ, кошорыхъ недозволяли ему звать ни благоприсшоймосшь, ни важносшь его сана. Повѣренные по дѣламъ отъ Франціи, Данїи, Испанїи и Саксонїи, огорчившись споль непрїязненными поступками, объявили Иншпернунцію, что на пиршествѣ у него бышь не могутъ. Франки, также чувствуй негодованїе, не рѣшились къ нему явиться. Даже самыя женщины,

правнуки Французовъ, слѣдственно находящіяся не подъ покровительствомъ Французскаго Министра, помни свое происхожденіе, съ досадою отказались присуществовать на такомъ пиршествѣ, которое учреждено для празднованія пріумфа враговъ твердой земли.“

„Русскіе изъявили такое же неудовольствіе, какое Французы. Генералы войскъ, находящихся въ Молдавіи, прервали всякое сношеніе съ Турками, и дивизіямъ, которыя приближаются къ Турецкимъ границамъ, дано повелѣніе идти послѣшнѣ.“

Такъ въ Монистерѣ описанъ порядокъ заключенія мира между Англіею и Портою Оштоманскою. По письмамъ изъ Конштаншинополя извѣстно, что Англійскій посолъ г-нъ Адеръ 28 Января имѣлъ торжественной вѣздъ свой въ сію столицу, и принималъ поздравленія отъ государственныхъ чиновниковъ черезъ ихъ драгомановъ. Не льзя теперь знать, о какихъ еще новыхъ переговорахъ, будто бы продолжающихся между г-мъ Адеромъ и Портою, пишушь въ Вѣдомостяхъ, и ешь ли связь между ними и между прибывшемъ въ Бухарестъ Турецкихъ повѣренныхъ. Кажешя никакой; ибо на лѣвомъ берегу Дуная замѣшны движенія, непредвѣщающія добра для Поршы.

Графъ Мепшернихъ, Авспрїйской по-
 солъ, все еще находихся въ Парижѣ, и
 является въ собранїяхъ; напрошивъ шо-
 го Генераль Андреосси уже опшланялся
 Вѣнскому двору, и шеперь живеть въ по-
 мѣстѣ своемѣ близъ Парижа. Опшвѣздъ
 его не только неспрашишь друзей мира,
 но даже подаеть надежду къ скорѣйшему
 и удобнѣйшему прекращенїю возникшихъ
 несогласїй. По крайней мѣрѣ шакъ гово-
 ряшь намъ люди, принимающїе участїе въ
 нынѣшнихъ дѣлахъ политическихъ; меж-
 ду шѣмъ войска безпреспанно сгущаюшя
 внупри и виѣ Авспрїи, и вообще замѣт-
 на необыкновенная дѣяшельность въ вер-
 хней Италїи, въ Германїи и во Фран-
 цїи. Саксонцы идушь къ Богемскимъ пре-
 дѣламъ. Въ Дрезденѣ крѣпость приводихся
 въ надежное соспоянїе обороны, и жишели
 сей споллицы заблаговременно прѣчушь
 свои драгоцѣнности. Въ ожиданїи Коро-
 ля, находящагося нынѣ въ Варшавѣ, при-
 дворѣ укладывають въ ящики разныя вещи
 на случай надобности. Сокровища, въ шакъ
 называемомѣ *зеленомѣ погребѣ* хранившїя-
 ся, давно уложены, и въ одинъ день мо-
 гушь бышь перевезены въ Кенигшпейскую
 неприступную крѣпость. — Во всѣхъ Ав-
 спрїйскихъ обласпяхъ съ величайшею не-
 упомимоспїю занимаюшя земскимъ опол-
 ченїемъ. Любимой нарядѣ молодыхъ щего-

лей состоишѣ въ темносѣромѣ мундирѣ съ красною обшивкою безѣ серебра и золота. Доспашочные дворяне, которые до нынѣ заботились только о веселостяхъ, имѣють теперь постоянное упражненіе; вмѣсто того чтобы по прежнему спать до полудня, они по ушрамъ учаща военной езерциціи; отказались отъ забавъ, боясь прогулять должностъ свою въ рошѣ; читають не сказки и повѣсти, но сочиненія о военномъ искусствѣ. Марша 9го въ кафедральной церкви Св. Стефана торжественно освящены знамена для Вѣнскихъ волонтеровъ въ присутствіи Императрицы и Ердгерцоговъ. Рапники на гласисѣ крѣпости присягали подѣ сими знаменами, при чемъ отъ Ердгерцога Карла прочитана и роздана по рукамъ слѣдующая рѣчь: „Благородные волонтеры Вѣнскіе! Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи въ сей торжественной день быть между вами! Господность, съ коюрою вы нынѣ посвящали себя на службу нашего любезнаго Монарха и на защиту дражайшаго отечества, есть восхищительное для сердца событіе въ Исторіи Австрійской. Оно составляетъ неразрывный союзъ любви и довѣренности между Монархомъ и вами. При грозящей отечеству опасности я полагаюсь на вашу руку. Никто изъ васъ не захочетъ носить на себѣ ни

поруганія отъ непріятелей, ни чуждаго
ига. Сія швердая, папріющическая рѣ-
шимость дѣлаешъ героями, и обѣщашъ
побѣду. Куда позовушъ насъ чешъ и оше-
чешво; шамъ я опяшъ найду васъ, шамъ
и вы меня найдешъ.“

*

Князь Архиканцлеръ Французской
Имперіи 6 Марша сообщилъ Сенашу, что
Гросс-Герцогство Бергское и Клевское,
обратно уступленное Императору Напо-
леону Королемъ Іоакимомъ, нынѣ полу-
чило новаго владѣтеля въ малолѣшномъ
Принцѣ Наполеонѣ - Лудовикѣ, спаршемъ
сынѣ Короля Голландскаго. Онъ родился
11 Октябрю 1804 года, и признанъ за
наслѣдника Французской Имперіи. Г. Марс,
Государственнѣйшій Секретарь Императора,
будетъ управляшъ владѣніями сего Прин-
ца. Кромѣ того Сенашу еще дано знашъ,
что управленіе Великаго Княжества То-
сканскаго поручено сеспрѣ Императора
Елизѣ, Княгинѣ Лукской и Пюмбинской,
супругѣ Князя Феликса (Баччюки). вмѣ-
стѣ съ новою должностію она получаешъ
пенсію Великои Княгини.

*

Въ Гамбургскихъ вѣдомостяхъ помѣ-
щены извѣстія о происшедшей перемѣнѣ
въ Шведскомъ правительствѣ. Народъ и
войско, желая мира, непредвидѣли окон-

чанія войны, споль для нихъ злосчастной. Слѣдствіемъ сего неудовольствія было, что Баронъ Адлерспарръ, начальствующій часпю войска прошивъ Норвегїи, двигнулся къ Спокгольму для приведенія дѣлъ въ лучшій порядокъ, что Король сложилъ съ себя высокую свою должность, и что Герцогъ Зюдерманландскій признанъ правителемъ Королевства и опекуномъ малолѣтнаго Кронъ - Принца. Сіе случилось 13 числа Марша. Новой правитель немедленно разослалъ ко Дворамъ курьеровъ съ извѣстіемъ какъ о семъ важномъ производствіи, такъ и о томъ, что Швеція разрываетъ союзъ свой съ Англією.

16 *Апрѣля.* К.

КОНЕЦЪ XLIV ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н И Е
СОРОКЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

М А Р Т Ъ, № 5.

	Стран.
I. Объ источникахъ для Русской Истории. (Продолженіе.)	3
II. Отчаяніе.	20
III. Письмо Графа Петра Александровича Румянцова - Задунайскаго къ ЕКАТЕРИНѢ II.	27
IV. Стихи на смерть Графа Шереметева.	29
V. Новый Амфіонъ (Басня).	31
VI. Къ стихотворцу Крадову.	33
VII. Монологъ Франца Моора.	34
VIII. Письмо изъ Малороссіи.	36
IX. Рѣчи, произнесенная Мършаломъ Рюменскаго повѣта Василиемъ Полепикою къ избраннымъ Судіямъ, при ввѣдѣ ихъ въ Присудственные мѣста, 2 Февраля 1809 года.	39
X. О литературѣ Французской въ XVIII столѣтіи.	41
XI. Смѣсь.	55
XII. Нѣчто о началѣ войска Янычарскаго.	65

	Стран.
XIII. Спашья изъ Лондона.	67
XIV. Биографическое извѣстіе о бывшемъ Прусскомъ Министрѣ Шлейнѣ.	72
XV. Извѣстія и замѣчанія.	73

М А Р Т Ъ, No 6.

I. Бади, или опкровенность и благо- разуміе.	81
II. Стихи для Альбомовъ.	90
III. Эпиграфия самому себѣ.	92
IV. Толкованіе.	93
V. Эпиграмма.	94
VI. Ворона и нувшинѣ. Басня.	—
VII. Къ Лаурѣ.	95
VIII. Моленье Лауры.	96
IX. Эпиграмма.	97
X. Объ источникахъ для Русской Ис- торіи. (Продолженіе.)	98
XI. Необыкновенной способъ ловить птицъ, употребляемый Коряками и Ламушами.	120
XII. Дружба Китайца.	122
XIII. Два слова ошъ Издашеля.	125
XIV. Къ А. Н. В.	130
XV. Извѣстіе о старой книгѣ, въ ко- торой есть новое.	133
XVI. Политическое сновидѣніе 1806 года.	141
XVII. Извѣстія и замѣчанія.	153

А П Р Ъ Л Ъ, Но 7.

Стран.

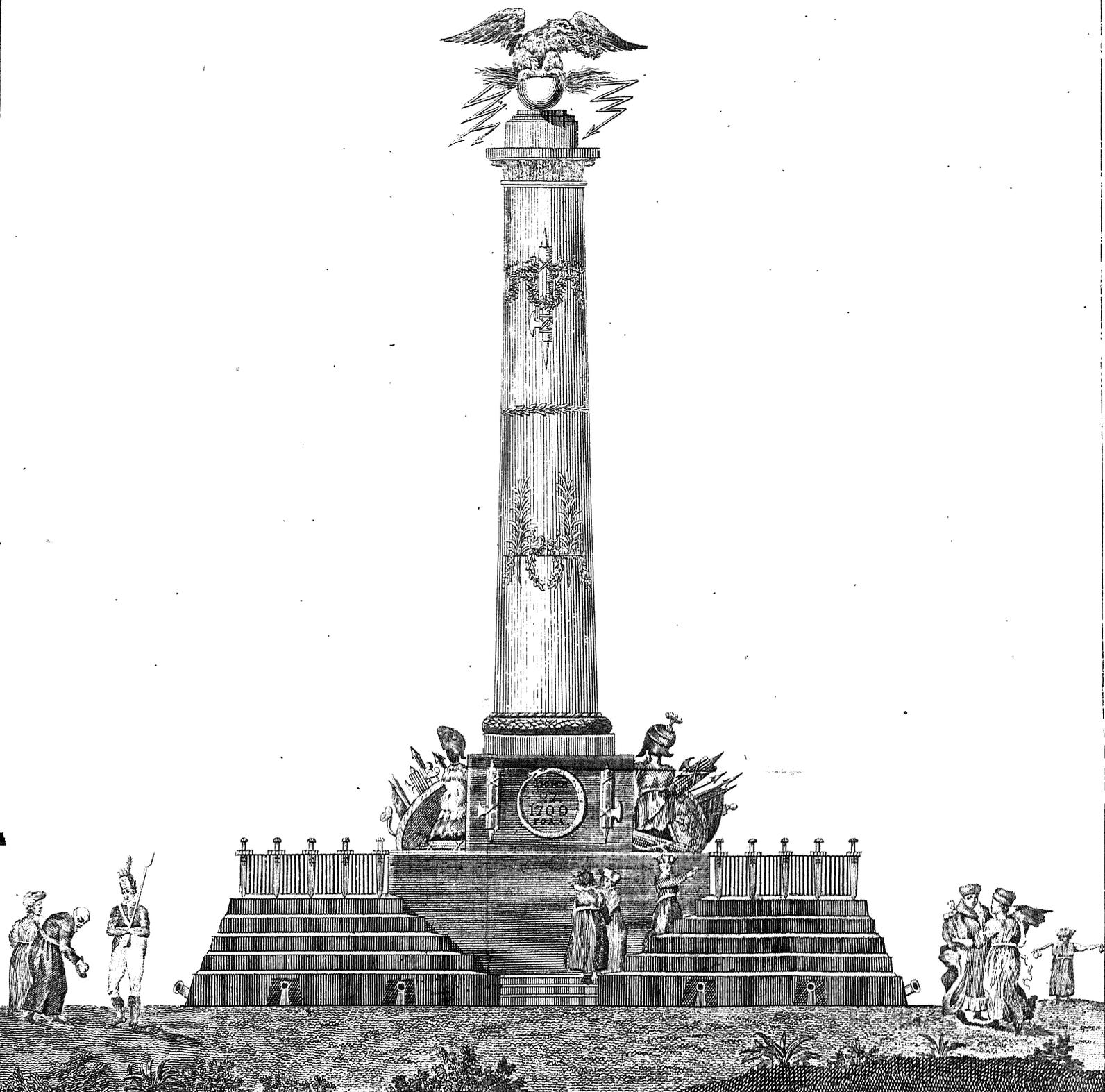
I.	О томъ, что насъ обманываетъ.	161
II.	Приспращеніе Сибиряковъ къ кон- скимъ скачкамъ.	168
III.	На смерть Біона.	170
IV.	Александръ Великій передъ смертью.	181
V.	Бракъ по разсчету.	183
VI.	О дружбѣ Государей.	198
VII.	Письмо къ Издшелю.	207
VIII.	О краснорѣчій Испанцевъ.	212
IX.	Новѣйшая Статистика Россійской Имперіи.	219
X.	Объ Австріи.	230
XI.	Извѣстія и замѣчанія.	235

А П Р Ъ Л Ъ, Но 8.

I.	Амеданъ и Зеила, или блестя- щіе супруги.	241
II.	Эпитафія	257
III.	Къ Лаурѣ.	258
IV.	Отвѣтъ на два слова Издшелю Вѣстника Европы.	262
V.	Къ Камѣ.	265
VI.	Подарокъ, въ день Ангела Каши.	267
VII.	Герой.	268
VIII.	Къ надеждѣ.	—

	Стран.
IX. Эпитафія.	270
X. Приѣмъ и угощеніе у Киргизовъ.	271
XI. Два письма къ Издашелю.	274
XII. Элексиръ безсмертія.	281
XIII. Празднѣй челоѣкъ.	285
XIV. Обѣдъ Бедуина.	288
XV. Отрывокъ изъ рукописи, подѣ заглавіемъ: Теорія чесполубія. Глава о характерѣ.	289
XVI. О переплетахъ и переплетчикахъ.	294
XVII. Три Философа.	298
XVIII. Забчанія о соединеніи Госу- дарствъ и смѣшеніи народовъ.	304
XIX. Извѣстія и забчанія.	312

Полнота и высота в 100 фт.